

ISSN 2074-9848

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2012

1 (11)

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2012

БАЛТИЙСКИЙ

РЕГИОН

2012

1 (11)

Калининград:
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2012.
155 с.

Учредители:

Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

Редакционный совет

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой политологии и социологии, ректор БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., проректор по организации работы ученых советов, зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ — сопредседатель; *С. С. Артоболевский*, д-р геогр. наук, проф., зав. отделом экономической и социальной географии Института географии РАН; *В. Г. Барановский*, д-р ист. наук, проф., зам. директора ИМЭМО РАН; *К. Веллман*, д-р, исполняющий обязанности директора Отдела по вопросам исследований мира и конфликтов Института социальных наук Университета Христиана-Альбрехта, г. Киль (Германия); *А. В. Кортунов*, канд. ист. наук, президент АНО «ИНО-Центр»; *К. Люхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ; *А. Ю. Мельвил*, д-р филос. наук, проф., декан факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики; *Р. М. Нуреев*, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета — Высшая школа экономики; *А. О. Чубарьян*, проф., акад. РАН, директор Института всеобщей истории РАН; *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, проф. экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Редакционная коллегия

Н. В. Каледин, канд. геогр. наук, доц., зав. кафедрой региональной политики и политической географии, проректор по учебно-методической работе СПбГУ — сопредседатель; *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., зав. кафедрой социально-экономической географии и геополитики, проректор по научной работе БФУ им. И. Канта — сопредседатель; *С. И. Богданов*, д-р филол. наук, проф. кафедры общего языкознания, декан факультета филологии и искусств СПбГУ; *Ю. М. Зверев*, канд. геогр. наук, доц., директор НОЦ «Институт Балтийского региона» БФУ им. И. Канта; *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф., зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ; *Э. Кнаппе*, д-р агрономии, руководитель направления «Региональная география Европы», Институт землепользования им. Лейбница, г. Лейпциг (Германия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований Института географии РАН; *Ю. В. Косов*, д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой международных отношений Северо-Западной академии государственной службы; *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ; *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., директор Института географии Гданьского университета (Польша); *Н. Г. Скворцов*, д-р социол. наук, проф., декан факультета социологии, проректор по научной работе СПбГУ.

ISSN 2074-9848

BALTIC REGION

2012

1 (11)

I. Kant Baltic Federal University Press
2012

BALTIC

REGION

2012

1 (11)

Kaliningrad:
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2012.
155 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint-Petersburg
State University

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University of Russia, 2012

Editorial council of the journal

Prof. *Artobolevsky Sergey*, head of the Department of Economic and Social Geography of the Institute of Geography, the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Baranovsky Vladimir*, deputy director of the Institute of the World Economy and International Relations (IMEMO), the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Chubaryan Aleksander*, director of the Institute of World History, the Russian Academy of Sciences, Russia; Prof. *Klemeshev Andrey*, rector, Immanuel Kant Baltic Federal University of Russia, Russia — co-chair; Prof. *Khudoley Konstantin*, vice-rector for Academic Council organisation, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Dr *Kortunov Andrey*, president of the "INO-Centre"; Dr *Liuhito Kari*, director of the Pan-European Institute, Finland; Prof. *Mau Vladimir*, rector, the Academy of National Economy, Russia; Prof. *Melville Andrey*, dean of the Faculty of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nureev Rustem*, head of the Department of *Economic Analysis of Organizations and Markets*, National Research University Higher School of Economics, Russia; Prof. *Shastitko Andrey*, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University, Russia; Dr *Wellmann Christian*, acting head of Division for Peace and Conflict Research of the Institute of Social Sciences of Kiel University (former SHIP), Kiel, Germany.

Editorial board of the journal

Prof. *Bogdanov Sergey*, dean of the Faculty of Philology and Arts, Saint-Petersburg State University, Russia; Prof. *Fedorov Gennady*, vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University of Russia, Russia — co-chair; Prof. *Ilyin Mikhail*, head of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Kaledin Nikolay*, vice-rector for academic affairs, Saint-Petersburg State University, Russia — co-chair; Dr *Knappe Elke*, Leipzig, Germany; Prof. *Kolosov Vladimir*, director of the Center of Geopolitical Studies of the Institute of Geography, the Russian Academy of Sciences; Prof. *Kosov Jury*, head of Department of International Relations, professor, the North-West Academy of Public Administration, Saint-Petersburg, Russia; Prof. *Mezevich Nikolay*, head of the Center for the Cross-border Studies, Saint-Petersburg State University, Russia; Prof. *Palmowski Tadeusz*, director of the Institute of Geography, University of Gdansk, Poland; Prof. *Skvortsov Nikolay*, vice-rector for research, Saint-Petersburg State University, Russia; Dr *Zverev Jury*, deputy vice-rector for research, Immanuel Kant Baltic Federal University of Russia, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакционного совета</i>	7
Трансграничное сотрудничество	
<i>Косов Ю. В., Вовенда А. В.</i> Традиции российского и европейского представления о государственной границе в условиях трансграничного регионального сотрудничества	8
<i>Кузнецов А. В.</i> Трансграничная корпоративная интеграция в Балтийском регионе	17
<i>Анищенко А. Г., Сергунин А. А.</i> «Города-близнецы»: новая форма приграничного сотрудничества в Балтийском регионе?	27
Международные отношения	
<i>Лёвкин И. М., Шацкая В. И.</i> Оценка эффективности ответных действий Российской Федерации на реализацию концепции размещения ПРО США в Европе	39
<i>Рябов Ю. А.</i> Экстернализация миграционного контроля в Европейском союзе: первые шаги по формированию внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия	60
<i>Баженов Ю. Н., Подишувейт О. В.</i> Проблемы и возможности развития внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия	70
Территориальные системы	
<i>Елацков А. Б.</i> Территориально-политические и региональные геополитические системы: соотношение понятий	81
<i>Гуменюк И. С., Мельник Д. А.</i> Транснациональная территориальная транспортная система Балтийского региона	90
Вопросы регионального развития	
<i>Гогоберидзе Г. Г., Мамаева М. А.</i> Стратегические возможности экономического развития российских прибрежных зон и морских портово-промышленных комплексов Балтийского моря	98
<i>Мартынов В. Л., Сазонова И. Е.</i> Территориальная структура производительных сил Северо-Запада России в 2000—2010 годах	110
<i>Волошенко К. Ю., Колосовский А. М., Тихонова А. А.</i> Оценка научно-технического потенциала в условиях инновационной модели развития региональной экономики	120
<i>Клютер Г., Левченков А. В.</i> Проблемы развития сельской местности Северо-Восточной Германии	131
Исследования молодых ученых	
<i>Мегем М. Е., Вакар М.</i> Литва XI—XIV веков в трудах отечественных историков 50—70-х годов XIX века	144

CONTENTS

<i>From editorial board</i>	7
<i>Cross border cooperation</i>	
<i>Kosov Yu. V., Vovenda A. V.</i> The traditions of Russian and European perception of state frontier in the conditions of transborder regional cooperation	8
<i>Kuznetsov A. V.</i> Transborder corporate integration in the Baltic Region	17
<i>Anishenko A. G., Sergunin A. A.</i> Twin cities: a new form of cross-border cooperation in the Baltic Region?.....	27
<i>International relations</i>	
<i>Lyovkin I. M., Shatskaya V. I.</i> Assessment of efficiency of Russian response to the implementation of US missile defence deployment concept in Europe	39
<i>Ryabov Yu. A.</i> The externalisation of migration control in the European Union: first steps towards the external dimension of the space of freedom, security and justice	60
<i>Bazhenov Yu. N., Podshuvejt O. V.</i> Foreign economic activity of Saint Petersburg, the Leningrad Region, and the Republic of Karelia: problems and opportunities for development.....	70
<i>Territorial systems</i>	
<i>Yelatskov A. B.</i> Territorial-political and regional geopolitical systems: correlation of concepts	81
<i>Gumenyuk I. S., Melnik D. A.</i> The transnational territorial transport system of the Baltic Region.....	90
<i>Regional development</i>	
<i>Gogoberidze G. G., Mamaeva M. A.</i> Strategic opportunities for economic development of the Baltic Sea coastal zones and sea industrial and port complexes	98
<i>Martynov V. L., Sazonova I. Ye.</i> The territorial structure of productive forces of Russian North-West in the 2000—2010s.....	110
<i>Voloshenko K. Yu., Kolosovsky A. M., Tikhonova A. A.</i> The assessment of research and technical potential in the framework of innovative model of development of regional economy.....	120
<i>Klüter H., Levchenkov A. V.</i> Rural areas of Eastern Germany: modern challenges	131
<i>Research of young scientists</i>	
<i>Megem M. Ye., Vakar M.</i> Lithuania of the 11 th —14 th centuries in the works of Russian historians of the 1850—1870s.....	144

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Первый номер журнала «Балтийский регион» за 2012 г. посвящен нескольким основным проблемам.

В разделе «Трансграничное сотрудничество» дается характеристика основным представлениям о государственной границе в российской и европейской политических культурах как важнейшего инструмента в развитии трансграничного регионального сотрудничества (Ю. В. Косов, А. В. Вовенда), рассматриваются взаимные потоки прямых иностранных инвестиций в Балтийском регионе (А. В. Кузнецов), предпринимается попытка комплексного феномена «городов-близнецов» как формы приграничного сотрудничества в Балтийском регионе (А. Г. Анищенко, А. А. Сергунин).

Статьи раздела «Международные отношения» знакомят с проблемами размещения элементов системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки в Восточной Европе (И. М. Лёвкин, В. И. Шацкая), ограничения притока иммигрантов и беженцев как важнейшей составной части формирования внешнеполитического измерения пространства свободы безопасности правосудия (А. Ю. Рябов), а также развития межрегиональных взаимосвязей между граничными территориями — Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и Республикой Карелией (Ю. Н. Баженов, О. В. Подшувейт).

Среди тем раздела «Территориальное развитие» — содержание и соотношение понятий территориально-политической и региональной геополитической систем с точки зрения деятельностно-геопространственного подхода (А. Б. Елацков) и состояние территориальной транспортной системы Балтийского региона (И. С. Гуменюк, Д. А. Мельник).

Еще один раздел посвящен вопросам регионального развития. В нем обосновывается разработка индикаторной системы оценки морского потенциала прибрежных зон и морских портово-промышленных комплексов Балтийского моря (Г. Г. Гогоберидзе, М. А. Мамаева), рассматриваются изменения пространственной структуры экономики Северо-Западного федерального округа на протяжении первого десятилетия XXI в. (В. Л. Мартынов, И. Е. Сазонова), дается оценка научно-технического потенциала и достигнутого уровня инновационной активности в Калининградской области как необходимых предпосылок реализации инновационной модели экономики (А. М. Колосовский, К. Ю. Волошенко, А. А. Тихонова), анализируются проблемы и вызовы, стоящие перед сельской местностью Северо-Восточной Германии (Г. Клотер, А. В. Левченков).

Завершает номер раздел «Исследования молодых ученых», в котором публикуется статья М. Е. Мегема и М. Вакара о восприятии средневековой Литвы (XI—XIV вв.) отечественными учеными 50—70-х гг. XIX в.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 327(470.26)

ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Ю. В. Косов

А. В. Вовенда*

Дана характеристика основным представлениям о государственной границе в российской и европейской политических культурах как важнейшего инструмента в развитии трансграничного регионального сотрудничества. Понятие «государственная граница» рассматривается через призму региональных интеграционных процессов. Показана роль трансграничных связей между Россией и Европейским союзом в развитии взаимовыгодного стратегического партнерства в Балтийском регионе.

Исторический опыт, геополитическое положение, национальная психология и некоторые другие факторы влияют на восприятие государственной границы в политической культуре, которые могут отличаться в массовом сознании разных стран. Государственная граница выступает ключевым императивом трансграничного регионального сотрудничества. Трансграничное сотрудничество между Россией и ЕС — необходимая основа для развития стратегического партнерства, и именно приграничное сотрудничество в регионе Балтийского моря является наиболее оптимальным для достижения этой цели. На современном этапе развития отношений между Россией и ЕС существует ряд механизмов и программ сотрудничества в Балтийском регионе. В долгосрочной перспективе для России и Европейского союза совершенствование региональных интеграционных процессов в рамках Балтийского региона — один из ключевых элементов для дальнейшего укрепления и развития стратегического сотрудничества.

* Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
199178, Россия, Санкт-Петербург,
Средний просп. В.О., 57/43.

Поступила в редакцию 16.08.2011 г.

Ключевые слова: политическая культура, государственная граница, трансграничное сотрудничество, региональные интеграционные процессы.

Политическая культура — необходимое звено функционирования политической системы и государственных институтов. Она отражает уровень взаимодействия людей в сфере социально-политических отношений. Стереотипы и установки, содержащиеся в политической культуре, оказывают значительное влияние на формирование представлений и взглядов о важных категориях и реалиях международных отношений. Одной из таких важнейших категорий является граница.

Как известно, государственная граница — это линия, определяющая пределы государственной территории. Граница — линия, ограничивающая пространство, на которое распространяется национальный суверенитет. «Граница между государствами с той поры, как она возникла, и по сию пору служит неиссякаемым источником споров, конфликтов и войн. Сама проблема границы как бы имманентно содержит в себе международный конфликт, ибо она, как и граница, родилась из споров между народами, из конфликтов и войн между ними по поводу занимаемой территории» [6].

Конфликты между государствами, порожденные пространственно-территориальными причинами, наиболее продолжительные по времени и наиболее трудноразрешимые среди всех международных конфликтов. Мировая история содержит много примеров, подтверждающих данные положения. Так, Реконкиста — борьба народов Пиренейского полуострова за возвращение своих земель, захваченных арабами и берберами (впоследствии названными маврами), — продолжалась почти восемь столетий — с 718 по 1492 г. Многие пограничные конфликты не разрешены и по настоящее время — с 1704 г. продолжается тяжба между Испанией и Великобританией по поводу Гибралтара. Британско-аргентинские разногласия по поводу принадлежности Фолклендских (Мальвинских) островов, греко-турецкие противоречия, проблема Северной Ирландии, споры вокруг территориального размежевания бывших республик, входивших в состав Югославии, индо-пакистанские пограничные инциденты и т. д.

Таким образом, роль территориального фактора имеет большое значение в политике современных государств. Государственная граница — это некий символ. Он характеризует степень централизации государства, стабильность его развития, эффективность внешней политики. Территориально-пограничные вопросы получают достаточно широкое отражение в массовом сознании. Представления о государственной границе как политическом символе и факторе, влияющем на поведение государств на мировой арене, стали важным элементом национальных политических культур. Рассмотрим более подробно, как данная проблема воспринимается в европейской и российской политико-культурных традициях, которые оказывают влияние на развитие трансграничных процессов в Балтийском регионе.

В европейской политической культуре граница воспринимается прежде всего как разделительная линия. Во-первых, европейский континент уже со Средних веков был достаточно плотно заселен, свободных, неосвоенных территорий, которые могли бы выступать как значимые пограничные зоны, не осталось. Во-вторых, длительная раздробленность многих европейских стран (вспомним, что такие крупные ев-

ропейские государства, как Италия и Германия, объединились только во второй половине XIX в., а последняя пережила еще один раскол уже в XX в. после окончания Второй мировой войны) вела к возникновению карликовых княжеств и других малых государств, наиболее приемлемыми среди которых были линейные границы.

Однако линейные границы в Европе имели свою специфику. Между государствами, относящимися к западнохристианскому (католическому и протестантскому) миру, государственные границы, как правило, являлись достаточно прозрачными. Вполне допустимыми и не затруднительными во многих случаях были, например, массовые переходы солдат и офицеров, чиновников и инженеров на службу от одного к другому единому государю. В Европе всегда активно велась трансграничная торговля и развивались трансконтинентальные экономические связи. При этом внешний пограничный периметр западнохристианского мира никогда прозрачным не был. Он строго охранялся и был затруднен для преодоления. Так, известный французский историк Ж. Ле Гофф, характеризуя средневековое западное христианство, пишет, что «оно оставалось замкнутым миром того общества, которое могло присоединить к себе насильно одних новых членов, но исключало других, то есть определялось подлинным религиозным расизмом. Принадлежность к христианству была критерием его ценностей и поведения. Война между христианами была злом, но становилась долгом, когда ее вели против иноверцев» [5, с. 142].

В наше время — уже в других исторических условиях — традиции восприятия государственных границ в европейской политической культуре продолжают сохраняться. Разделительные линии между государствами Европейского союза становятся все более прозрачными, внешняя граница этого интеграционного объединения продолжает укрепляться. Правда, следует отметить, что осложнение территориально-пограничных проблем в Европе имеет и объективные причины: «Коллапс советского блока, объединение Германии, распад Советского Союза, хаотические территориальные размежевания на Балканах снова поставили Европу в фокус конфликтных ситуаций и напряженности» [8, р. XI].

Иное значение придается категории «граница» в российской политической культуре. В известной мере это обусловлено геополитическим положением и историческим опытом развития нашей страны. Россия, наоборот, не имеет естественным образом защищенных границ. Она имеет прямую сухопутную связь со всеми основными регионами и центрами Евразии. Наша страна, занимающая важное геостратегическое положение, стала объектом нашествий многих известных в истории завоевателей и ареной крупнейших войн. В связи с этим, как справедливо отмечает И. Л. Прохоренко, в русской политико-культурной традиции понятие граница имеет вообще совершенно исключительное значение. «Граница — это прежде всего линия обороны, защищающая «наше» от «чужого», враждебного. Недаром в русском языке синонимами слова «иностранный» выступают прилагательные «зарубежный», «заграничный». Не случайна, по всей видимости, также и распространенность в русском эпосе темы «бескрайности», «бескрайних просторов»... в этих словах подспудно зало-

жено понимание пространства, свободного от врагов, где граница («край») бесконечно далека, а значит, и далек иноземный враг» [7, с. 80].

На современном этапе развития многосторонних межгосударственных отношений государственная граница становится ключевым императивом в глобальных и региональных политических процессах поскольку, во-первых, вопрос границ и приграничных территорий до сих пор вызывает противоречия между суверенными государствами, в качестве примера здесь можно привести разногласия между Россией и Японией по поводу островов Курильской гряды. Во-вторых, с развитием глобализационных и интеграционных процессов все больше говорится о так называемом «размывании» границ государств, создаются таможенные союзы и зоны свободной торговли, призванные обеспечивать стабильное экономическое и политическое сотрудничество. В-третьих, государственная граница — одно из ключевых понятий в осмыслении региональных политических процессов, формой которых наряду с региональными интеграционными процессами является трансграничное региональное сотрудничество.

Развитие внутренних приграничных регионов — важнейший стабилизирующий фактор во внешней и внутренней политике любого государства. Сотрудничество на региональном уровне способствует развитию и укреплению не только политических и экономических связей между государствами в отдельно взятом регионе, но и интеграционных процессов в данном регионе. Основываясь на исторических предпосылках и традициях, трансграничное региональное сотрудничество способствует созданию и развитию сети международных региональных организаций, в рамках которых реализуется ряд программ и проектов.

В процессе эволюции трансграничное региональное сотрудничество между государствами приобретает характер единого интеграционного процесса, результатом которого может стать создание крупного наднационального интеграционного объединения. Классическим примером такого «собирания» региональных трансграничных связей в единое целое является Европейский союз.

На ранних стадиях эволюции европейской интеграции сотрудничество между государствами осуществлялось в рамках трех крупных региональных международных организаций: Европейского объединения угля и стали, Европейского экономического сообщества, Европейского сообщества по атомной энергии. Однако впоследствии, в 1967 г., они объединились в так называемые европейские сообщества [3], их нормы, в свою очередь, стали основой Маастрихтского договора, подписанием которого в феврале 1992 г. завершился процесс оформления Европейского союза как единого интеграционного образования. Данный исторический пример показывает, насколько важную роль играет трансграничное региональное сотрудничество в интеграционных процессах, однако следует подчеркнуть, что оно имеет циклический характер. Это означает, что, возникнув, крупное интеграционное объединение вынуждено налаживать региональное сотрудничество уже с другими приграничными государствами-соседями, при этом трансграничные связи между государствами внутри самого объединения выходят на качественно новый уровень.

Сегодня для Европейского союза, после нескольких его расширений, ключевым фактором развития выступает установление трансграничного регионального сотрудничества с Россией. Наиболее удобной площадкой для развития данного трансграничного партнерства является Балтийский регион. Во-первых, потому, что в 1995 г. после вступления Финляндии в Европейский союз российско-финская граница протяженностью более тысячи километров стала общей границей между Россией и ЕС. В связи с этим сотрудничество именно в Балтийском регионе — важнейшее соединяющее звено, необходимое для развития поступательного и долгосрочного взаимовыгодного партнерства. А увеличение ЕС в 2004 г. за счет присоединения к нему Латвии, Литвы и Эстонии — еще один довод в пользу развития сотрудничества именно в этом регионе. Вторая причина — энергетический фактор. Европейский союз заинтересован в импорте российских энергоресурсов без стран-посредников, из-за чего трансграничному сотрудничеству придается особое значение, и строительство газопровода «Северный поток» по дну Балтийского моря стало логичным результатом удовлетворения геополитических интересов обеих сторон.

На современном этапе сотрудничество между Россией и ЕС в Балтийском регионе остается главным элементом развития взаимного партнерства. Это объясняет наличие ряда совместных программ и проектов, реализуемых в рамках политики «Северное измерение», Европейской политики соседства и Европейского инструмента соседства и партнерства (ЕИСП), который начал функционировать с 2007 г.

Европейская политика партнерства представляет собой механизм развития трансграничного регионального сотрудничества между ЕС и странами-соседями, приоритетными целями которого являются создание приграничной зоны безопасности так называемого «кольца дружественных стран» на границах Европейского союза [1], а также содействие в развитии сотрудничества в области политики, экономики и культуры. В свою очередь, Европейский инструмент соседства и партнерства является основным финансовым механизмом оказания содействия странам, участвующим в Европейской политике соседства, а также России.

В рамках ЕИСП реализуются комплексные программы и проекты, направленные на укрепление связей между приграничными регионами России и Европейского союза. В качестве примера здесь можно привести Программы приграничного сотрудничества, которые были подписаны на саммите Россия — ЕС в Стокгольме в ноябре 2009 г. Данные программы призваны не только упрочить приграничные связи между регионами ЕС и РФ, но и нацелены на развитие взаимовыгодного сотрудничества в целом.

Общий бюджет программ составляет примерно 437 млн евро. Программы финансируются из разных источников: Европейской комиссией (267 млн евро), странами-членами ЕС (67 млн евро) и Российской Федерацией (103,7 млн евро) [1]. В них принимают участие регионы Северо-Запада России: Ленинградская, Мурманская, Архангельская, Калининградская области, Республики Коми и Карелия, Санкт-Петербург; со стороны ЕС — Финляндия, Швеция, Прибалтийские государства [4].

Управление программами осуществляется на принципах взаимовыгодного партнерства, комплементарности, т. е. данные приграничные программы должны поддерживать более крупные наднациональные проекты в рамках развития стратегического сотрудничества между Россией и ЕС, а также на принципе паритетного представительства, что означает создание единой рабочей группы и совместного органа управления реализацией программы. Однако необходимо подчеркнуть, что помимо реализации совместных программ и проектов в рамках межгосударственного партнерства трансграничного регионального сотрудничества, основываясь на исторических предпосылках и традициях, является импульсом для создания и развития сети международных региональных организаций, которые также способствуют укреплению межгосударственных отношений.

Исключением не стал и Балтийский регион, в рамках которого функционирует ряд международных региональных организаций, призванных укреплять и развивать сотрудничество между Россией и Европейским союзом, к примеру Совет государств Балтийского моря.

Трансграничное региональное сотрудничество между Россией и ЕС осуществляется и в рамках еврорегионов — «приграничных сообществ международного трансграничного сотрудничества европейских стран в области экономики, культуры, образования, транспорта, экологии... создаваемых на основе принципа субсидиарности» [2]. В качестве примеров еврорегионов, в рамках которых осуществляется трансграничное сотрудничество между РФ и ЕС, следует назвать «Неман» и «Балтику», в которые входит Калининградская область, а также еврорегион «Карелия».

Таким образом, на основе изложенного можно сделать следующие общие выводы:

Во-первых, исторический опыт, геополитическое положение, национальная психология и некоторые другие факторы определяют представления о государственной границе в политической культуре, которые могут варьироваться в массовом сознании различных стран. Государственная граница — ключевой императив трансграничного регионального сотрудничества, поскольку, будучи линией разграничения суверенитета государств, она выступает в роли как положительного, так и отрицательного фактора в развитии трансграничных региональных межгосударственных связей.

Во-вторых, трансграничное региональное сотрудничество — важнейший фактор в развитии региональных интеграционных процессов, которые, в свою очередь, необходимы для стабильного политического и экономического развития любого государства.

В-третьих, трансграничное сотрудничество между Россией и Европейским союзом — необходимая основа для развития стратегического партнерства, и именно приграничное сотрудничество в регионе Балтийского моря является наиболее оптимальным для достижения этой цели.

В-четвертых, на современном этапе развития отношений между Россией и ЕС существует ряд механизмов и программ совместного сотрудничества в Балтийском регионе, к которым мы можем отнести и

Европейскую политику соседства и Европейский инструмент соседства и партнерства, и проекты, реализуемые в рамках политики «Северное измерение» и региональных международных организаций.

Сформировавшиеся на протяжении многих столетий традиции представления о понятии «государственная граница», существенно отличавшиеся в российской и европейской политической культуре, в наше время претерпевают определенную трансформацию в направлении сближения и взаимоотношения обоих этих подходов. Этот процесс достаточно наглядно проявляется в Балтийском регионе в условиях расширения и активизации трансграничных связей между субъектами такого сотрудничества, входящими в состав как РФ, так и ЕС.

В заключение следует отметить, что в долгосрочной перспективе для России и Европейского союза совершенствование региональных интеграционных процессов в рамках Балтийского региона — один из ключевых элементов для дальнейшего укрепления и развития стратегического сотрудничества.

Список литературы

1. *Представительство* Европейской комиссии в России : [официальный сайт]. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/fields_cooperation/higher_education/index_ru.htm (дата обращения: 23.07.2011).
2. *Вовенда А. В., Плотников В. А.* Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. Вып. 4. С. 60—67.
3. *Косов Ю. В.* Роль римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 46—50.
4. *Косов Ю. В.* Трансграничное региональное сотрудничество: северо-запад России // Полис. 2003. № 5. С. 145—153.
5. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
6. *Поздняков Э. А.* Геополитика. М., 1995.
7. *Прохоренко И. Л.* Понятие границы в современной геополитике // Геополитика: теория и практика. М., 1993.
8. *Border and territorial disputes* / ed. by J. B. Allcock [et al]. L., 1992.

Об авторах

Косов Юрий Васильевич, доктор философских наук, профессор, декан факультета международных отношений, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации.

E-mail: kosov@peterlink.ru

Вовенда Алексей Викторович, преподаватель кафедры международных отношений, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации.

E-mail: vovenda-1c@mail.ru

THE TRADITIONS OF RUSSIAN AND EUROPEAN PERCEPTION
OF STATE FRONTIER IN THE CONDITIONS
OF TRANSBORDER REGIONAL COOPERATION

Yu. V. Kosov, A. V. Vovenda

*North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
57/43, Sredny pr., Saint Petersburg, 199178, Russia*

Received 16 August 2011

This article deals with the key interpretations of state frontier in European and Russian political cultures as the most important instrument in the development of cross-border regional cooperation. The theoretical significance of this work lies in the definition of the term “state frontier” through the prism of regional integration processes. The practical component consists in the identification of the role of cross-border regional relations between Russia and the European Union in the developing of mutually beneficial joint strategic cooperation.

The main results are as follows. Historical experience, geopolitical position, national psychology, and some other factors determine the perception on the state frontier in a political culture, which can be vary in the mass consciousness from country to country. State frontier is a key imperative of the cross-border regional cooperation. Cross-border cooperation between Russia and the EU serves as a ground for the development of strategic partnership; it is cross-border cooperation that is most efficient to this end in the region of the Baltic Sea region. Recently, different joint cooperation mechanisms and projects have developed in the Baltic Region in the framework of Russia-EU relations. In the long-term perspective, the development of regional integration processes within the Baltic Region seems to be one of the most important elements for further strengthening of strategic cooperation.

The ideas presented in the article contribute to the enhancement of scientific understanding of regional integration processes and identify the role of frontiers in the development of cross-border relations. A possible practical application of the results obtained is the formation of a conceptual framework for the analysis of cross-border cooperation between Russia and the EU in the Baltic Region as an important region for the development of joint strategic partnership.

Key words: political culture, state frontier, cross-border cooperation, regional integration processes.

References

1. Ofitsial'ny sayt Predstavitel'stva Evropeyskoy Komissii v Rosii [European Union — EEAS (European External Action Service Europa)], available at: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/fields_cooperation/higher_education/index_ru.htm (accessed 23 July 2011).
2. Vovenda, A. V., Plotnikov, V. A. 2011, *Balt. Region*, no. 4, p. 60—67.
3. Kosov, Ju. V. 2008, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 3, p. 46—50.
4. Kosov, Ju. V. 2003, *Polis*, no. 5, p. 145—153.

5. Le Goff, Zh. 1992, *Tsivilizatsya srednevekovogo Zapada [The civilization of the medieval West]*, Moscow.
6. Pozdnyakov, E. A. 1995, *Geopolitika*, Moscow.
7. Prokhorenko, I.L. 1993, Ponyatie granitsy v sovremennoy geopolitike. In: *Geopolitika: teoriya y praktika [Geopolitics: Theory and Practice]*, Moscow.
8. Allcock, J.B., Arnold, C. and Day, A.J. 1992, *Border and Territorial Disputes*, London, 1992.

About authors

Prof. Yuri V. Kosov, professor, dean of the Faculty of International Relations, North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: kosov@peterlink.ru

Alexei V. Vovenda, lecturer, Department of International Relations, North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: vovenda-1c@mail.ru

**ТРАНСГРАНИЧНАЯ
КОРПОРАТИВНАЯ
ИНТЕГРАЦИЯ
В БАЛТИЙСКОМ
РЕГИОНЕ**

А. В. Кузнецов*

Исследуются взаимные потоки прямых иностранных инвестиций в Балтийском регионе. Показаны тесные инвестиционные связи между членами ЕС, особенно важные для Эстонии, Латвии и Литвы. Трансграничная корпоративная интеграция в регионе характеризуется существенными дисбалансами. Во многих отношениях она может рассматриваться как шведская экспансия или расширение домашних рынков для североевропейских компаний. Хотя многие германские, польские и российские компании также активно участвуют в корпоративной интеграции в Балтийском регионе, другие векторы внешнеэкономических связей обычно оказываются для них важнее. В результате, несмотря на крупные российские прямые инвестиции в трех странах Балтии, реальная интеграция российского бизнеса в Балтийской части европейского интеграционного пространства все еще слаба.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, Балтийский регион, европейская интеграция, транснациональные корпорации.

В настоящее время почти весь Балтийский регион вовлечен в интеграционный проект Европейского союза — исключение составляют только российские территории. При этом данный регион, как известно, не относился к ядру европейской интеграции: лишь в 1973 г. к Европейским сообществам присоединилась Дания, в 1990 г. имевшая небольшой выход на Балтику ФРГ расширилась за счет земель бывшей ГДР, в 1995 г. в ЕС вступили Швеция и Финляндия, а в 2004 г. — Польша, Литва, Латвия и Эстония. В этой связи, на наш взгляд, особенно интересно посмотреть, насколько формальная интеграция «сверху» в ЕС подкрепляется в Балтийском регионе реальной интеграцией «снизу». Одним из наиболее ярких проявлений такой интеграции «снизу», бесспорно, служит корпоративная интеграция. Как показывает

* Центр европейских исследований Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.
117997, Россия, Москва, В-71,
ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23.

Поступила в редакцию 05.01.2012 г.

мировой опыт, осуществляемые транснациональными корпорациями (ТНК) прямые иностранные инвестиции способны создавать основу долгосрочной устойчивости формальных интеграционных проектов.

В рамках ЕС корпоративная интеграция выражена в довольно сложных формах, причем наряду с переплетением капитала в масштабах всей интеграционной группировки (обычно на уровне сверхкрупного бизнеса) выделяются субрегиональные ареалы, где значительную роль играют прямые инвестиции среднего бизнеса, в том числе в рамках сотрудничества в приграничных районах [6, с. 31—35]. В связи с этим сначала нами рассматривается инвестиционная активность североευропейских компаний, которая во многом обусловлена традиционным взаимодействием скандинавских обществ и лишь отчасти — созданием единого экономического пространства в ЕС. Далее исследуется активность в Балтийском регионе германских и польских ТНК с целью выявить, насколько присоединение стран региона к ЕС способствовало перерастанию североευропейской корпоративной интеграции в общеевропейскую. В третьем разделе статьи определяется место российского бизнеса в региональной корпоративной интеграции, в том числе для оценки перспектив углубления хозяйственного взаимодействия нашей страны и ЕС.

Причины доминирования североευропейских инвесторов

По данным ЮНКТАД, в Балтийском регионе к числу значительных экспортеров прямых инвестиций относится не только Германия (на конец 2010 г. аккумулированный объем немецких капиталовложений составил 1421 млрд долларов — 4-е место в мире), но и страны Северной Европы. Прежде всего выделяется Швеция (336 млрд долларов — 16-е место в мире), однако значительный объем прямых инвестиций за рубежом характерен также для Дании (195 млрд) и Финляндии (131 млрд). Среди новых членов ЕС нужно отметить Польшу (37 млрд), которая лидирует в Центрально-Восточной Европе. Из маленькой Эстонии на конец 2010 г. вывезено 6 млрд долларов прямых инвестиций, тогда как из Литвы — лишь 2 млрд, а из Латвии — менее 1 млрд [13, р. 191]. Безусловно, значительная часть капиталовложений компаний многих этих стран, особенно крупных и средних, направляется за пределы Балтийского региона. Вместе с тем роль потоков прямых инвестиций, замыкающихся внутри региона, также нельзя недооценивать (см. табл.).

Многие фирмы, особенно на начальных стадиях интернационализации своего бизнеса, предпочитают вкладывать капитал в соседних странах, о которых они хорошо информированы и где не сталкиваются с серьезными языковыми, культурными, правовыми и другими неэкономическими барьерами. В 70-е гг. идеи о важной роли психологического расстояния в процессах прямого инвестирования и о поэтапном овладении бизнесменами навыками ведения все более сложных видов внешнеэкономических операций легла в основу Уппсальской школы интернационализации фирмы [7; 8]. В рамках этой школы на примере как раз шведских компаний было показано, что инвесторы-новички могут успешно конкурировать с ведущими ТНК из крупных стран Западной Европы и США, занимая свои ниши.

**Основные страны-источники накопленных к началу 2010 г.
прямых иностранных инвестиций в балтийских членах ЕС, млрд евро**

Страна-инвестор	Получатели прямых иностранных инвестиций									
	Германия	Швеция	Польша	Дания	Финляндия	Эстония	Литва	Латвия		
<i>Всего</i>	693,9	230,4	128,9	106,4	58,7	11,28	9,76	8		
ЕС-27	509	182,1	109,9	74,5	54,5	9,9	7,69	6,12		
В том числе:										
Германия	—	12,8	20,9	6,6	2,1	0,14	1	0,51		
Швеция	13,6	—	6,4	24,4	30,8	4,47	1,14	1,1		
Польша	0,7	0	—	0,2	0	0,01	1,03	0,01		
Дания	7,0	17,7	3,1	—	4,8	0,21	0,97	0,55		
Финляндия	4,1	22,0	1,2	1,6	—	2,55	0,46	0,33		
Эстония	0	0,1	0	0,1	0,1	—	0,72	1,35		
Литва	0	0	0	0,1	0	0,14	—	0,27		
Латвия	0	0	0,1	0	0	0,07	0,41	—		
Великобритания	51,7	30,9	4,7	10	1,3	0,27	0,15	0,16		
Франция	85,1	6,8	14,3	2,9	1,5	0,17	0,22	0,05		
Нидерланды	60	34,8	22,9	11,3	9,0	1,02	0,67	0,46		
США	76,4	15,9	8,4	8,8	0,6	0,14	0,26	0,3		
Япония	16,3	1,3	1,2	0,1	0,2	0,01	0	0		
Россия	2,1	0	0,1	0,2	0,5	0,33	0,62	0,37		
Разные офшоры	15,2	5	3,6	4	1,4	0,26	0,23	0,22		
<i>Доля балтийских стран, включая Россию, %</i>	4	23	25	31	65	73	65	56		

Примечание. Составлено на основе данных интерактивных таблиц Евростата (EU direct investment positions, breakdown by country and economic activity — <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

В современных условиях глобализации и информатизации можно ставить под сомнение универсальность предположения о довольно длительном обучении предпринимателей навыкам ведения бизнеса за пределами близлежащих стран. Вместе с тем эффект соседства по-прежнему актуален для сравнительно небольших компаний, которые не имеют значительных ресурсов для сбора исчерпывающей информации о специфике деловой среды по всему миру, для привлечения топ-менеджмента с уже имеющимся опытом глобальных операций и т. д. Этот тезис особенно хорошо подтверждают трансграничные инвестиции эстонских, латвийских и литовских фирм, в значительной мере замкнутые в рамках Балтийского региона. Сохраняет важность географическое расстояние и для крупных компаний — в некоторых отраслях с соответствующей технологической спецификой. Например, входящая в число 50 крупнейших нефинансовых ТНК мира по величине зарубежных активов шведская электроэнергетическая компания «Ваттенфалль» (Vattenfall) свою инвестиционную экспансию сконцентрировала в рамках близлежащих стран ЕС. Это третий по величине производитель электроэнергии в Германии, имеющий также электростанции в Польше, Финляндии, Дании, Нидерландах и Великобритании.

Тем не менее абсолютизировать эффект соседства не следует. Например, занимаемая до осени 1990 г. нерешительная позиция шведского правительства относительно дальнейшего регулирования отношений с ЕС вызвала со стороны шведских ТНК опасения в связи с их возможной дискриминацией на одном из ключевых для них рынков сбыта. В результате на рубеже 80—90-х гг. XX в. произошло беспрецедентное для Швеции расширение производственных мощностей национальных компаний на территории тогдашних членов Европейских сообществ, готовившихся к созданию полноценного Европейского союза [2]. В настоящее время, как и другие ТНК, североевропейские компании подвержены ключевым вызовам глобализации, в частности росту конкуренции со стороны производителей из новых индустриальных стран и Китая, что стимулирует их к переносу части предприятий в страны с дешевой рабочей силой — за пределы не только Балтийского региона, но и Европы вообще [1].

И все же для многих компаний Балтийского региона речь может идти о постепенном превращении рынков сбыта нескольких соседних стран в единый домашний рынок. В наибольшей степени, по-видимому, этот процесс затронул компании Швеции и Финляндии. Скорее наоборот, в случае Финляндии подготовка к вступлению в ЕС создала другим странам благоприятные условия для инвестирования [12, p. 5—6]. До сих пор больше половины всех прямых иностранных инвестиций в Финляндию имеют шведское происхождение. В несколько меньшей степени особая роль шведского капитала характерна и для Дании. Некоторые компании, такие, как «Нордеа банк» (Nordea Bank) или телекоммуникационный гигант «ТелияСонера» (TeliaSonera), формально считаясь шведскими, отчасти контролируются другим скандинавским и финским капиталом.

С конца 90-х гг. XX в. многие шведские и финские инвесторы начали активную экспансию в трех странах Балтии, причем нередко совместную. Их капиталовложения могут размещаться также в Польше, России (чаще в северо-западных регионах) и других странах, однако именно Эстония, Латвия и Литва обычно рассматриваются как продолжение домашнего рынка. В одних случаях североευропейские инвесторы ведут самостоятельную экспансию в каждом из трех государств (как, например, «ТелиаСонера» и «Теле2», реализующие в странах Балтии собственные или совместные с местными операторами мобильной связи проекты). В других случаях скандинавский бизнес входит в регион через покупку местной ТНК. Самый яркий пример — приобретение шведским «Сведбанком» (Swedbank) эстонского «Хансабанка» (Hansabank). Возможно, установление контроля над региональными ТНК и третьими инвесторами — как в случае с крупной компанией по торговле фармацевтической продукцией «Тамро» (Tamro). Эта финская фирма с дочерними структурами в Швеции, трех странах Балтии и Польше была приобретена германской «Феникс Групп» (Phoenix Group).

Есть, однако, принципиальное отличие трех стран Балтии от стран Северной Европы — намного меньшая роль прямых инвестиций в промышленность. При этом нынешний мировой кризис показал, насколько опасной является ставка лишь на интернационализацию сферы услуг при фактической деиндустриализации экономики. Отчасти бум иностранных инвестиций в Эстонии, Латвии и Литве был вызван лишь формальным повышением инвестиционного имиджа трех стран после их вступления в ЕС в 2004 г., а потому оказался недолговечным. Ситуацию усугубил рост производственных издержек в странах Балтии, подрывавший их конкурентоспособность, хотя во многом он был вызван присоединением к единому рынку ЕС [4].

Особенности экспансии германских и польских ТНК в Балтийском регионе

Компании ФРГ стали проявлять интерес к инвестированию в странах Северной Европы уже давно. Наряду со сбытовыми подразделениями, которые создавались с 50—60-х гг. XX в., еще до вступления Дании в ЕС на ее территории стали появляться западногерманские производственные предприятия. Нарастал и встречный поток инвестиций, причем сначала североευропейские инвесторы концентрировались в основном на севере ФРГ — прежде всего в Гамбурге, хотя датские фирмы активно вкладывали средства и в приграничных районах, включая такие известные компании, как производитель игрушек «Лего» (Lego), машиностроительные фирмы «Грундфос» (Grundfos) и «Данфосс» (Danfoss). Вместе с тем к 80-м гг., в том числе по мере повышения роли инвестиций в сфере услуг, экспансия датских, шведских и финских ТНК охватила многие другие земли ФРГ. Например, у финских компаний ведущим получателем прямых инвестиций в Германии стал уже Франкфурт-на-Майне [11].

Расширение ЕС на Север в 1995 г. дало значительный импульс для наращивания германских капиталовложений именно в Швеции и Финляндии, во многом из-за активизации экспансии немецких фирм среднего размера [3, с. 68]. К тому же германские ТНК продолжают более-менее регулярно осуществлять и крупные приобретения в Балтийском регионе, главным образом в Скандинавских странах. Так, в 2008 г. «Фольксваген» заплатил 4,4 млрд долларов за 17 % акций шведской «Скании» (Scania), а годом позже компания «второго эшелона» «Колексон Энерджи» (Colexon Energy) за 1,3 млрд долларов купила датского производителя электроэнергии из альтернативных источников (Renewagy) [9, p. 13]. Осуществляют крупные инвестиции и североευропейские инвесторы в Германии, причем шведский «Ваттенфолл» (Vattenfall) выделяется проектами «с нуля», что довольно нетипично для индустриального сектора высокоразвитых стран ЕС.

Тем не менее, несмотря на длительную историю и значительные объемы встречных потоков прямых инвестиций между ФРГ и другими странами Балтийского региона, следует отметить небольшое значение последнего для германских ТНК, ведь даже при рассмотрении лишь новичков ЕС он проигрывает центрально-восточноевропейскому вектору. Например, по масштабам накопленных германских прямых инвестиций Швеция уступает таким странам, как Австрия, Чехия, Польша и Венгрия (не говоря о странах Бенилюкса — ядре ЕС) [9, p. 10]. Сама Германия, которую лишь частично можно относить к Балтийскому региону, также не слишком зависит в настоящее время от североευропейских прямых инвестиций (см. табл.).

Нельзя, однако, считать и соседнюю с ФРГ Польшу оплотом германского капитала. Благодаря довольно емкому рынку сбыта, быстрой интеграции в ЕС, тесным экономическим связям с другими восточноевропейскими странами (в том числе за пределами ЕС) с началом постсоциалистической трансформации Польша стала плацдармом для региональной экспансии многих известных ТНК, причем не только западноевропейских. Среди 20 крупнейших нефинансовых компаний под иностранным контролем в Польше всего-навсего 3 принадлежат германским фирмам, хотя торговая компания «Метро» и лидирует в списке, а «Фольксваген» занимает четвертое место (из североευропейских ТНК в перечень попала только упоминавшаяся выше шведская «Ваттенфолл») [14, p. 12].

Лишь недавно ставшая нарастать зарубежная экспансия польских компаний-инвесторов также связана не столько с Балтийским регионом, сколько со странами Центрально-Восточной Европы, а также государствами за пределами ЕС. Исключение составляет соседняя с Польшей Литва, причем как за счет множества мелких проектов, так и крупнейшего приобретения польской ТНК за рубежом — нефтеперерабатывающего завода «Мажейку Нафта» (Mazeiku Nafta), 84,4 % акций которого были куплены ПКН «Орлен» (PKN Orlen) в 2006 г. почти за 2,5 млрд долларов [15, p. 2—5].

Ограниченность участия в корпоративной интеграции российских фирм

Особое место в корпоративной интеграции в Балтийском регионе занимают российские фирмы. С одной стороны, масштабы российских прямых инвестиций в странах региона довольно весомы, особенно в трех странах Балтии. С другой стороны, российские капиталовложения ограничиваются преимущественно энергетическими и транзитными проектами. Ключевой инвестор в регионе — «Газпром». В странах Балтии и Финляндии значительные активы российского бизнеса (от профильных компаний типа «Глобал-Транс» и «Глобал-Портс», возникших на базе «Н-Транс», до специализированных объектов российских промышленных гигантов, таких, как «Северсталь», «ЛУКОЙЛ» или «Акрон») обслуживают внешнюю торговлю.

В других отраслях также можно привести примеры успешных проектов. Прежде всего следует выделить никелерафинировочный завод «Харьявалта» (Harjavalta) в Финляндии, принадлежащий «Норильскому Никелю», алюминиевый завод «Кубикенборг» (Kubikenborg) в Швеции, приобретенный объединенной компанией «РУСАЛ», производство масел в Финляндии и сети АЗС в различных странах Балтийского региона у компании «ЛУКОЙЛ», сталепрокатный завод «ДанСтил» (DanSteel) у Новолипецкого металлургического комбината и завод по производству машин для лесозаготовок «Силватек» (Silvatec) у концерна «Тракторные заводы» в Дании [10]. В то же время пока неудачными остаются попытки российского бизнеса проникнуть в автомобилестроение, почти отсутствуют прямые инвестиции в отраслях сферы услуг, включая телекоммуникационный бизнес, где российские компании в других регионах достигли неплохих успехов.

Среди проблем продвижения российских инвестиций в Балтийском регионе необходимо назвать слабую конкурентоспособность некоторых отечественных компаний, особенно заметную на фоне давно закрепившихся на рынке северо-европейских ТНК (что наглядно проявилось, в частности, в банковском и страховом бизнесе). Однако нельзя забывать и о неэкономических барьерах, включая как политические проблемы в странах Балтии (что среди прочего является причиной отсутствия соглашений о взаимной защите и поощрении инвестиций у России с Эстонией и Латвией), так и негативные стереотипы в отношении российских бизнесменов во всем регионе [5, с. 77—78].

Конечно, постепенно инвестиционные контакты России и других стран Балтийского региона интенсифицируются. Увеличиваются капиталовложения шведских, финских и других ТНК в нашей стране (включая не слишком активных инвесторов из стран Балтии), причем большинство из них заинтересовано в сотрудничестве именно с северо-западными регионами России. Однако реальная интеграция российского бизнеса в балтийской части европейского интеграционного пространства все еще слаба, особенно если рассматривать характер создаваемых трансграничных производственно-сбытовых цепочек с участием российских предприятий. По сравнению с уровнем корпоративной инте-

грации между североевропейскими странами ЕС, можно сказать, что Россия пока задействована главным образом во встречающих, но непересекающихся потоках прямых инвестиций.

Список литературы

1. *Бурнаева Е. М.* Финляндия: тенденции зарубежного инвестирования // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 7. С. 30—39.
2. *Волков А. М.* Швеция: инвестиционная модель в действии // *Современная Европа*. 2005. № 1. С. 54—62.
3. ЕС и Россия: от прямых капиталовложений к инвестиционному сотрудничеству / отв. ред. А. В. Кузнецов. М., 2008.
4. *Кокорина Е. В.* Экономические кризисы в странах Балтии и Польше: инвестиционная политика // Государственная регистрационная палата при Минюсте РФ : вестник Федерального государственного учреждения. 2011. № 5. С. 20—30.
5. *Кузнецов А. В., Четверикова А. С.* Проблемы российско-прибалтийских экономических связей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 7. С. 73—81.
6. *Хейфец Б. А., Либман А. М.* Корпоративная интеграция: альтернатива для постсоветского пространства. М., 2008.
7. *Johanson J., Vahlne J.-E.* The internationalization process of the firm — a model of knowledge development and increasing foreign market commitments // *Journal of International Business Studies*. 1977. Spring — Summer. P. 23—32.
8. *Johanson J., Wiedersheim-Paul F.* The Internationalization of the firm — four Swedish cases // *Journal of Management Studies*. 1975. Oct. P. 305—322.
9. *Jost T.* Outward FDI from Germany and its policy context: update 2011 // *Columbia FDI Profiles*. 2011. 8 Sept. URL: <http://www.vcc.columbia.edu>
10. *Kuznetsov A., Четверикова А., Тоганова Н.* Investment from Russia stabilizes after the global crisis // *IMEMO-VCC*. 2011. 23 June. URL: <http://www.vcc.columbia.edu>
11. *Sieweck J.* Die Wirtschaftsbeziehungen zwischen Bundesrepublik Deutschland und Nordeuropa unter besonderer Berücksichtigung der wirtschaftsgeographischen Verflechtung // *Kölner Forschungen zur Wirtschafts- und Sozialgeographie*. 1989. Bd 37.
12. *Steinbock D.* Inward FDI in Finland and its policy context // *Columbia FDI Profiles*. 2011. 30 Dec. URL: <http://www.vcc.columbia.edu>
13. *World Investment Report 2011: Non-Equity Modes of International Production and Development*. N. Y. ; Geneva, 2011.
14. *Zimny Z.* Inward FDI in Poland and its policy context // *Columbia FDI Profiles*. 2010. 9 July. URL: <http://www.vcc.columbia.edu>
15. *Zimny Z.* Outward FDI from Poland and its policy context // *Columbia FDI Profiles*. 2011. 24 June. URL: <http://www.vcc.columbia.edu>

Об авторе

Кузнецов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, руководитель Центра европейских исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России.

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

TRANSBORDER CORPORATE INTEGRATION IN THE BALTIC REGION

A. V. Kuznetsov

*Institute of World Economy and International Relations (IMEMO)
23, Profsoyuznaya Str., V-71, GSP-7, Moscow, 117997, Russia*

Received 5 January 2012

The author investigates mutual flows of foreign direct investment within the Baltic Region. The article emphasises close investment ties between the EU members, which are of special importance for Estonia, Latvia, and Lithuania. However, transborder corporate integration in the region has significant imbalances. In many aspects, it can be interpreted as Swedish expansion or home markets development for Northern European companies. Although many German, Polish and Russian companies also take part in corporate integration in the Baltic Region, the other vectors of their foreign economic relations are usually more important. As a result, despite significant Russian direct investments in the three Baltic States, the actual integration of Russian business into the Baltic part of the European integration area is still rather weak.

Key words: foreign direct investment, Baltic Region, European integration, transnational corporations.

References

1. Burnaeva, E. M. 2007, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, no. 7, pp. 30—39.
2. Volkov, A. M. 2005, *Sovremennaja Evropa [Modern Europe]*, no. 1, pp. 54—62.
3. Kuznetsov, A. V. (ed). 2008, *ES i Rossija: ot prjamyh kapitalovlozhenij k investicionnomu sotrudnichestvu [The EU and Russia: From direct investment to investment cooperation]*, Moscow, Nauka.
4. Kokorina, E. V. 2011, *Vestnik Federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdenija Gosudarstvennaja registracionnaja palata pri Ministerstve justicii Rossijskoj Federacii [Bulletin of the FBI SRC with the Russian Ministry of Justice]*, no. 5, pp. 20—30.
5. Kuznetsov, A. V., Chetverikova, A. S. 2009, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, no. 7, pp. 73—81.
6. Hejfec, B. A., Libman, A. M. 2008, *Korporativnaja integracija: al'ternativa dlja postsovetskogo prostranstva [Enterprise Integration: an alternative to post-Soviet space]*, Moscow, Izd-vo LKI.
7. Johanson, J., Vahlne, J.-E. 1977, *Journal of International Business Studies*, Spring-Summer, pp. 23—32.
8. Johanson, J., Wiedersheim-Paul, F. 1975, *Journal of Management Studies*, October, pp. 305—322.
9. Jost, T. Outward FDI from Germany and its policy context: update 2011, *Columbia FDI Profiles*, available at: <http://www.vcc.columbia.edu> (accessed 8 September 2011).
10. Kuznetsov, A., Chetverikova, A. and Toganova, N. 2011, *IMEMO-VCC Report*, 23 June, available at: <http://www.vcc.columbia.edu> (accessed 2 August 2011).

11. Sieweck, J. 1989, *Kölner Forschungen zur Wirtschafts- und Sozialgeographie*, Bd 37, S. 185—234.
12. Steinbock, D. 2011, *Columbia FDI Profiles*, 30 December, available at: <http://www.vcc.columbia.edu> (accessed 30 December 2011).
13. *World Investment Report 2011: Non-Equity Modes of International Production and Development*, 2011, N.Y. — Geneva, UNCTAD.
14. Zimny, Z. 2010, *Columbia FDI Profiles*, 9 July, available at: <http://www.vcc.columbia.edu> (accessed 23 July 2010).
15. Zimny, Z. 2011, *Columbia FDI Profiles*, 24 June, available at: <http://www.vcc.columbia.edu> (accessed 8 September 2011).

About author

Prof. *Alexey V. Kuznetsov*, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Center for European Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), professor of economics, MGIMO-University.

E-mail: kuznetsov@imemo.ru

**«ГОРОДА-БЛИЗНЕЦЫ»:
НОВАЯ ФОРМА
ПРИГРАНИЧНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА
В БАЛТИЙСКОМ
РЕГИОНЕ?**

*А. Г. Анищенко**

*А. А. Сергунин***

Впервые в отечественной политологической литературе предпринимается попытка комплексного анализа движения «городов-близнецов» как формы приграничного сотрудничества в Балтийском регионе. Этот феномен появился как результат общемировой тенденции активизации муниципальных образований в области международной деятельности, а также стремления приграничных городов, расположенных в Балтийском регионе, совместно решать накопившиеся проблемы. Исследование опирается на метод сравнительного анализа и методiku case study (изучение на примере конкретных примеров). Рассматриваются четыре примера (пары городов): Торнио — Хапаранда, Валга — Валка, Нарва — Ивангород и Иматра — Светогорск.

Уточняется терминологический аппарат, применяемый в данной области исследований. Анализируются успехи и неудачи данного вида международного межмуниципального сотрудничества. Отмечается, что для самих «близнецов» оно послужило не только (и не столько) средством «выживания» в сложных условиях 1990-х гг., но и хорошей экспериментальной «площадкой» для поиска новых форм приграничного сотрудничества.

Делается вывод о перспективности этой модели для развития интеграционных процессов в Балтийском регионе. Опыт движения может быть использован в практической деятельности муниципальных, региональных и федеральных органов власти России для совершенствования приграничного сотрудничества не только на Балтике, но и в других регионах страны. Так, под влиянием успешного опыта балтийских приграничных городов российский Никель и норвежский Киркенес приняли решение об использовании этой модели для дальнейшего двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: «города-близнецы», приграничное сотрудничество, Балтийский регион.

*Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а.

**Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 18.09.2011 г.

Одним из следствий процессов регионализации, охвативших постсоветскую Россию, стал бурный рост международных связей как субъектов Федерации, так и отдельных городов (причем не только крупных) [6; 7; 10]¹. Образование «пар» так называемых «городов-близнецов» — одно из проявлений этой тенденции. Возникнув на севере Европы еще в конце 1980-х гг. (первой была «пара» Торнио — Хапаранда из Финляндии и Швеции), движение «городов-близнецов» охватило в 1990-е гг. Восточную и Центральную Европу. Некоторые исследователи видят в данном движении не только новую форму приграничного сотрудничества, но и одно из проявлений так называемой «парадипломатии», т.е. участия в мировой политике нетрадиционных (негосударственных) акторов — городов, внутристрановых регионов, отдельных компаний, учреждений, неправительственных организаций («народная дипломатия») и др. [14; 15; 22; 23].

Понятие «города-близнецы» (twin cities) впервые было использовано в США применительно к двум городам, расположенным на разных берегах реки Миссисипи и развивающимся как взаимодополняемые хозяйственные комплексы, — Миннеаполису и Сент-Полу. С тех пор этот термин получил широкое хождение в научной литературе (в основном географической и экономической) для обозначения одного из типов городской агломерации.

В отечественной экономической географии еще с советских времен распространен сходный, но не совпадающий по смыслу термин «города-спутники». Дело в том, что в случае с «городами-близнецами» речь идет о равноправном статусе обоих акторов, в случае же с «городами-спутниками» — об основной «планете» (центр агломерации) и ее спутниках (малые города, окружающие и «обслуживающие» главный город, а соответственно, занимающие подчиненное положение) [1; 5; 9].

В западной литературе появилось множество родственных «городам-близнецам» терминов — «двойные города» (double-cities), города-побратимы (fraternal cities), города-сестры (sister cities), «породненные города» (related towns), «соединенные города» (connected cities), трансграничные города (trans-border cities), двунациональные города (bi-national cities), «города-соседи» (neighbourhood cities), «парные города» (coupled towns), города-партнеры (partner cities), «города-друзья» (friendship towns), «города-мосты» (bridge-towns) и др.

Эти термины использовались бессистемно, часто как синонимичные, хотя полного смыслового совпадения между ними нет, каждый из них имеет свою специфику. К тому же эти термины применялись для характеристики различных видов межмуниципального сотрудничества как на внутригосударственном, так и международном уровнях, что вносило еще большую путаницу в понятийный аппарат, которым оперировали ученые разных наук (наряду с экономическими географами в изучение этого феномена включились социологи, политологи, антропологи, историки, экологи и др.).

¹ О мотивах развития внешних связей регионов и городов см. подробнее работу [2], о процессах регионализации на Балтике — [3].

Отражением недовольства этой «терминологической анархией» стало появление группы ученых-сторонников междисциплинарного подхода к изучению межгородского сотрудничества, которые постарались «навести порядок» в понятийном аппарате данной области научных исследований. Во-первых, они разграничили понятия «городов-близнецов» во внутригосударственном и международном смыслах, сконцентрировавшись на изучении именно международных городских «пар», а не «двойников» типа Миннеаполиса и Сент-Пола. Во-вторых, ученые постарались отделить понятие «города-близнецы» (twin cities) от всех других форм и видов международного межгородского сотрудничества, для обозначения которых употреблялись указанные выше термины.

В частности, исследователи определили следующие критерии для выделения «городов-близнецов» из всей массы муниципальных образований, принимающих участие в международном сотрудничестве [11; 14; 15; 20]:

- Эти города должны быть расположены непосредственно на границе, т.е. быть приграничными городами (в противоположность, например, городам-побратимам, которые могут быть расположены на большом удалении друг от друга и развивать связи между собой не по причине географической близости, а совершенно по другим мотивам, как в случае с неформальной ассоциацией «разбомбленных» городов — Ковентри, Дрезден, Калининград (Кёнигсберг), Волгоград (Сталинград) и пр.).

- Они должны иметь общее историческое прошлое, в котором они были единым целым или, наоборот, противостояли друг другу. Так, в результате образовавшейся после Второй мировой войны новой советско-финской границы прежде единый финский город Энсо был разделен на две части, из которых образовались современные Иматра и Светогорск.

Поселение Валк, возникшее еще в XIII в., получившее статус города в 1584 г., последовательно находившееся под польским, шведским и российским управлением и имевшее смешанное эстонско-латышское население, после получения двумя балтийскими народами независимости в результате международного арбитража в 1920 г. было разделено на эстонскую Валгу и латышскую Валку.

Сходная история и у финского Торнио со шведской Хапарандой, которые до перехода Финляндии под юрисдикцию России в 1809 г. были единым городом Торнио (основан шведским королем в 1621 г.). В 1821 г. шведы основали г. Хапаранду, чтобы «компенсировать» потерю Торнио.

В то же время имеется пример Нарвы и Ивангорода, которые с самого начала возникли как соответственно датский (позже шведский) и русский форпосты на Балтике, противостоящие друг другу. Однако в периоды, когда их оба контролировали Швеция, Россия, Эстония и СССР, Нарва и Ивангород образовывали, по сути дела, единый социально-экономический организм при сохранении, однако, их административного различия.

- Несмотря на то что в ходе предшествующего исторического развития города разделили государственные границы, в настоящее время они должны иметь стремление к сотрудничеству.

- Как правило (но не обязательно), «близнецы» расположены по разные берега одной реки, исторически служившей естественной гео-

графической границей между ними (Нарва — Ивангород, Валга — Валка, Торнио — Хапаранда и пр.). По этой причине такие «пары» называют «городами-мостами», символизирующими связь между разными странами и народами.

- Нередко население «городов-близнецов» имеет смешанный этнический состав и владеет языками обоих этносов (как это имеет место в случае с указанными выше тремя городскими «парами»).

- Под сотрудничество «городов-близнецов» должна быть «подведена» определенная правовая и институциональная опора — соответствующие международные соглашения, совместные органы управления и координации.

В идеале там, где это позволяет характер межгосударственных отношений, сотрудничество между «близнецами» ведет к стиранию государственных границ и их фактическому слиянию в одно городское образование (при сохранении условного административного разделения). Так, например, случилось с «парой» Торнио — Хапаранда.

Конечно, большинство других «пар» в силу различных причин (прежде всего непростых межгосударственных отношений) пока не ставят таких далеко идущих целей, но сотрудничество между «городами-близнецами» способствует их сближению и ослабляет «разделительный эффект» государственных границ. Последние из «линий», которые подчеркивают государственный суверенитет над той или иной территорией, а также различия между разными странами и народами, постепенно превращаются в зону сотрудничества, помогающую преодолеть исторические конфликты и предубеждения.

Модель «городов-близнецов» со временем была институционально закреплена в виде созданной в декабре 2006 г. Ассоциации городов-близнецов (АГБ) (City Twins Association). Как следует из устава АГБ, ее целью является поощрение взаимодействия между «парами» городов в таких областях, как сотрудничество между городскими администрациями, институтами гражданского общества; развитие местной промышленности; создание единого рынка труда; совместная работа в сфере социального обеспечения и здравоохранения; оборудование и поддержание в надлежащем порядке пограничных переходов (там, где они еще существуют); реализация проектов в области культуры и образования; продвижение интересов «городов-близнецов» на национальном и международном уровне [12]. С самого начала АГБ получила финансовую поддержку со стороны ЕС и национальных правительств, которая оказалась весьма полезной на начальном этапе существования ассоциации.

Рассмотрим конкретные примеры «городов-близнецов» в Балтийском регионе.

Торнио — Хапаранда

Сотрудничество между городами Торнио и Хапаранда началось еще в 1960-е гг. — с совместного строительства плавательного бассейна. В 1987 г. было заключено соглашение между муниципалитетами, по которому впредь развитие городов стало осуществляться по единому плану.

Вхождение Финляндии и Швеции в Евросоюз и Шенгенскую зону практически лишило смысла существование между ними государственной границы, давно превратившейся в случае Торнио и Хапаранды в условность. В результате в городах сложились единые транспортная и почтовая системы, служба скорой помощи, торговый центр («сердцем» которого является знаменитый торговый комплекс «ИКЕА»), рекреационная зона, центр занятости, образовательные учреждения (общеобразовательная и лингвистическая школы, Евроколледж), библиотека и даже мусорная свалка [14—16; 20; 25].

Оба города объявили, что их совместная цель — создание Еврогорода (Eurocity). И тот факт, что они относятся к разным государствам и валютным системам (в Торнио функционирует евро, а в Хапаранде — по-прежнему в ходу шведская крона), не считается «близнецами» помехой на пути реализации этого амбициозного плана. Справедливости ради необходимо отметить, что в этих муниципальных образованиях есть и противники образования Еврогорода. Отмечаются даже отдельные проявления национализма среди шведского населения (в том числе в молодежной среде) [17; 19], но они имеют маргинальный характер и не влияют на общий вектор интеграционного развития «близнецов».

Сотрудничество Торнио и Хапаранды считается наиболее удачным примером приграничного взаимодействия в формате «городов-близнецов».

Валга — Валка

Тенденция к сотрудничеству между этими двумя городами возникла далеко не сразу. В первые годы после распада СССР и появления государственной границы, разделившей прежде единый городской механизм, обе стороны были заняты собственным обустройством. Их больше заботило, как выстроить свои отношения со своими столицами и получить от них помощь, а не как развивать связи со своим «визави» по ту сторону новой границы. То обстоятельство, что оба города относились к довольно отсталым регионам Эстонии и Латвии, еще больше препятствовало их сотрудничеству. Наконец, поначалу серьезной помехой на пути развития более тесных связей между Валгой и Валкой было наличие в них крупных русскоязычных общин (35 и 25 % населения соответственно), состоящих в основном из неграждан, которые не могли свободно перемещаться через границы [24].

Ситуация начала меняться только к середине 1990-х гг., когда, с одной стороны, базовые проблемы в обоих городах были решены и их социально-экономическое положение улучшилось, с другой — национальные правительства и особенно ЕС начали поощрять приграничное сотрудничество.

На становление модели межмуниципального сотрудничества Валги — Валки большое влияние оказал пример Торнио — Хапаранды. Заимствование этого опыта иногда имело характер прямого подражания. Так, сотрудничество между городами началось с разрешения эстонской

стороны жителям латышской Валки посещать спортивные сооружения (включая плавательный бассейн) в Валге [18, с. 148]. В обоих городах были образованы институты по изучению культуры соответственно Латвии и Эстонии [20, с. 59]. Был открыт специальный «трансграничный» автобусный маршрут, который, однако, просуществовал относительно недолго, так как оказался нерентабельным.

К 2005 г. отношения между «близнецами» достигли такой степени зрелости, что там было принято решение формализовать сотрудничество в виде специального соглашения, в основу которого была положена концепция «один город — две страны». «Близнецы» сформировали единый секретариат, в задачи которого входят координация планов городского развития, а также содействие развитию бизнеса, туризма, системы здравоохранения, образования, культуры и спорта. Вступление Эстонии и Латвии в Шенген в конце 2007 г. существенно облегчило реализацию совместных проектов. По примеру Торнио и Хапаранды модель «Еврогорода» постепенно становится все более популярной в Валге и Валке.

В то же время, по оценкам международных экспертов, проблемы, связанные с национальной идентичностью, в обоих городах стоят еще достаточно остро. Местные власти, особенно в столицах, по-прежнему проводят достаточно жесткий курс на «эстонизацию» и «латвиизацию» местного населения (в первую очередь русскоязычных общин) [18, с. 148; 24]. Это не способствует распространению среди населения «близнецов» общеевропейских ценностей, которые, как правило, лежат в основе интеграционных процессов, поэтому проект создания Еврогорода пока остается на бумаге.

Нарва — Ивангород

Потребность в развитии сотрудничества между этими двумя городами напрямую вытекала из их общего прошлого. В советское время большинство ивангородцев работало на нарвских предприятиях. У обоих городов существовали единые системы снабжения электричеством, телефонной связи, общественного транспорта и канализации/водоочистки (причем очистные сооружения находились на нарвской стороне). Подавляющее большинство населения Нарвы было (и сейчас является) русскоязычным. По сути дела, Ивангород был типичным городом-спутником Нарвы, несмотря на то что в административном отношении первый был частью Ленинградской области (РСФСР), а вторая — Эстонской ССР.

Распад СССР и разделение обоих городов государственной границей (кстати говоря, до сих пор де-юре не определенной) не только тяжело сказались на их социально-экономическом положении (оба города превратились в депрессивные регионы), но и нарушили связи между людьми, формировавшиеся десятилетиями. До 1994 г. жители приграничной зоны могли достаточно свободно перемещаться через границу (для них действовал упрощенный порядок ее пересечения), но впоследствии и для них был введен полномасштабный визовый режим.

Стремление решить эти общие для обоих городов проблемы привело их к необходимости более тесного сотрудничества друг с другом. Начиная с конца 1990-х гг. Нарва и Ивангород приступили к обсуждению совместных проектов по развитию туризма, транспортной и пограничной инфраструктуры. Конкретные проекты включали в себя планы по оформлению набережных реки Нарвы в обоих городах в едином архитектурном стиле, разработке непрерывного туристического маршрута по обеим крепостям, созданию единой «марины» в устье р. Нарвы и водного туристического маршрута по этой реке, строительству общего аквапарка в пограничной зоне, благоустройству погранперехода и прилегающей зоны и пр.

К сожалению, большинство этих планов по разным причинам не были реализованы. В данном случае свою негативную роль сыграли нехватка средств у муниципалитетов, нежелание властей более высокого уровня поддержать эти инициативы, отсутствие интереса к этим проектам со стороны международных финансовых организаций и, наконец, начавшийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис. Стороны довольно долгое время не могли решить даже такой, казалось бы банальный, вопрос, как совместное водопользование. Дело даже доходило до того, что Ивангород годами не платил за пользование сохранившейся с советских времен общей системой водопровода и канализации. «Инцидент» был исчерпан только после того, как в конце 1990-х гг. Ивангород (при помощи областных властей) построил свою собственную систему снабжения и очистки воды [21].

Сказались и неблагоприятные в целом отношения между Эстонией и Россией, которые никак не могут завершить юридическое оформление границ между собой и при этом постоянно вовлекаются в конфликты, подобные произошедшему из-за «Бронзового солдата». И Москва, и Таллин были также не прочь использовать «близнецов» в своих геополитических «игрищах». Так, Россия поощряла «автономистские» (если не сказать сепаратистские) настроения в Нарве и окружающем ее русскоязычном районе. В ответ Таллин «торпедировал» большинство инициатив Нарвы по развитию приграничного сотрудничества с соседними российскими регионами и стремился представить местную элиту в качестве пророссийской «пятой колонны» в Эстонии.

Принято считать, что в целом сотрудничество Нарвы и Ивангорода не относится к числу удачных примеров движения «городов-близнецов». Скорее, это пример того, как подобная «пара» стала «заложницей» «большой» политики и плохого менеджмента на местном уровне.

Иматра — Светогорск

Сотрудничество между этими городами имело иную подоплеку, чем в случае с предыдущей «парой». Собственно говоря, оно началось еще в 1970—1980-е гг., когда советской стороне потребовалась техническая помощь Финляндии для модернизации Светогорского бумагоделательного комбината (СБК). Конечно, в те годы сотрудничества меж-

ду городами как таковыми не было, координация проекта осуществлялась на межгосударственном уровне, но определенные опыт и традиции в этой области остались.

Подлинное сотрудничество на межмуниципальном уровне началось в 1990-е гг., его «ядром» стали проекты по регулярной модернизации СБК. Кроме этого были «запущены» проекты по повышению эффективности системы электроснабжения и улучшению качества очистки воды в Светогорске, совместному мониторингу качества воды и рыбных запасов в р. Вуокса, развитию туристической инфраструктуры, обучению муниципальных чиновников из Светогорска в Иматре, школьным обменам и проведению регулярных фестивалей культуры поочередно в каждом из городов [13].

Строительство в 2002 г. погранперехода между двумя городами, соответствующего всем международным стандартам, сыграло свою позитивную роль в развитии сотрудничества между «близнецами». Этот достаточно дорогостоящий проект стоимостью в 6,75 млн евро финансировался ЕС по линии программы ТАСИС.

Стороны также подготовили проект по открытию в пограничной зоне технопарка на правах особой экономической зоны (ОЭЗ). Однако принятый в 2006 г. новый российский закон об ОЭЗ обусловил ряд правовых и технических проблем на пути реализации этого проекта. Например, полномочия по формированию таких зон были даны только федеральным и региональным, а не муниципальным властям. Отечественные и зарубежные инвесторы были фактически уравнены в правах на получение налоговых и таможенных льгот, что лишило иностранные компании стимула приходить в такие ОЭЗ. Вдобавок начавшийся вскоре глобальный кризис окончательно заставил отложить реализацию этого проекта «до лучших времен».

В ходе сотрудничества Иматры и Светогорска была создана определенная правовая и институциональная база. Первый документ о приграничном сотрудничестве между двумя городами был подписан еще в 1993 г. В 2001 г. было заключено новое соглашение, которое уже исходило из модели «городов-близнецов» (правда, этот термин был не очень удачно переведен на русский язык как «двойной город») и намечало конкретные направления совместного планирования городского развития [4]. Существует совместный комитет по планированию и развитию, состоящий из старших чиновников обеих городских администраций. В обоих городах также были созданы центры содействия развитию малым и средним предприятиям.

Все это позволяет оценить опыт сотрудничества Иматры и Светогорска в формате «городов-близнецов» как более удачный, чем «пары» Нарва — Ивангород.

* * *

Отметим в заключение, что, несмотря на отдельные неудачи, модель «городов-близнецов» как форма приграничного сотрудничества в целом доказала свою эффективность. При этом она продемонстрирова-

ла свою способность быть не только средством «выживания» в трудных социально-экономических условиях или решения проблем местного масштаба (что само по себе тоже важно), но и экспериментальной «площадкой» для поиска новых форм международного сотрудничества. В ее пользу свидетельствует и тот факт, что норвежский Киркенес и российский Никель (Мурманская область) — городская «пара» из совершенно другого европейского региона — приняли решение использовать эту модель для дальнейшего совместного развития [8].

Список литературы

1. *Города-спутники*. М., 1961.
2. *Давидов Д. М., Чекалина Т. Н.* Трансграничное сотрудничество как инструмент регионального брендинга в Балтийском регионе // Балтийский регион. 2009. Вып. 2. С. 57—64.
3. *Корнеевец В. С.* Международная регионализация на Балтике. СПб., 2010.
4. *Светогорск* — Иматра: «двойной город». URL: <http://www.lenobl.ru/gov/municipal/svetogorsk/double> (дата обращения: 10.07.2011).
5. *Селф П.* Города выходят из своих границ / пер. с англ. М., 1962.
6. *Сергунин А. А.* Внешние факторы российской регионализации // Политическая наука. 2003. № 3. С. 121—141.
7. *Сергунин А. А.* Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3. С. 76—88.
8. *Смирнова С.* Совместные проекты пограничья: задумано, значит сделано // Печенга. 2008. 19 апр. URL: <http://pechenha-gazeta.ru?i=2020> (дата обращения: 26.01.2011).
9. *Хауке М. О.* Пригородная зона большого города. М., 1960.
10. *Федоров Г. М., Корнеевец В. С.* Трансграничная регионализация в условиях глобализации // Балтийский регион. 2009. Вып. 4 (6). С. 103—115.
11. *Buursink J.* Dubbelsteden // Acta Geographica Lovaniensia. 1994. № 34. P. 175—80.
12. *City Twin Association Strategy 2010—2020*. Narva, 2009. URL: <http://www.citytwins.org/en/page/5/> (дата обращения: 27.05.2011).
13. *Hurskainen S.* Case Imatra-Svetogorsk: An example from the field // Northern Dimension, Poland and the New Neighbours / eds. Kulmala M., Päiviö L. ; The Finnish Commission for European Security (STETE). Helsinki, 2005. P. 132—136.
14. *Joenniemi P., Sergunin A.* Another Face of Integration: City Twinning in Europe // Research Journal of International Studies. 2011. № 22.
15. *Joenniemi P., Sergunin A.* City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities. Saarbrücken, 2011.
16. *Jussila H.* Building of a Region and of a European Transnational City — Some Lessons from Haparanda-Tornio / eds. L. Lyck, P. O. Berg. The Øresund Region Building. Copenhagen, 1997. P. 53—65.
17. *Lundén T.* Border agglomerations in the Baltic area: obstacles and possibilities for local interactions // Geographica Helvetica. 2007. Vol. 62. № 1. P. 22—32.
18. *Lundén T.* Valka-Valga, Narva-Ivangorod. Estonia's Divided Border Cities // Conflict and Cooperation in Divided Cities / ed. J. Janczak. Berlin, 2009. P. 133—149.
19. *Pikner T.* Evolving cross-border urban networks. Case studies in the Baltic Sea area // Nordia Geographical Publications. 2008. Vol. 37. № 4. P. 9—13.
20. *Schultz H., Jajeśniak-Quast D., Stokłosa K.* Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration / Frankfurter Institut für Transformations-

tudien. Frankfurt (Oder), 2002. URL: http://www.europa-uni.de/de/forschung/institut/institut_fit/publikationen/discussion_papers/2002/04—02-Schultz.pdf (дата обращения: 16.08.2011).

21. *Tüür K., Maximova T., Kudrin S.* About the political background of the water conflict between Ivangorod and Narva / The Center of Transboundary Cooperation. Tartu, 1999.

22. *Van der Pluijm R.* City diplomacy: the expanding role of cities in international politics // *Clingendael Diplomacy Papers* (Netherlands Institute of International Relations). 2007. № 10.

23. *From town to town.* Local actors as transnational actors / ed. C. Wellmann. Hamburg, 1998.

24. *Zalamans D.* Mental and Physical Borderlines in the Baltic Sea Region. St. Petersburg, 2008. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/zalam_e.htm (дата обращения: 19.07.2011).

25. *Zalamans D.* Transboundary regionalization — the case of Naparanda and Tornio // *Borders matter: transboundary regions in contemporary Europe* / eds. G. Bucken-Knapp, M. Schack ; Danish Institute of Border Region Studies. Copenhagen, 2001. P. 59—72.

Об авторах

Анищенко Анатолий Георгиевич, соискатель, кафедра международных отношений и политологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: anishenko@tpp.nnov.ru

Сергунин Александр Анатольевич, профессор факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: sergunin60@mail.ru

TWIN CITIES: A NEW FORM OF CROSS-BORDER COOPERATION IN THE BALTIC REGION?

A. G. Anishenko*, A. A. Sergunin**

**Linguistics University of Nizhny Novgorod*
31a, ul. Minina, Nizhny Novgorod, 603155, Russia

***Saint Petersburg State University*
7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 18 September 2011

An attempt at a complex analysis of the «twin city» movement as a form of cross-border cooperation in the Baltic Region has been made for the first time in Russian political science literature. This phenomenon emerged as a result, on the one hand, of the global tendency towards the activation of municipal units in the

field of international interaction, on the other hand, the tendency of border cities situated in the Baltic Region to solve the accumulating problems collectively. This work is based on the comparative analysis method, as well as the case study methodology. The authors consider four cases (pairs of cities): Tornio — Haparanda, Valga — Valka, Narva — Ivangorod, and Imatra — Svetogorsk.

This article specifies the terminological framework used in this field of research. The authors analyse the achievements and failures of this type of international inter-municipality cooperation and emphasise that, for twin cities themselves, it served as not only a means of survival in the difficult conditions of the 1990s, but also as an experimental ground for the search for new forms of cross-border cooperation. A conclusion is made that this model is quite promising for the further development of integration processes in the Baltic Region. This practice can be applied by Russian municipal, regional, and federal authorities in the development of cross-border cooperation not only in the Baltic region, but also in other regions of the country. So, under the influence of successful experience of Baltic border cities and towns, the Russian town of Nikel and the Norwegian town of Kirkenes decided to use this model for further development of their mutual cooperation.

Key words: twin cities, cross-border cooperation, Baltic Region.

References

1. *Goroda-sputniki [Satellite towns]*, 1961, Moscow.
2. Davidov, D. M., Chekalina, T. N. 2009, *Balt. Region*, no. 2 (2), pp. 57—64.
3. Korneevets, V. S. 2010, *Mezhdunarodnaja regionalizacija na Baltike [International regionalization in the Baltic Sea]*, Saint Petersburg.
4. Svetogorsk-Imatra: «dvojnoj gorod» [Svetogorsk-Imatra: «dual city»], *Official internet site of the Leningrad Region*, available at: <http://www.lenobl.ru/gov/municipal/svetogorsk/double> (accessed 10 July 2011).
5. Self, P. *Goroda vyhodjat iz svoih granic [City out of its borders]*, 1962, Moscow.
6. Sergunin, A. A. 2003, *Politicheskaja nauka*, no. 3, pp. 121—141.
7. Sergunin, A. A. 1999, *Polis*, no. 3, pp. 76—88.
8. Smirnova, S. 2008, *Pechenga*, 19 April, available at: <http://pechenha-gazeta.ru?i=2020> (accessed 26 January 2011).
9. Hauke, M. O. 1960, *Prigorodnaja zona bol'shogo goroda [Suburban area of the city]*, Moscow.
10. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 2009, *Balt. Region*, no. 4 (6), pp. 103—115.
11. Buursink, J. 1994, *Acta Geographica Lovaniensia*, no. 34, pp. 175—80.
12. City Twin Association Strategy 2010—2020, *Narva*, 2009, available at: <http://www.citytwins.org/en/page/5/> (accessed 27 May 2011).
13. Hurskainen, S. Case Imatra-Svetogorsk: An example from the field. In: Kulmala, M., Päiviö, L. (eds.). *Northern Dimension, Poland and the New Neighbours*, 2005, Helsinki: The Finnish Commission for European Security (STETE), pp. 132—136.
14. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2011, *Research Journal of International Studies*, no. 22, pp. 120—131.
15. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2011, *City-Twinning in Northern Europe: Challenges and Opportunities*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
16. Jussila, H. 1997, Building of a Region and of a European Transnational City — Some Lessons from Haparanda-Tornio. In: Lyck, L., Berg, P. O. 1997, *The Øresund Region Building*. Copenhagen, Copenhagen Business School, pp. 53—65.

17. Lundén, T. 2007, *Geographica Helvetica*, Vol. 62, no. 1, pp. 22—32.
18. Lundén, T. Valka-Valga, Narva-Ivangorod. Estonia's Divided Border Cities. In: Janczak, J. (ed.). 2009, *Conflict and Cooperation in Divided Cities*, Berlin, Logos Verlag, pp. 133—149.
19. Pikner, T. 2008, *Nordia Geographical Publications*, Vol. 37, no. 4, pp. 9—13.
20. Schultz, H., Jajeśniak-Quast, D. and Stokłosa, K. 2002, *Twin Towns on the Border as Laboratories of European Integration*, Frankfurt (Oder), Frankfurter Institut für Transformationsstudien. (Arbeitsberichte 4/02), available at: http://www.europa.uni.de/de/forschung/institut/institut_fit/publikationen/discussion_papers/2002/04-02-Schultz.pdf (accessed 16 August 2011).
21. Tüür, K., Maximova, T. and Kudrin, S. 1999, *About the political background of the water conflict between Ivangorod and Narva*, Tartu, The Center of Transboundary Cooperation.
22. Van der Pluijm, R. 2007, *City diplomacy: the expanding role of cities in international politics*, The Hague, Netherlands Institute of International Relations «Clingendael», no. 10, 45 pp.
23. Wellmann, Chr. (ed.), 1998, *From town to town. Local actors as transnational actors*, Hamburg, LIT Verlag.
24. Zalamans, D. 2008, *Mental and Physical Borderlines in the Baltic Sea Region*, St. Petersburg, available at: http://www.indepsocres.spb.ru/zalam_e.htm (accessed 19 July 2011).
25. Zalamans, D. 2001, Transboundary regionalization — the case of Haparanda and Tornio. In: Bucken-Knapp, G., Schack, M. (eds.) 2001, *Borders matter: transboundary regions in contemporary Europe*, Copenhagen, Danish Institute of Border Region Studies, pp. 59—72.

About authors

Anatoly A. Anishenko, PhD student, Department of International Relations and Political Science, Linguistics University of Nizhny Novgorod.

E-mail: anishenko@tpp.nnov.ru

Dr Alexander A. Sergunin, School of International Relations, Saint Petersburg State University.

E-mail: sergunin60@mail.ru

УДК 623.764(73+470+571)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТВЕТНЫХ ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ КОНЦЕПЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ ПРО США В ЕВРОПЕ

И. М. Лёвкин

*В. И. Шацкая**

Рассматриваются проблемы размещения элементов системы противоракетной обороны Соединенных Штатов Америки в Восточной Европе. Общеввропейская система ПРО США — это лишь компонент направленной на претворение в жизнь своеобразной концепции по мировому лидерству США. Анализируются возможные ответные действия со стороны России в военно-технической и политической областях. Предложенные меры разделяются на три подгруппы (мягкие, средние и жесткие) в зависимости от реализации США принятой концепции по ПРО. В исследовании использовался структурно-системный метод и метод актуализации. Приводятся положительные и негативные последствия таких действий как для РФ, США, стран Восточной Европы, так и сопредельных государств, в том числе стран Балтии. Предложенные и обоснованные авторами ответные действия России могут лечь в основу сценариев развития международной обстановки и помочь спрогнозировать уровень напряженности в отношениях России и США.

Ключевые слова: противоракетная оборона, «Искандер», НАТО, концепция, воздушно-космическая оборона.

* Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., 57/43.

Поступила в редакцию 11.10.2011 г.

Идея создания новой концепции противоракетной обороны (ПРО), озвученная президентом Дж. Бушем-младшим в 2001 г. [19], и сама концепция развертывания третьего позиционного района ПРО в Восточной Европе, представленная администрацией президента США в январе 2006 г. [15],

вызвали резкую отрицательную реакцию со стороны РФ и ее союзников. Несмотря на постоянные заявления администрации США о том, что размещение радаров и противоракетных комплексов в Восточной Европе никоим образом не направлено против РФ, российское руководство считает, что США преследуют именно эту цель. Суть общей концепции ПРО заключается в создании «глубоко эшелонированной системы, рассчитанной на применение неядерных средств перехвата баллистических ракет любых типов на всех участках траектории полета — начальном, среднем и конечном» [15, с. 2]. Новая американская система ПРО, получившая название «Железная сеть», должна была иметь вид гигантского треугольника, один угол которого будет находиться в Восточной Европе и два — в США: на Аляске (Форт-Грили) и в Калифорнии (Вандерберг). При этом элементы системы на американской территории уничтожали бы боеголовки ракет противника на последней стадии их полета с помощью зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) «Пэтриот» (Patriot). Объекты ПРО, расположенные на территории Европы, отвечали бы за обнаружение стартов ракет и их уничтожение на раннем и среднем участках. И наконец, элементы космического базирования должны уничтожать ракеты на среднем участке полета [10]. С приходом к власти нового президента США Б. Обамы и его администрации в 2009 г. первоначальные планы Дж. Буша-младшего, хоть и были пересмотрены и скорректированы, легли в основу новой концепции общеевропейской ПРО НАТО, которая должна создаваться в четыре этапа. В 2018 г. система ПРО США вводится в эксплуатацию, но начнет действовать уже в мае 2012 г. [11].

В связи с этим Россия готова принять любые меры для того, чтобы не допустить возрастания угроз своей международной безопасности. Перечень этих мер будет зависеть от конкретных действий США при практической реализации концепции по ПРО.

В рассматриваемом случае все возможные действия РФ при реализации США принятой концепции по ПРО можно разделить на две основные группы: действия в *политической и военно-технической* областях (табл. 1, 2).

Действия в политической области представляют собой мягкие, средние и жесткие меры, направленные на достижение альтернативного варианта ПРО либо заключение коалиций с государствами, поддерживающими Россию, а также на обеспечение законности действий РФ в случае угрозы со стороны стран третьего позиционного района.

Действия в военно-технической области представляют собой меры, включающие обеспечение защиты РФ, разработку военно-технических предложений по созданию совместной ПРО и совершенствование собственной системы ВКО.

Меры по противодействию системе ПРО США в политической области

Мера	Потенциальные возможности	Негативные последствия
<i>Мягкие</i>		
Продолжение консультаций и переговоров с администрацией США о недопустимости размещения средств ПРО в странах Восточной Европы	<p>Всестороннее рассмотрение сложившейся ситуации</p> <p>Детальная проработка возможных вариантов действий/рекомендаций по введению переговоров с Соединенными Штатами в области ПРО</p> <p>Выработка возможного текста двустороннего или многостороннего договора/соглашения</p> <p>Постоянное информирование военно-политического руководства РФ о ходе переговоров, успехе или неудаче принятия альтернативного варианта</p> <p>Демонстрация готовности России к равному сотрудничеству с США в сфере ПРО</p>	<p>Замедление процесса строительства совместной ПРО</p> <p>Вытекающий обмен аргументами между США и РФ и продолжение строительства ПРО в третьем позиционном районе</p>
Разработка предложений по заключению нового Договора о совместной ПРО США и РФ	<p>Развитие отношений США и России в русле сотрудничества</p> <p>Осуществление взаимного наблюдения за возможными пусками со стороны Ирана (и КНДР)</p> <p>Проведение политики ракетно-ядерного сдерживания Ирана</p>	Рост напряженности двусторонних отношений России и Ирана, России и КНДР
Разработка предложений по заключению нового договора по ПРО с США с учетом положительного опыта договора по ПРО между СССР и США 1972 г.	<p>Развитие отношений США и России в русле сотрудничества</p> <p>Сокращение наращивания стратегических наступательных и оборонительных вооружений</p> <p>Ограничение создания систем ПРО будущего поколения</p> <p>Ограничение возможности США и РФ по перехвату МБР системами ПРО</p> <p>Снижение расходов ВПК обеих стран на ПРО в отличие от расходов в рамках гонки вооружений</p> <p>Использование договора как аргумента в переговорном процессе для опровержения попыток стран Европы рассматривать возможную ракетную угрозу со стороны России</p>	Возможен рост напряженности в российско-китайских отношениях

Мера	Потенциальные возможности	Негативные последствия
<p>Организация международных слушаний по вопросам разоружения в целом и по проблеме ПРО в частности, с обязательным принятием соответствующих политических решений</p>	<p>Включение в обсуждение данного вопроса значительно более широкого круга международных акторов, тем более что все участники причастны к проблеме</p> <p>Формирование более широкой коалиции сторонников создания совместной ПРО</p> <p>Привлечение нейтральных стран (страны, не участвующие в вышеперечисленных организациях) для создания совместной ПРО</p> <p>Разработка международных документов, обязательных к выполнению, по проблеме разоружения и ограничению ПРО</p> <p>Повышение вероятности пересмотра позиции США</p> <p>Замедление темпов строительства ПРО НАТО</p> <p>Внимание к несоблюдению/нарушению норм международного законодательства по вопросам разоружения, ядерного оружия, т. е. уязвка строительства системы ПРО НАТО с возможным нарушением международного права</p> <p>Создание предпосылок для формирования международного органа по контролю за ограничением систем ПРО</p>	<p>Отсутствие консенсуса при принятии решений</p> <p>Несоблюдение политических решений всеми участниками международных слушаний</p>
<p>Проведение переговоров с Ираном</p>	<p>Снижение ракетно-ядерной угрозы со стороны Ирана</p> <p>Урегулирование дипломатическим путем вопроса о ракетно-ядерной программе Ирана, что может свидетельствовать о дипломатической победе России</p> <p>Заключение с Ираном письменной договоренности не создавать БР большой дальности и не использовать ядерные материалы в военных целях</p> <p>Определение цели развертывания третьего позиционного района: если Иран обещает не создавать БР большой дальности, то против кого он направлен?</p> <p>В случае продолжающегося развертывания американской ПРО, возможно, проведение переговоров о присоединении Ирана к коалиции России</p>	<p>Отсутствие консенсуса в переговорах с Ираном</p> <p>Тайное развитие ракетно-ядерной программы Ирана</p>

<p>Обязательная увязка вопроса по ПРО с ключевыми вопросами разоружения и ограничения вооружений в мире и Европе, особенно в отношении стран ЕС</p>	<p>Постоянное акцентирование внимания мирового сообщества на проблеме ПРО Проведение переговоров по вопросу ПРО в рамках разоружения и ограничения вооружений Призыв сторон к урегулированию вопроса по ПРО в рамках разоружения и ограничения вооружений Принятие документов по разоружению и ограничению вооружений, содержащих обязательства сторон по ПРО Указание на нарушение/несоблюдение сторонами обязательств по разоружению и ограничению вооружений при строительстве третьего позиционного района</p> <p>Отсутствие мер по одностороннему разоружению</p> <p>Проведение информационной кампании по вопросу ПРО в контексте разоружения и ограничения вооружений</p>	<p>Несоблюдение сторонами обязательств по разоружению и ограничению вооружений в мире</p>
<p>Согласие России с предложениями США, выдвигаемыми по ПРО</p>	<p>Создание совместной ПРО</p>	<p>Возможная нейтрализация ядерных сил РФ</p> <p>Возможная нейтрализация ядерных сил Китая</p> <p>Охлаждение российско-китайских отношений</p> <p>Укрепление обороноспособности Китая и совершенствование средств нападения</p>
<p><i>Средние</i></p>		
<p>Убеждение в рамках информационного противоборства военно-политического руководства стран Восточной Европы о негативных последствиях размещения элементов ПРО</p>	<p>Проведение возможного информационного (и другого) воздействия на страны Восточной Европы не только извне, но и изнутри Возможный отказ руководства стран Восточной Европы от размещения элементов ПРО на своих территориях Предоставление возможности населению высказать свое мнение в рамках действующего законодательства Демонстрация мировому сообществу способности России решить данный вопрос не прибегая к крайним мерам и подтверждение ранга мировой державы в информационном пространстве</p>	<p>Возможное обвинение России в оказании давления на страны Восточной Европы со стороны противоборствующей стороны</p>

Мера	Потенциальные возможности	Негативные последствия
Частичное согласие России с предложениями, выдвигаемыми США по ПРО	Создание совместной ПРО Консенсус в создании совместной ПРО	Возможная нейтрализация ядерных сил Китая Охлаждение российско-китайских отношений Укрепление обороноспособности Китая и совершенствование средств нападения Охлаждение российско-иранских отношений
<i>Жесткие</i>		
Включение в военную доктрину РФ положения о возможности нанесения превентивного удара по объектам третьего позиционного района ПРО США, в том числе тактическим ядерным оружием	Представление мировому сообществу позиции РФ по вопросу размещения ПРО США в третьем позиционном районе Предоставление возможности государствам, входящим в третий позиционный район, пересмотреть свои позиции по размещению элементов ПРО на их территориях в связи с явной угрозой их безопасности Повышение авторитета России среди стран СНГ, что может привлечь на ее сторону новых союзников и укрепить отношения с существующими Выявление истинных намерений США по вопросу размещения ПРО в Европе	Попытки дискредитации России со стороны Запада — представление как агрессивно настроенного государства Ускорение процесса развертывания ПРО в третьем позиционном районе Укрепление обороноспособности РФ и стран третьего позиционного района Угроза провокаций локальных и региональных конфликтов Сплочение/расширение противостоящих коалиций Усиление гонки вооружений между РФ и США Угроза безопасности границам РФ Радикальное — отнесение Соединенными Штатами России к странам «оси зла»

<p>Формирование коалиций с государствами, занимающими аналогичные с РФ позиции по третьему позиционному району ПРО США, и выступление на международной арене по данному вопросу единым фронтом</p>	<p>Формирование коалиции, выступающей за создание совместной ПРО</p> <p>Обозначение перспектив развертывания ПРО ШОС на базе российской ПРО</p> <p>Привлечение внимания к возможности ухудшения отношений США и их союзников с Россией и поддерживающими ее странами</p> <p>Укрепление военных связей (отношений) России с другими государствами в интересах повышения уровня международной безопасности</p> <p>Затруднение реализации нейтрализации ядерных сил РФ и КНР</p> <p>Усложнение реализации планов по размещению систем ПРО США в Японии, Индии, Тайване и Южной Корее</p> <p>Предоставление возможности мировому сообществу определить негативные внешне-политические и экономические последствия после развертывания ПРО НАТО, если существует коалиция государств, настроенная против такого развертывания</p> <p>Проведение совместных учений, связанных с вопросами ПРО</p> <p>Нейтрализация аргументов США о строительстве своей ПРО в ответ на угрозу со стороны Ирана и КНДР</p>	<p>Возможно возрастание военно-политического противостояния ШОС и НАТО в случае согласования позиций РФ и Китая</p>
<p>Отказ России от предложений, выдвигаемых США по ПРО</p>	<p>Повышение уровня заинтересованности в вопросах ПРО не только России, но и других государств</p> <p>Повышение политического веса России в глазах мирового сообщества</p> <p>Демонстрация решительности в вопросах ПРО</p> <p>Принятие мер по защите стратегических ядерных сил</p>	<p>Вялотекущий обмен аргументами между США и РФ и продолжение строительства ПРО</p> <p>Одностороннее размещение ПРО США в Восточной Европе</p> <p>Гонка вооружений</p>

Меры по противодействию системе ПРО США в военно-технической области

Мера	Потенциальные возможности	Негативные последствия
<p>Разработка военно-технических предложений по созданию альтернативного варианта ПРО с доминирующей ролью Вооруженных сил РФ</p>	Устранение дополнительной опасности для стратегических ядерных сил РФ	Возможно охлаждение в двусторонних отношениях России и Китая, России и Ирана
	Исключение из зоны контроля территории РФ и ее стратегические ядерные силы	Рассмотрение сложившейся ситуации Китаем как враждебно настроенного акта, направленного на подрывание его ядерного статуса, или как объединение двух недружественных по отношению к нему государств
	Сохранение возможности сдерживания США российскими ядерными силами	Проведение Китаем разработок в области преодоления альтернативной ПРО
	Создание европейского противоракетного щита от угрозы со стороны Ирана и других стран (при необходимости)	Нарращивание Китаем стратегических средств нападения, строительство собственной ПРО
	Возможность беспрецедентного сотрудничества РФ и США	Увеличение численности вооруженной армии Китая, появление новых средств ведения войны
	Возможность РФ и США выступить гарантами стратегической стабильности в Европе	Военно-политический конфликт с Китаем
	Демонстрация мировому сообществу направленности России на сотрудничество с США (информационно-пропагандистский эффект)	
	Отказ США от создания третьего позиционного района	
	Развитие отношений с ЕС в русле сотрудничества, отсутствие поводов для возникновения военно-политического конфликта в этой области	
	Снижение гонки вооружений в области ПРО	

Мягкие

<i>Средние</i>		
<p>Постоянный мониторинг экстерриториальными средствами наблюдения строящихся и функционирующих объектов третьего позиционного района ПРО США</p>	<p>Отслеживание развёртывания ПРО в третьем позиционном районе</p> <p>Правильная оценка физико-географических условий для применения средств поражения / подавления объектов третьего позиционного района по данным экстерриториальных средств наблюдения</p> <p>Готовность нанести удар по объектам третьего позиционного района</p>	<p>В явном виде нет влияния на изменение обстановки</p>
	<p>Исключение поставок в третьи страны оборудования и технологий, позволяющих организовать производство ракетно-ядерного оружия</p>	<p>Предотвращение попадания ракетно-ядерного оружия в руки террористов</p> <p>Укрепление международного режима ядерного и ракетного нераспространения</p> <p>Сохранение существующего стратегического баланса на мировой арене</p> <p>Пересмотр США своей позиции по созданию глобальной ПРО</p> <p>Снизить реализацию возможного ракетно-ядерного нападения со стороны третьих стран на РФ</p> <p>Снижение вероятности реализации ракетно-ядерных программ третьими странами</p> <p>Предотвращение появления новых ядерных государств</p>

Мера	Потенциальные возможности	Негативные последствия
<i>Жесткие</i>		
Размещение средств поражения (оперативно-тактических ракет «Искандер») в зоне доступности до объектов третьего позиционного района ПРО США (Калининградская область, смежные области РФ с третьим позиционным районом)	<p>В случае угрозы безопасности РФ нанесение удара по объектам ПРО США, размещенным в странах Восточной Европы, а также по стратегически важным объектам стран Восточной Европы</p> <p>Подтверждение решительности РФ в вопросах национальной безопасности, демонстрация высоких боеспособности и боеспособности Вооруженных сил РФ</p>	<p>Открытое противостояние России и стран Запада</p> <p>Рост напряженности в отношениях России с США и странами, заинтересованными в третьем позиционном районе</p> <p>Проведение военных учений НАТО с целью противодействия возможной ракетной угрозе со стороны России</p> <p>Изменение Стратегической концепции НАТО: отнесение России к возможным противникам</p> <p>Изменение военных доктрин стран НАТО</p> <p>Развязывание локальной войны или военно-политического конфликта, организованных США, с участием Польши, Латвии, Литвы, Эстонии</p> <p>Разрыв дипломатических отношений со странами Прибалтики и Польшей</p> <p>Форсирование реализации планов по размещению ПРО в Европе</p> <p>Внесение коррективов в намеченный план по размещению ПРО с подключением новых стран или размещение новых элементов ПРО</p> <p>Реализация космического эшелона ПРО</p> <p>Принятие экономических санкций со стороны США в отношении России</p>

	<p>Демонстрация косвенного укрепления отношений со странами, открыто критикующими внешнюю политику США</p> <p>Убеждение Запада отказаться от своих намерений и избежать возможного военного конфликта с РФ в случае размещения ПРО</p> <p>Подтверждение статуса РФ как великой державы</p> <p>Создание условий для начала переговоров по заключению нового договора по ПРО или о европейской безопасности</p>	<p>Дальнейшее расширение НАТО</p> <p>Внесение коррективов в намеченный план по размещению ПРО с подключением новых стран или размещение новых элементов ПРО</p> <p>Ведение информационной войны против России, попытки дискредитировать Россию в глазах мирового сообщества</p>
<p>Проведение НИР и ОКР по разработке новых средств поражения (подавления) объектов третьего позиционного района</p>	<p>Создание более эффективных средств поражения объектов третьего позиционного района с высокой точностью попадания и низким уровнем радиации</p> <p>Обеспечение одновременного подавления большего числа РЛС и других электронных объектов третьего позиционного района, нарушение управления системой ПРО третьего позиционного района, выведение из строя автоматизированной системы передачи команд на средства поражения/систему наведения противоракет и т. д.</p> <p>Повышение в целом состояния обороноспособности страны</p>	<p>Увеличение расходов на военные программы в ущерб экономике страны</p> <p>Скрытая гонка вооружений</p>
<p>Совершенствование системы ВКО РФ</p>	<p>Снижение уровня угрозы военно-космического нападения потенциального противника</p> <p>Повышение боевой устойчивости важнейших объектов РФ</p> <p>Повышение эффективности системы ПРО РФ</p>	<p>Состояние скрытого военно-политического конфликта с США</p> <p>Совершенствование средств нападения и обороны США</p> <p>Обострение отношений с США на всех уровнях</p> <p>Гонка вооружений с США</p>
<p>Разработка новых средств преодоления ПРО США, форм и способов их боевого применения</p>	<p>Гарантированное поражение цели на территории США</p> <p>Понижение уровня эффективности ПРО США и повышение уровня боеспособности средств нападения РФ</p> <p>Сохранение РФ возможности нанесения ответного удара</p> <p>Проведение политики сдерживания ракетно-ядерного оружия в отношении США</p>	

Продолжение консультаций и переговоров с администрацией США о недопустимости размещения средств ПРО в странах Восточной Европы. Для достижения наилучшего результата целесообразным представляется включить в состав рабочей комиссии специалистов, создававших системы ПРО СССР и РФ, участников составления и заключения договора об ограничении систем ПРО 1972 г., представителей Совета безопасности РФ (министр обороны РФ, директора СВР и ФСБ, начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ, первый заместитель министра обороны РФ, президент РАН), специалистов Космических войск (командующие Космическими войсками России и Оперативно-стратегическим командованием ВКО, начальник Главного центра предупреждения о ракетном нападении (ГЦ ПРН) Космических войск, командир дивизии ПРО), представителей Министерства иностранных дел РФ (министр иностранных дел РФ, один из заместителей министра иностранных дел, директора Департамента Северной Америки и Департамента по вопросам безопасности и разоружения), экспертов в области ядерных вооружений.

Основными задачами рабочей группы следует считать:

1. Подготовка и внесение предложений для обсуждения на переговорах: об использовании имеющихся элементов систем ПРО США и РФ (РЛС в Габале и др.), о совместном участии России и США в создании систем ПРО.
2. Рассмотрение встречных предложений администрации или рабочей комиссии США.
3. Обсуждение проблем, вызванных различными позициями сторон.
4. Информирование общественности о состоянии переговоров.
5. Оценка существующих и планируемых систем ПРО США и России, прогноз достижения договоренностей между Россией и США и последствий размещения ПРО США в Восточной Европе для России.
6. Выработка рекомендаций для военно-политического руководства РФ.
7. Подготовка документов для проведения переговоров на высшем уровне.
8. Подготовка/проектирование возможного документа в области противоракетной обороны для России, например Стратегической концепции по развитию систем противоракетной обороны РФ до 2025 г.
9. Разработка альтернативного варианта сотрудничества России и США в вопросе ПРО.

Разработка предложений по заключению нового договора о совместной ПРО США и РФ. В случае создания общей системы ПРО США и РФ в договор целесообразно включить обязательные положения, регламентирующие совместную деятельность обеих стран в этой области.

Разработка предложений по заключению нового договора по ПРО с США с учетом положительного опыта договора по ПРО между СССР и США 1972 г. В текст договора нужно включить следующие возмож-

ные положения, *ограничивающие или предотвращающие* (по согласованию сторон):

1. Не придавать зенитно-ракетным комплексам и системам, противоракетным комплексам мобильного наземного базирования, корабельным многофункциональным боевым информационно-управляющим системам, противоракетам среднего и большого радиуса действия и иным элементам и компонентам тактической ПРО способностей решать задачи борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета и не испытывать их в целях стратегической ПРО.

2. Не придавать ракетам, пусковым установкам и РЛС, не являющимся соответственно противоракетами, пусковыми установками противоракет и РЛС ПРО, способностей решать задачи борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета и не испытывать их в целях ПРО.

3. Каждая из сторон обязуется не создавать, не испытывать и не развертывать системы или компоненты ПРО морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования, за исключением построенных или находящихся в стадии строительства.

4. Каждая из сторон обязуется не создавать, не испытывать и не развертывать пусковые установки противоракет для пуска с каждой пусковой установки более одной противоракеты одновременно, не модифицировать развернутые пусковые установки для придания им такой способности, а также не создавать, не испытывать и не развертывать автоматические или полуавтоматические или иные аналогичные средства скоростного перезаряжания пусковых установок противоракет.

5. Сохранить существующие системы ПРО на определенных условиях (определить условия сохранения систем ПРО в процессе дополнительных консультаций либо сохранить условия применения существующих систем ПРО в рамках договора 1972 г.).

Организация международных слушаний (например, в ЕС, ШОС, ЕвразЭС, СНГ, ОДКБ, Комитете по вопросам разоружения и международной безопасности ГА ООН (Первый комитет ГА ООН), Комиссии по разоружению ООН, ОБСЕ) по вопросам разоружения в целом и по проблеме ПРО США в частности с обязательным принятием соответствующих политических решений. Так, уже 15 июня 2011 г. на юбилейном саммите ШОС в Астане была принята Астанинская декларация — итоговый документ саммита, в котором лидеры государств-членов ШОС (Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия) осудили планы США по развертыванию глобальной ПРО: «Государства-члены полагают, что одностороннее и неограниченное наращивание противоракетной обороны одним государством или узкой группой стран может нанести ущерб стратегической стабильности и международной безопасности» [9]. Выступая перед журналистами, российский министр иностранных дел Сергей Лавров сказал, что критика направлена не только против предлагаемой к созданию в Европе американской ПРО, но и против «глобальной системы противоракетной

обороны, создаваемой США и охватывающей также Восточную и Южную Азию» [17].

Проведение переговоров с Ираном о недопустимости использования ядерных материалов в военных целях, создания ракетного оружия большой (более 5 тыс. км) дальности, возможности контроля ядерной программы международными организациями (МАГАТЭ), о необходимости борьбы с ядерным терроризмом и необходимости контроля за распространением ракетных технологий, присоединение к Режиму контроля за ракетной технологией (РКРТ) и т. п.

Обязательная увязка вопроса ПРО с ключевыми вопросами разоружения и ограничения вооружения дополнит предшествующие меры в политической области. На возможность отказа от дальнейшего разоружения и мер в области контроля над вооружениями, а также от выхода России из Договора СНВ-3 23 ноября 2011 г. обратил внимание президент РФ в заявлении по поводу ситуации, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе [5].

Убеждение в рамках информационного противоборства военно-политического руководства стран Восточной Европы (Румыния, Польша, Чехия) по дипломатическим, общественно-политическим и частным каналам правительства и населения Румынии, Чехии и Польши о возможных негативных последствиях размещения элементов ПРО США на их территориях и территориях сопредельных государств:

— охлаждении политических и экономических отношений с Россией;

— охлаждении отношений с государствами, имеющими отношение к проблеме ракетно-ядерного оружия;

— возникновении разногласий внутри ЕС со сменой власти или принятием новых членов;

— появлении закрытых объектов, усложняющих размеренную жизнь европейцев;

— увеличении присутствия американских военных в этих странах;

— вовлечении в гонку вооружений между Россией и США с вероятным подключением к ней третьих стран;

— нанесения ударов, в том числе и тактическим ядерным оружием, по объектам, находящимся на их территориях;

— радиоактивном заражении местности при уничтожении головных частей с ядерным зарядом над их территориями.

Необходимы также создание и поддержка (информационная, финансовая и т. п.) неправительственных организаций, профсоюзов, влиятельных частных лиц, занимавших и занимающих места в госаппарате этих стран, деятелей науки, техники и даже культуры, жителей этих стран, выступающих против размещения элементов ПРО США на своей территории. Поскольку некоторые страны Восточной Европы относятся к такому географическому региону, как Центральная Европа (например, Польша, Чехия, Румыния и др.), стоит отметить, что их реак-

ция может существенно повлиять на общую геополитическую обстановку в интересах РФ [7].

Включение в Военную доктрину РФ положения о возможности нанесения превентивного удара по объектам третьего позиционного района ПРО США, в том числе тактическим ядерным оружием. В настоящее время Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная указом президента РФ 5 февраля 2010 г., дает право России применять «ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства» [3]. При этом к основным внешним военным опасностям она относит «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока»; а также «создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия» [3]. При этом «военная политика Российской Федерации направлена на недопущение гонки вооружений, сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование <...> средств поражения в целях обороны и обеспечения безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников» [3]. Кроме того, важнейшей задачей России остается недопущение ядерного военного конфликта, а к основным задачам по предотвращению и сдерживанию военных конфликтов относится «создание механизмов регулирования двустороннего и многостороннего сотрудничества в области противоракетной обороны» [3].

Формирование коалиций с государствами, занимающими аналогичные с РФ позиции по третьему позиционному району ПРО США (Китай, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) и выступление на международной арене по данному вопросу единым фронтом. Расширение этой коалиции возможно за счет государств, занимающих нейтральную (или индифферентную) позицию по рассматриваемому вопросу или официально ее не определивших. Четвертого октября 2011 г. стало известно о проведении переговоров между Россией и Украиной по совместной системе ПРО [16]. Глава миссии Украины при НАТО чрезвычайный и полномочный посол И. Долгов заявил, что Украина будет участвовать в ПРО НАТО только при условии присоединения к ней России [18].

В зависимости от сложившейся обстановки к политическим мерам также относятся: *отказ, согласие или частичное согласие России с предложениями, выдвигаемыми США по ПРО.*

Разработка военно-технических предложений по созданию альтернативного варианта ПРО с доминирующей ролью Вооруженных сил РФ:

— использование системой ПРО США информации от средств предупреждения о ракетном нападении Вооруженных сил РФ (РЛС в Габале (Азербайджан) и других районах) о состоянии вероятных средств ракетно-ядерного нападения ;

— размещение средств поражения воздушно-космических целей системы ПРО РФ на южных границах России или других ракетаопасных направлениях;

— формирование совмещенного информационно-управляющего контура систем ПРО РФ и США.

На Лиссабонском саммите в ноябре 2010 г. Россия и США договорились обсуждать дальнейшее сотрудничество в области ПРО. Россия выдвинула предложение по созданию секторальной ПРО, согласно которой ракеты, летящие через территорию РФ в сторону членов НАТО, будут уничтожаться российской стороной. В свою очередь, Североатлантический альянс должен ликвидировать ракеты, пересекающие территорию стран-членов НАТО, устремленные на объекты РФ. Кроме того, стороны не будут направлять объекты ПРО против друг друга и размещать их на общих границах [4]. Тем не менее в июле 2011 г. во время встречи президента РФ с руководством НАТО в Сочи и во время визита министра иностранных дел РФ С. Лаврова в Вашингтон данная идея была отвергнута. И на состоявшемся заседании Совета Россия — НАТО 8 декабря 2011 г. стороны так и не продвинулись в решении этой проблемы. Следующий саммит НАТО состоится в мае 2012 г. в Чикаго, результаты которого могут предопределить международную обстановку.

Постоянный мониторинг экстерриториальными средствами наблюдения (космические средства дистанционного зондирования Земли, например Ресурс-ДК) строящихся и функционирующих объектов третьего позиционного района ПРО США с уточнением их координат, создания их двумерных цифровых изображений для закладки в систему наведения огневых средств поражения. Ресурс-ДК позволяет получать достаточно детальные изображения объектов и доставлять информацию по радиоканалу на Землю.

Исключение поставок в третьи страны оборудования и технологий, позволяющих организовать производство ракетно-ядерного оружия. Россия может присоединиться к санкциям по Ирану и КНДР и прекратить реализацию мирных ядерных программ.

Размещение средств поражения (оперативно-тактических ракет «Искандер») в зоне доступности до объектов третьего позиционного района ПРО США (Калининградская область, смежные области РФ с третьим позиционным районом), которое не потребует существенных финансовых затрат и будет носить характер асимметричного ответа. Еще в 2008 г. в своем первом Послании к Федеральному собранию президент РФ сообщил о возможности установки ракет «Искандер» в случае необходимости в Калининградской области [13]. А 23 ноября 2011 г. Д. А. Медведев в специальном обращении к гражданам РФ под-

твердил намерение расположить ракетный комплекс «Искандер» в Калининградском регионе и ударные системы на западе и юге страны в случае необходимости [5]. Заявление президента России о размещении ракет «Искандер» и постановке на боевое дежурство РЛС в Калининграде вызвало негативную реакцию со стороны стран Прибалтики. Премьер-министр Литвы Андриус Кубилиус еще раз заверил о ненаправленности ПРО НАТО против России и отметил, что на это необходимо «реагировать серьезно, но... убедить Россию, что она не должна вести себя так воинственно, мы должны... вместе в партнерами в НАТО» [14]. В то же время «министр обороны Латвии Артис Пабрикс попросил руководство Национальных вооруженных сил Латвии оценить слова Медведева «с позиции военной угрозы» [14].

Проведение НИР и ОКР по разработке новых средств подавления объектов третьего позиционного района (например, высокоточного оружия, средств радиоэлектронного подавления, в том числе из космоса, и т. п.). Для этого, возможно, потребуются корректировка положений Гособоронзаказа. Министерство обороны РФ в 2009—2010 гг. направило проводимые НИОКР в сторону создания сложных образцов для Ракетных войск стратегического назначения и Космических войск, которые могут финансироваться из военного бюджета по Государственной программе вооружения на 2011—2020 гг. [2]. Согласно вышеуказанному заявлению президента от 23 ноября 2011 г., Вооруженным силам РФ была «поставлена задача по разработке мер, обеспечивающих при необходимости разрушение информационных и управляющих средств системы ПРО» [5].

Совершенствование системы воздушно-космической обороны РФ (информационной и ударной компоненты, методов и средств преодоления ПРО и т. п.) в процессе становления нового оперативно-стратегического объединения ВС РФ — ВКО ВС РФ. С декабря 2011 г. на боевое дежурство заступили войска воздушно-космической обороны (ВКО), созданные по приказу президента России [12]. А накануне, 29 ноября 2011 г., в соответствии с постановлением главы государства была введена в состав системы предупреждения о ракетном нападении радиолокационная станция «Воронеж-ДМ» в Калининградской области [6]. По утверждению Д. А. Медведева, в рамках ВКО «будет усилено прикрытие объектов стратегических ядерных сил» [5]. «С военно-геополитической точки зрения воздушно-космическая оборона... представляет собой важный инструмент поддержания геополитического баланса сил в современных условиях. Со стратегической точки зрения воздушно-космическая оборона является гарантом своевременного обеспечения президента Российской Федерации — Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России — достоверной информацией о воздушно-космической обстановке для принятия соответствующих решений» [8, с. 46].

Разработка новых средств преодоления ПРО США, форм и способов их боевого применения. Например, межконтинентальная баллистическая ракета «Булава», предназначенная для вооружения атомных подводных лодок, имеет радиус 8 тыс. км, а главное ее преимущество заключается в том, что она содержит маневрирующие ядерные блоки индивидуального

наведения, способные менять траекторию полета по высоте и курсу [1]. Как заявил президент РФ Д. А. Медведев 23 ноября 2011 г., стратегические баллистические ракеты, поступающие на вооружение ВМФ и РВСН, «будут оснащаться перспективными комплексами преодоления ПРО и новыми высокоэффективными боевыми блоками» [5].

Таким образом, рассмотренные ответные действия со стороны России могут лечь в основу сценариев развития международной обстановки, с учетом реализации тех или иных действий со стороны США.

Список литературы

1. *Баллистическая ракета «Булава»: технические характеристики* : справка // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20100224/210651991.html> (дата обращения: 24.09.11).

2. *В новой Государственной программе вооружения приоритет отдан высокотехнологичным образцам* // Национальная оборона : [сайт]. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0314/21345724/detail.shtml> (дата обращения: 24.09.11).

3. *Военная доктрина Российской Федерации* // Официальный сайт президента России. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения: 28.06.11).

4. *Габуев А.* Ваш сектор возле Russia // Коммерсантъ. 2011. 16 июля. С. 1—2.

5. *Заявление президента в связи с ситуацией, которая сложилась вокруг системы ПРО стран НАТО в Европе* // Официальный сайт президента России. URL: <http://kremlin.ru/news/13637> (дата обращения: 23.09.11).

6. *Калининградская РЛС заступила на боевое дежурство* // Lenta.ru. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/11/29/station/> (дата обращения: 30.09.11).

7. *Косов Ю. В.* Особенности геополитических процессов в Центральной Европе // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 91—97.

8. *Кучерявый М. М.* Геополитические противоречия между Россией и Западом в воздушно-космической сфере // Управленческое консультирование. 2008. № 4. С. 43—49.

9. *Лидеры ШОС: наращивание ПРО узкой группой стран подрывает стабильность* // РИА Новости. URL: http://ria.ru/defense_safety/20110615/388620871.html (дата обращения: 20.07.11).

10. *Лукьянов Ф.* США возводят ракетный забор вокруг России и ради этого готовы закопать свое оружие в Польше // Российская газета. 2005. 19 янв. С. 8.

11. *НАТО пообещало запустить систему ЕвроПРО в 2018 году* // KM. RU. URL: <http://www.km.ru/v-mire/2011/10/05/voenno-politicheskii-blok-nato/nato-roobeshchalo-zapustit-sistemu-evropro-v-2018-g> (дата обращения: 06.09.11).

12. *Олег Остапенко: потенциал ВКО будет постоянно наращиваться* // Вести.Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=649217&cid=7> (дата обращения: 02.12.11).

13. *Послание Федеральному собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г.* // Официальный сайт президента России. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (дата обращения: 22.09.11).

14. *Премьер Литвы: Мы должны убедить Россию не вести себя воинственно* // NewsBalt. URL: <http://newsbalt.ru/detail/?ID=2433> (дата обращения: 09.09.11).

15. *Романец И.* Третий позиционный район ПРО США: предназначение — мнимое и реальное // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 7. С. 1—5.

16. *Россия и Украина ведут переговоры по совместной системе ПРО* // РИА Новости. URL: <http://ria.ru/world/20111004/449045269.html> (дата обращения: 04.09.11).

17. *Саммит* ШОС указывает на усиление международной напряженности // inoСМИ. Ru. URL: <http://www.inosmi.ru/world/20110622/171055975.html> (дата обращения: 20.07.11).

18. *Украина* заинтересовалась европейской системой ПРО // KM. RU. URL: <http://www.km.ru/ukraina/2011/10/06/voenno-politicheskii-blok-nato/ukraina-zainteresovalas-evropeiskoi-sistemoi-pro> (дата обращения: 09.09.11).

19. *Insidepolitics*. Transcript: President Bush speech on missile // CNN.com URL: <http://edition.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/05/01/bush.missile.trans/> (дата обращения: 18.09.2011).

Об авторах

Левкин Игорь Михайлович, доктор военных наук, профессор, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, действительный член АВН.

E-mail: lev.kin@yandex.ru

Шацкая Валерия Игоревна, студентка, Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации.

E-mail: tomasik-90@mail.ru

ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF RUSSIAN RESPONSE TO THE IMPLEMENTATION OF US MISSILE DEFENCE DEPLOYMENT CONCEPT IN EUROPE

I. M. Lyovkin, V.I. Shatskaya

*North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
57/43 Sredniy Prospekt (Vasilyevsky Island), Saint Petersburg, Russia 199178*

Received 11 October 2011

This article is dedicated to the problems of deployment of US antimissile defence system elements in Eastern Europe. The European system of US missile defence system is just one of the components of global US missile defence. This work aims to analyse possible Russian responses within military and political spheres. The measures proposed are divided into three subgroups: soft, medium, and hard depending on the implementation of the adopted missile defence concept by the USA. This research employs the structure-system method and the method of actualisation. The authors outline both positive and negative consequences of such actions for the Russian Federation, the USA, eastern European countries, and neighbouring countries, including the Baltics. The practical significance of this study consists in

that the proposed and justified responses of the Russian Federation may serve as a basis for the scenarios of development of international situation and help forecast the level of tension in Russia-US relations.

Key words: missile defence, Iskander, NATO, concept, aerospace defence.

References

1. Ballisticheskaja raketa «Bulava»: tehničeskie harakteristiki. Spravka [Ballistic missile «Bulava»: technical specifications. Reference], *RIA Novosti*, available at: <http://ria.ru/spravka/20100224/210651991.html> (accessed 24 September 2011).
2. V novoj Gosudarstvennoj programme vooruzhenija prioritet otdan vysokotehnologičnym obrazcam [The new state arms program gives priority to the high-tech designs], *Nacional'naja oborona [National defense]*, available at: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2011/0314/21345724/detail.shtml> (accessed 24 September 2011).
3. Voennaja doktrina Rossijskoj Federacii [Military Doctrine of the Russian Federation], *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii [Official site of President of Russia]*, available at: http://news.kremlin.ru/ref_notes/461 (accessed 28 June 2011).
4. Gabuev, A. 2011, *Kommersant*, 16 July, pp. 1—2.
5. Zajavlenie Prezidenta v svjazi s situaciej, kotoraja slozhylas' vokrug sistemy PRO stran NATO v Evrope [Statement by the President in connection with the situation that has developed around NATO missile defense system in Europe], *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii [Official site of President of Russia]*, available at: <http://kremlin.ru/news/13637> (accessed 23 September 2011).
6. Kaliningradskaja RLS zastupila na boevoe dezhurstvo [Kaliningrad radar was put into combat duty], *Lenta.ru*, available at: <http://www.lenta.ru/news/2011/11/29/station/> (accessed 30 September 2011).
7. Kosov, Ju. V. 2009, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, no. 3, pp. 91—97.
8. Kucherjavj, M. M. 2008, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, no. 4, pp. 43—49.
9. Lidery ShOS: narawivanie PRO uzkoj gruppoy stran podryvaet stabil'nost' [Leaders of SCO defense build-up a small group of countries undermines the stability of], *RIA Novosti*, available at: http://ria.ru/defense_safety/20110615/388620871.html (accessed 20 July 2011).
10. Lukianov, F. 2005, *Rossijskaja gazeta [The Russian newspaper]*, 19 January, p. 8.
11. NATO poobewalo zapustit' sistemu EvroPRO v 2018 godu [NATO has promised to run a European missile defense system in 2018], *KM. RU*, available at: <http://www.km.ru/v-mire/2011/10/05/voenno-politicheskii-blok-nato/nato-poobeshchalo-zapustit-sistemu-evropro-v-2018-g> (accessed 6 September 2011).
12. Oleg Ostapenko: potencial ASD will continue to grow], *Vesti. Ru*, available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=649217&cid=7> (accessed 2 September 2011).
13. Poslanie Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii 5 nojabrja 2008 goda [Address to the Federal Assembly of Russian Federation, November 5, 2008], *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii [Official site of President of Russia]*, available at: http://archive.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml (accessed 22 September 2011).
14. Prem'er Litvy: My dolzhny ubedit' Rossiju ne vesti sebja voinstvenno [Lithuanian Prime Minister: We have to persuade Russia not to behave aggres-

sively], *NewsBalt*, available at: <http://newsbalt.ru/detail/?ID=2433> (accessed 9 September 2011).

15. Romanec, I. 2007, *Zarubezhnoe voennoe obozrenie [Foreign Military Review]*, no.7, pp. 1—5.

16. Rossiya i Ukraina vedut peregovory po sovместnoj sisteme PRO [Russia and Ukraine are negotiating a joint missile defense system], *RIA Novosti*, available at: <http://ria.ru/world/20111004/449045269.html> (accessed 4 September 2011).

17. Sammit ShOS ukazyvaet na usilenie mezhdunarodnoj naprjazhennosti [The SCO summit points to increased international tensions], *inoSMI. Ru*, available at: <http://www.inosmi.ru/world/20110622/171055975.html> (accessed 20 July 2011).

18. Ukraina zainteresovalas' Evropejskoj sistemoj PRO [Ukraine is interested in European missile defense system], *KM. RU*, available at: <http://www.km.ru/ukraina/2011/10/06/voenno-politicheskii-blok-nato/ukraina-zainteresovalas-evropeiskoi-sistemoi-pro> (accessed 9 September 2011).

19. Insidepolitics. Transcript: President Bush speech on missile, *CNN.com*, available at: <http://edition.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/05/01/bush.missile.trans> (accessed 18 September 2011).

About authors

Prof. Igor M. Levkin, North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, full member of the Academy of Military Sciences.

E-mail: lev.kin@yandex.ru

Valeriya I. Shatskaya, student, North-West Institute of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: tomasik-90@mail.ru

**ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ
МИГРАЦИОННОГО
КОНТРОЛЯ
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ:
ПЕРВЫЕ ШАГИ
ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО
ИЗМЕРЕНИЯ
ПРОСТРАНСТВА СВОБОДЫ,
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРАВОСУДИЯ**

Ю. А. Рябов*

На протяжении последних двух десятилетий формирование пространства свободы, безопасности и правосудия — одна из самых динамичных областей европейской интеграции. При этом наибольший интерес представляют внешнеполитические аспекты данного процесса как затрагивающие не только внутреннее развитие ЕС, но и значительное число третьих стран, включая Россию. Усилия по ограничению притока иммигрантов и беженцев рассматриваются как важнейшая составная часть внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия — самостоятельного вектора внешней политики интеграционного объединения. В качестве теоретической основы использованы работы представителей Парижской школы исследований безопасности, в которых были концептуализированы понятия о комплексе угроз Евросоюзу в форме постулируемой взаимосвязи между иммиграцией, терроризмом, предоставлением политического убежища, преступностью, этнически окрашенными беспорядками. В свою очередь, экстернализация вышеуказанных угроз (то есть придание им статуса внешних по отношению к ЕС) рассматривается как ключевая предпосылка для дальнейших действий по их нейтрализации за пределами интеграционного объединения (экстернализация миграционного контроля). Систематизированы представления о действиях Евросоюза как актора международных отношений по ограничению притока иммигрантов и беженцев в период с конца 1980-х до обретения наднациональными органами формальной компетенции в сфере юстиции и внутренних дел. Сделан вывод о том, что в 1990-е гг. ЕС заложил основы политики, позволившей в дальнейшем перенести часть бремени по обеспечению своей безопасности на третьи страны.

* Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, 82.

Поступила в редакцию 27.07.2011 г.

Ключевые слова: иммиграция, политическое убежище, экстернализация миграционного контроля, виза, безопасная третья страна, безопасная страна происхождения.

Внешнеполитическое измерение пространства свободы, безопасности и правосудия (ВИ ПСБП) представляет собой самостоятельное направление внешней политики Европейского союза (ЕС), сложившееся в ответ на угрозы транснационального характера. Оно нацелено на их нейтрализацию посредством активного распространения *acquis communautaire* (комплекс нормативно-правовых актов ЕС) в сфере юстиции и внутренних дел (ЮВД) на страны-нечлены ЕС.

Первые шаги по формированию ВИ ПСБП традиционно связывают с необходимостью противодействовать нелегальной иммиграции. Это обусловлено не только ее влиянием на национальную идентичность (в отдельных странах Европы доля иностранцев в населении составляет двузначные числа [1, с. 46]), но и в первую очередь центральным местом, которое она занимает в «континууме безопасности» — представлениях о комплексе угроз безопасности Евросоюзу. В их рамках постулируется, с одной стороны, связь между иммиграцией, терроризмом, предоставлением политического убежища, преступностью, этнически окрашенными беспорядками, а с другой — общность этих угроз для всех стран-членов ЕС и их внешний (и даже чужеродный) характер по отношению к интеграционному объединению [2, р. 258—259].

Последний тезис сыграл ключевую роль в принятии комплекса мер внешнеполитического характера, направленных на ограничение притока иммигрантов и беженцев. Суть этих мер, которые в научной литературе обычно обобщают понятием «экстернализация миграционного контроля» (*externalisation, remote control, police à distance*), нашла выражение в двух феноменах. Во-первых, в переносе контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами с внешних границ государств-членов Европейского сообщества непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц». Во-вторых, в вовлечении третьих стран в процесс миграционного контроля ЕС путем возложения на них ответственности по реадмиссии (то есть возвращению и приему) и рассмотрению ходатайств о предоставлении политического убежища тем лицам, которые незаконно проникли через их территорию в интеграционное объединение [3, р. 334; 4, р. 22—37].

Важным представляется и тот факт, что экстернализация миграционного контроля стала осуществляться еще до обретения наднациональными органами формальной компетенции в сфере юстиции и внутренних дел (введена Амстердамским договором 1997 г.) и до формирования ВИ ПСБП в результате принятых решений на Европейском совете 15—16 октября 1999 г. в г. Тампере (Финляндия). Основную роль в этом процессе сыграла деятельность структур, которые разработали текст Шенгенской конвенции 1990 г., а также рабочей группы *ad hoc* по иммиграции, созданной в октябре 1986 г. для подготовки предложений по борьбе с «непрекращающимся злоупотреблением правом на политическое убежище» [5, р. 416].

Значительная часть мер в рамках экстернализации миграционного контроля напрямую связана с введением в действие 26 марта 1995 г. Шенгенской конвенции. Как известно, этим документом был установлен ряд требований по отношению к иностранцам для законного пребывания внутри «пространства без границ». Речь, в частности, шла о единой визе, дающей право на свободное передвижение внутри шенгенской зоны в течение периода, не превышающего трех месяцев [6, р. 21—23].

Главным внешнеполитическим средством ограничения притока иммигрантов стала гармонизация списков стран, граждане которых должны иметь визу для легального въезда на территорию государств, присоединившихся к Шенгену¹. По данным Д. Биго, если в 1985 г. таких стран было лишь 70, то в дальнейшем их число возросло до 110 (в момент подписания конвенции в 1990 г.), достигнув 126 в 1995 г. в момент введения в действие конвенции для семи первых государств Шенгена (Бельгии, Германии, Люксембурга, Испании, Италии, Нидерландов, Португалии, Франции) [2, р. 132; 7, р. 40].

Следует отметить, что такая гармонизация осуществлялась в большинстве случаев путем увеличения, а не уменьшения числа стран в списке. Так, визовые требования распространились на граждан стран Северной Африки, желающих отправиться в Испанию и Италию; первой также пришлось отказаться от безвизового режима с отдельными странами Латинской Америки (Доминиканской Республикой, Колумбией, Перу, Эквадором), а последней — с Югославией. С другой стороны, по настоянию Германии Венгрия, Польша и Чехия были вычеркнуты из «черного списка», в то время как Болгария и Румыния остались в нем [8, р. 57; 2, р. 132—133].

По убеждению представителей Парижской школы исследований безопасности, виза представляет собой нечто гораздо большее, нежели простую наклейку в паспорт его обладателя, обычный технический препон на пути свободного передвижения людей. Она выступает в качестве важнейшего инструмента, позволяющего держать на расстоянии нежелательных лиц, а список стран, граждане которых должны ею обладать для легального въезда на территорию шенгенской зоны, по своей сути, — список необъявленных врагов, от которых Европейский союз стремится защититься [9, р. 85].

Какой бы важной ни была роль списка стран, граждане которых должны обладать визой для пребывания в ЕС, этот инструмент представляет собой лишь начальный этап в деле ограничения притока иммигрантов. Второй этап связан непосредственно с переходом на индивидуальный уровень: если нахождение той или иной страны в «черном списке» — ярчайший пример недоверия интеграционного объединения, то сам факт получения иностранцем визы рассматривается как «исключение из исключения», восстановление доверия к отдельно взятому индивиду, выделяющемуся на фоне всей остальной «подозрительной» части населения третьей страны. Задача по выявлению представляющих угрозу лиц и, соответственно, по недопущению того, чтобы они получили легальные основания для въезда на территорию шенгенской зоны (то есть визу), лежит на дипломатических и консульских представительствах государств-членов Европейского союза.

Их роль существенно возросла с введением единой визы и некоторой гармонизацией рабочих процедур посредством Общих консульских инструкций. Произошло серьезное перераспределение функций миграци-

¹ Ранее каждое государство-член ЕС самостоятельно формировало список таких стран, не согласовывая его с партнерами по интеграционному объединению.

онного контроля. Если ранее он осуществлялся преимущественно пограничными службами и таможенной непосредственно на внешних границах государств-членов ЕС, то с введением в действие Шенгенской конвенции их роль свелась не к контролю за людьми, а к проверке документов, их соответствия требованиям, а также выявлению случаев откровенных нарушений миграционного законодательства. Другими словами, на внешних границах все реже происходит отбор тех, кто имеет право въехать на территорию шенгенской зоны. В наиболее полной мере вышесказанное относится к гражданам тех стран, которые входят в «черный список», в то время как «классический» пограничный контроль сохраняется для выходцев из стран в «белом списке» [10, р. 6—8].

Основной же контроль за людьми стал осуществляться непосредственно посольствами и консульствами в момент рассмотрения заявок на получение визы, причем с активным использованием данных других членов ЕС относительно «культивируемых» в третьей стране способах мошенничества, с обменом поименными списками благонадежных и неблагонадежных заявителей и туристических агентств, а в ряде случаев и с составлением портрета потенциального нежелательного иммигранта, описанного в терминах пола, возраста, этнического происхождения, религиозных убеждений, места рождения или жительства, уровня доходов и т. д. [11, р. 106—108].

Наконец, перенос контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц» нашел выражение в статье 26 Шенгенской конвенции. В ней члены Шенгена договорились внести в свое законодательство положения, обязывающие перевозчиков быть ответственными за наличие у иностранцев, которых они доставляют на территорию ЕС из третьих государств воздушным, морским или наземным путем, документов для въезда.

Применение данного положения на национальном уровне показывает, что оно оказалось весьма широко истолкованным правительствами. В законах, принятых во исполнение конвенции, речь обычно идет не только о контроле за наличием документов, но и об их проверках на предмет подлинности, действительности (не истек ли срок действия) и соответствия содержащихся в них данных реальности (не являются ли документы фиктивными). Фактически перевозчикам была делегирована государственная функция по миграционному контролю [12, р. 54—58]. Для перевозчиков (прежде всего авиакомпаний) введение Шенгенской конвенции привело не только к увеличению расходов на обучение персонала по определению нелегальных иммигрантов и выплату штрафов, но на первых порах и к более тесному сотрудничеству с органами власти государств Европейского союза. Известны факты, когда авиакомпании были вынуждены прибегать к услугам бывших или даже действующих сотрудников пограничных и таможенных служб для оказания помощи по выявлению фальшивых документов непосредственно на регистрации и при посадке на авиарейсы в наиболее «проблемных» точках [12, р. 64—65].

Наряду с переносом контроля за иммигрантами и (потенциальными) беженцами непосредственно в страны, являющиеся «источниками нежелательных лиц» экстернализация миграционного контроля приобрела форму возложения на третьи страны ответственности по реадмиссии (то

есть возвращению и приему) тех лиц, которые незаконно проникли через их территорию в ЕС. Так, в Декларации о принципах, лежащих в основе внешних отношений и миграционной политики, которая была принята по итогам заседания Европейского совета в декабре 1992 г. в Эдинбурге, провозглашалась необходимость использования реадмиссии как инструмента для борьбы с нелегальной иммиграцией из стран Центральной и Восточной Европы. Это потребовало придания единообразия существовавшим на тот момент практикам в сфере заключения реадмиссионных договоров государствами-членами ЕС. В результате проведенной работы группой *ad hoc* по иммиграции в 1994 г. Совет ЕС утвердил шаблон реадмиссионного договора между государством-членом и третьей страной, а годом позже — и набор положений, регулирующих обычную и упрощенную процедуру реадмиссии (образцы форм для заполнения компетентными органами, способы определения гражданства задержанных лиц и факт пересечения ими границ ЕС и т. д.) [13, p. 20—24; 14, p. 25—33].

Кроме того, в 1996 г. Совет Европейского союза утвердил типовые формулировки статей о реадмиссии незаконных иммигрантов, которые должны были с этого момента включаться во все так называемые смешанные договоры с третьими странами (то есть договоры, сторонами в которых выступает не только Европейское сообщество, но и его государства-члены; к таковым, например, относятся соглашения об ассоциации, партнерстве и сотрудничестве, стабилизации и ассоциации). Ключевым отличием принятых в первой половине 1990-х гг. документов стало существенное расширение обязательств партнеров Евросоюза. Так, предусматривалась возможность включения разрешительной статьи (*enabling clause*, article Y), в соответствии с которой страна X брала бы на себя обязательство заключить с потребовавшим этого государством-членом ЕС двусторонний договор о реадмиссии не только собственных граждан, но и апатридов и граждан третьих стран, незаконно въехавших через ее территорию в интеграционное объединение [15, p. 368; 16].

Наряду с реадмиссией вовлечение третьих стран в процесс миграционного контроля Евросоюза осуществлялось и путем возложения на них ответственности по рассмотрению ходатайств о предоставлении политического убежища. Первым инструментом стало введение в национальную и европейскую практику нормы о безопасной третьей стране (БТС, *safe third country*, *paays tiers sûr*), в соответствии с которой лицу, ищущему политическое убежище (ЛИУ), может быть отказано в рассмотрении ходатайства на том основании, что оно уже имело возможность обратиться за защитой к властям другого государства (через которое оно транзитом проследовало на территорию Евросоюза), однако не сделало этого [17].

На уровне ЕС норма о безопасной третьей стране прямо или косвенно была закреплена в ряде документов, имеющих различный юридический статус.

Во-первых, речь идет о Дублинской конвенции 1990 г., определяющей государство, ответственное за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, поданных в одном из государств-членов Европейского сообщества. Подготовленная рабочей группой *ad hoc* по иммиграции и подписанная на четыре дня раньше Шенгенской конвенции, в ста-

тье 3.5 она ввела право членов интеграционного объединения переадресовать заявителя, ходатайствующего о предоставлении убежища, к третьему государству согласно положениям Женевской конвенции 1951 г. о статусе беженцев с изменениями, внесенными Нью-Йоркским протоколом 1967 г. [18, р. 4]. Идентичное по сути право содержится в статье 29.2 Шенгенской конвенции, хотя и с более широким указанием на необходимость соответствия международным обязательствам сторон.

Во-вторых, в 1992 г. Совет ЕС, собравшийся в составе министров, ответственных за миграцию, принял юридически необязательные, но имевшие большое значение Лондонские резолюции. В Резолюции о согласованном подходе к вопросам относительно принимающих третьих стран (host third countries) были закреплены общие критерии, на основе которых государствам-членам рекомендовалось оценивать безопасность третьей страны, которой они собирались передать лицо, ищущее политическое убежище:

- 1) отсутствие угрозы жизни и свободе ЛИУ в такой стране;
- 2) отсутствие риска для ЛИУ подвергнуться пыткам или бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению;
- 3) установленный факт неиспользованных ЛИУ возможностей подать ходатайство о защите в какой-либо третьей стране до прибытия в ЕС;
- 4) наличие гарантий того, что ЛИУ не подвергнется высылке в ту страну, где он опасается преследований и которую он покинул в поисках политического убежища [19]. Видно, что в критериях отсутствуют такие важные элементы, как наличие иных более устойчивых (нежели простой транзит) связей с безопасной третьей страной или согласие ее властей принять потенциального беженца (то есть норма о БТС представляет собой одностороннюю меру ЕС). Последняя проблема решалась обычно за счет заключения реадмиссионных договоров, хотя с формальной точки их распространение на лиц, ищущих политическое убежище, редко бросалось в глаза [20, р. 79].

Вторым инструментом возложения ответственности на третьи страны стало введение в национальную и европейскую практику нормы о безопасной стране происхождения (БСП, *safe country of origin, pays d'origine sûr*). При этом под БСП подразумевались третьи страны, в которых отсутствовали угрозы преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политическим убеждениям. Это означало, что граждане таких стран могли быть высланы на родину, а их ходатайства о предоставлении политического убежища в государстве-члене ЕС отвергнуты, причем без всяких аргументов.

На уровне Евросоюза эта норма была закреплена в Лондонских резолюциях 1992 г. Первая из них — о странах, где в целом не существовало серьезного риска преследований, — ввела не только соответствующее определение, но и критерии, служащие основанием для включения в такой список. Государствам-членам Европейского сообщества рекомендовалось учитывать следующие элементы:

- 1) численность ЛИУ в предыдущие годы и долю лиц, признанных беженцами, от обратившихся с соответствующим ходатайством из третьих стран, «претендующих» на право называться БСП;

2) степень соблюдения прав человека (присоединение к соответствующим международным договорам, их соблюдение на практике, готовность сотрудничать с международными неправительственными организациями по вопросам защиты прав человека);

3) уровень развития демократических институтов (выборов, плюрализма, свободы слова и судебных средств их защиты);

4) стабильность трех вышеперечисленных элементов и риск их неожиданного изменения в будущем [21].

Вторая Лондонская резолюция позволила государствам-членам ЕС либо признавать ходатайства о предоставлении политического убежища от граждан «безопасных стран» явно необоснованными, и на этом основании отвергать их, либо применять для их рассмотрения ускоренные процедуры [22]. Такие процедуры на практике могли означать, что ЛИУ лишались возможности пользоваться бесплатной юридической помощью или общаться с представителями неправительственных организаций по защите прав беженцев. В ряде случаев ускоренные процедуры подразумевали принятие решения компетентными службами исключительно на основе представленных документов без индивидуального собеседования с заявителем, а также невозможность подачи апелляции в случае отказа предоставить защиту в Европе [23].

Таким образом, экстернализация миграционного контроля привела к изменению смысла понятия границы для граждан третьих стран. С ее существованием они отныне сталкиваются задолго до прибытия на пограничный пункт, последовательно «активируя» различные виды контроля — в консульском представительстве страны-члена Евросоюза при подаче документов для получения визы, при регистрации на авиарейс (а иногда при посадке в самолет и покупке билета), наконец, при прохождении паспортного контроля по прибытии на территорию Европейского союза. Кроме того, за счет пусть и не совсем однородного применения государствами-членами норм о БТС и БСП ряд третьих стран оказались вовлечены в процесс миграционного контроля в интересах и даже «по поручению» Брюсселя и на условиях интеграционного объединения.

Список литературы

1. *Косов Ю. В.* Роль Римского договора в европейской интеграции // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 46—50.
2. *Bigo D.* Polices en réseaux. L'expérience européenne. P., 1996.
3. *Lavenex S.* Shifting up and out: the foreign policy of European immigration control // West European Politics. 2006. Vol. 29, № 2. P. 329—350.
4. *Guild E., Bigo D.* Le visa Schengen: expression d'une stratégie de «police» à distance // Cultures & Conflits. 2003. № 49. P. 22—37.
5. *Icard P.* Immigration, mondialisation: histoire d'un paradoxe communautaire // Revue du droit de l'Union européenne. 2003. № 2. P. 409—456.
6. *Convention d'application de l'Accord de Schengen du 14 juin 1985 entre les gouvernements des États de l'Union économique Benelux, de la République fédérale d'Allemagne et de la République française relatif à la suppression graduelle des contrôles aux frontières communes* // Journal officiel des Communautés européennes. 2000. 22 sept. № L 239. P. 19—62.

7. King M. Le contrôle des différences en Europe: l'inclusion et l'exclusion comme logiques sécuritaires et économiques // Cultures & Conflits. 2001. № 26—27. P. 35—49.
8. Meloni A. Visa policy within the European Union structure. Berlin, 2006.
9. Guild E., Bigo D. Le visa: l'instrument de mise à distance des indésirables // Cultures & Conflits. 2003. № 49. P. 82—95.
10. Guild E., Bigo D. Schengen et la politique des visas // Ibid. P. 5—21.
11. Guild E., Bigo D. Les pratiques quotidiennes de la coopération consulaire // Ibid. P. 96—123.
12. Guiraudon V. Logiques et pratiques de l'État délégateur: les compagnies de transport dans le contrôle migratoire à distance // Ibid. 2002. № 45. P. 51—79.
13. Council recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country // Official Journal of the European Union. 1996. 19 Sept. № C 274. P. 20—24.
14. Council recommendation of 24 July 1995 on the guiding principles to be followed in drawing up protocols on the implementation of readmission agreements // Ibid. P. 25—33.
15. Roig A. EC readmission agreements: a re-evaluation of the political impasse // European Journal of Migration and Law. 2007. Vol. 9, № 3. P. 363—387.
16. Readmission agreements and EC external migration law. Statewatch article RefNo# 6762. URL: <http://database.statewatch.org/article.asp?aid=6762> (дата обращения: 29.05.2011).
17. Gammeltoft-Hansen T. The extraterritorialisation of asylum and the advent of «protection lite». URL: <http://www.diis.dk/graphics/Publications/WP2007/wp%202007-2-til%20web.pdf> (дата обращения: 05.06.2011).
18. Convention relative à la détermination de l'État responsable de l'examen d'une demande d'asile présentée dans l'un des États membres des Communautés européennes — Convention de Dublin // Journal officiel des Communautés européennes. 1997. 19 août. № C 254. P. 1—12.
19. Council resolution of 30 November 1992 on a harmonized approach to questions concerning host third countries. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c3094.html> (дата обращения: 08.06.2011).
20. Lavenex S. Safe third countries. Extending EU asylum and immigration policies to Central and Eastern Europe. Budapest, 1999.
21. Conclusions on countries in which there is generally no serious risk of persecution. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c6ee4.html> (дата обращения: 08.06.2011).
22. Council resolution of 30 November 1992 on manifestly unfounded applications for asylum. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86bbcc4.html> (дата обращения: 08.06.2011).
23. Oakley S. Accelerated procedures for asylum in the European Union. Fairness versus efficiency. URL: <http://www.sussex.ac.uk/migration/documents/mwr43.pdf> (дата обращения: 14.06.2011).

Об авторе

Рябов Юрий Александрович, соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, аналитик, Фонд «Центр стратегических разработок «Северо-Запад» (Санкт-Петербург).

E-mail: yuriryab@yandex.ru

THE EXTERNALISATION OF MIGRATION CONTROL
 IN THE EUROPEAN UNION: FIRST STEPS TOWARDS
 THE EXTERNAL DIMENSION OF THE SPACE OF FREEDOM,
 SECURITY AND JUSTICE

Yu. A. Ryabov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
 82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571, Russia*

Received 27 July 2011

Over the last two decades, the formation of the space of freedom, security, and justice has been one of the most dynamic fields of European integration. At the same time, of special interest are the external aspects of this process, which affect not only the internal development of the European Union, but also a significant number of third countries, including Russia. This article considers efforts towards control over the flow of immigrants and refugees as an important component of the external dimension of the space of freedom, security, and justice – an independent vector of the external policy of the integration alliance. This article uses as the theoretical framework the works of representatives of the Paris school of security studies, which conceptualized the ideas of a set of threats to the European Union in the form of postulated link between immigration, terrorism, granting of asylum, crime rate, and ethnic-related unrest. In its turn, the externalization of the said threats (i. e. granting them the status of threats external to the EU) is considered as a key prerequisite for further actions aimed at their neutralization beyond the integration alliance (externalization of migration control). Furthermore, this article systematizes the ideas of actions taken by the EU as an actor of international relations in order to limit the flow of immigrants and refugees from the late 1980s until supranational authorities were vested formal competence in the field of justice and internal affairs. The article also leads to the conclusion that, in the 1990s, the EU shaped the bases of policy, which helped shift a part of the burden of providing security onto third countries.

Key words: immigration, asylum, externalisation of migration control, visa, safe third country, safe country of origin.

References

1. Kosov, Ju. V. 2008, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, no. 3, pp. 46—50.
2. Bigo, D. 1996, *Polices en réseaux. L'expérience européenne*. Paris, Presses de Sciences Po.
3. Lavenex, S. 2006, *West European Politics*, vol. 29, no. 2, pp. 329—350.
4. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 22—37.
5. Icard, P. 2003, *Revue du droit de l'Union européenne*, no. 2, 409—456.
6. Convention d'application de l'Accord de Schengen du 14 juin 1985 entre les gouvernements des États de l'Union économique Benelux, de la République fédérale d'Allemagne et de la République française relatif à la suppression graduelle des contrôles aux frontières communes, 2000, *Journal officiel des Communautés européennes*. 22 septembre 2000, no. L 239, pp. 19—62.

7. King, M. 2001, *Cultures & Conflits*, no. 26—27, pp. 35—49.
8. Meloni, A. 2006, *Visa policy within the European Union structure*, Berlin, Springer.
9. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 82—95.
10. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 5—21.
11. Guild, E., Bigo, D. 2003, *Cultures & Conflits*, no. 49, pp. 96—123.
12. Guiraudon, V. 2002, *Cultures & Conflits*, no. 45, pp. 51—79.
13. Council recommendation of 30 November 1994 concerning a specimen bilateral readmission agreement between a Member State and a third country. In: *Official Journal of the European Union*, 1996, 19 September, no. C 274, pp. 20—24.
14. Council recommendation of 24 July 1995 on the guiding principles to be followed in drawing up protocols on the implementation of readmission agreements. In: *Official Journal of the European Union*, 1996, 19 September, no. C 274, pp. 25—33.
15. Roig, A. 2007, *European Journal of Migration and Law*, vol. 9, no. 3, pp. 363—387.
16. Readmission agreements and EC external migration law. Statewatch article RefNo# 6762. available at: <http://database.statewatch.org/article.asp?aid=6762> (accessed 29 May 2011).
17. Gammeltoft-Hansen, T. The extraterritorialisation of asylum and the advent of «protection lite». available at: <http://www.diis.dk/graphics/Publications/WP2007/wp%202007—2-til%20web.pdf> (accessed 5 June 2011).
18. Convention relative à la détermination de l'État responsable de l'examen d'une demande d'asile présentée dans l'un des États membres des Communautés européennes — Convention de Dublin, 1997, *Journal officiel des Communautés européennes*. 19 août, no. C 254, pp. 1—12.
19. Council resolution of 30 November 1992 on a harmonized approach to questions concerning host third countries. available at: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c3094.html> (accessed 8 June 2011).
20. Lavenex, S. 1999, *Safe third countries. Extending EU asylum and immigration policies to Central and Eastern Europe*, Budapest, Akaprint.
21. Conclusions on countries in which there is generally no serious risk of persecution. URL: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86c6ee4.html> (accessed 8 June 2011).
22. Council resolution of 30 November 1992 on manifestly unfounded applications for asylum. available at: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3f86bbcc4.html> (accessed 8 June 2011).
23. Oakley, S. 2007, Accelerated procedures for asylum in the European Union. Fairness versus efficiency. available at: <http://www.sussex.ac.uk/migration/documents/mwp43.pdf> (accessed 14 June 2011).

About author

Yury A. Ryabov, PhD student, North-West Academy of Public Administration; analyst, the Centre for Strategic Research “North-West” (Saint Petersburg).
E-mail: yuriryab@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ
РАЗВИТИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА,
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
И РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ**

Ю. Н. Баженов

О. В. Подшуевейт*

Рассматривается развитие межрегиональных взаимосвязей между граничными территориями. В международной внешнеэкономической деятельности Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия многие годы наблюдаются одинаковые проблемы, для ликвидации которых необходимо принятие кардинальных решений в сфере регионального стратегического планирования. Одним из механизмов эффективной международной внешнеэкономической деятельности может стать объединение конкурентных преимуществ граничных регионов. Анализ перспективных документов развития регионов показывает, что вопрос межрегионального взаимодействия недостаточно проработан как в теоретическом, так и практическом отношении. Поэтому необходимо усилить внимание не только к трудностям укрепления внешнеэкономического потенциала регионов, но и к сотрудничеству последних в широком спектре отношений. От этого во многом зависит интеграция регионов России в единое экономическое пространство.

Ключевые слова: международное внешнеэкономическое сотрудничество, межрегиональное взаимодействие граничных регионов, внешнеэкономический потенциал региона.

Одной из актуальных проблем региональной политики является определение эффективных механизмов регулирования социально-экономического развития, а также реализации различного рода стратегий, программ и концепций. Перефразируя М. Портера, регионы, с одной стороны, конкурируют друг с другом за привлечение бизнеса, инвестиций, средств федерального бюджета, а с другой — находятся в

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 21.09.2011 г.

тесных кооперированных связях совместных экономик. Нами сделана попытка рассмотреть развитие интеграционных взаимосвязей между Санкт-Петербургом и Республикой Карелия, а также Ленинградской областью как контактными регионом между ними.

Данные субъекты Федерации в качестве объекта исследования взяты не случайно. Во-первых, Санкт-Петербург — эпицентр формирования общерегиональных тенденций социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа (СЗФО). Во-вторых, все они граничат со странами ЕС и отличаются большим опытом ведения активной внешнеэкономической деятельности. В-третьих, эти регионы являются прибрежными территориями, имеют выход к морю, перспективный для развития не только транспортно-транзитных коридоров, но и трансграничных международных связей. В-четвертых, эти регионы обладают мощным промышленно-производственным комплексом, разнообразием природных ресурсов и потенциальными возможностями межрегионального и внешнеэкономического взаимодействия.

Внешние связи субъекта Российской Федерации — это торгово-экономические, научные и культурно-гуманитарные связи региона с другими субъектами Российской Федерации, а также зарубежными регионами и странами мира. Управление внешней деятельностью региона является неотъемлемой задачей региональной политики. Международные внешнеэкономические и политические интеграционные проекты, в которых принимает участие Российская Федерация, в большей или меньшей степени влияют на жизнедеятельность регионов, создают новые условия для социально-экономического развития хозяйственного комплекса не только страны, но и регионов, заставляют быстро и эффективно реагировать на новые условия и вызовы внешней среды.

Интеграционные процессы, в которых задействованы приграничные регионы Северо-Западного федерального округа, разделяются на международное приграничное и трансграничное сотрудничество с соседними странами. Не менее важное значение для российских регионов имеют интеграционные процессы, происходящие внутри страны. Межрегиональное сотрудничество субъектов РФ, рассматриваемое как взаимодействие между регионами по всем направлениям жизнеобеспечения административно-территориальных единиц государства, предполагает наличие механизмов управления системой внешних связей региона внутри страны. Современные проблемы и задачи социально-экономического развития регионов России, наличие огромной приграничной территории, стремительное развитие процессов глобализации и регионализации обуславливают необходимость сбалансированного и целесообразного участия регионов как в международных интеграционных процессах, так и межрегиональных.

Международная внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) приграничных, прибрежных регионов с высоким социально-экономическим потенциалом является одним из важных индикаторов качества регионального развития. Так, по официальным данным Госкомстата РФ, доля валового регионального продукта Санкт-Петербурга в последние го-

ды составляет около 4%, а доля объема товарооборота со странами дальнего зарубежья и странами СНГ — больше 10% в общероссийских показателях.

Санкт-Петербург и Ленинградская область находятся на лидирующих позициях во внешнеэкономической деятельности среди других приграничных регионов СЗФО. Несмотря на то что Республика Карелия занимает приграничное положение с Европейским союзом по показателям внешнеэкономической деятельности, она значительно уступает Санкт-Петербургу и Ленинградской области по основным показателям ВЭД, таким, как товарооборот со странами СНГ и дальнего зарубежья, объем иностранных инвестиций, диверсифицированность структуры товарооборота.

Экспорт в вышеуказанных регионах характеризуется высокой долей сырьевой продукции и товаров низкой стадии переработки. Для Санкт-Петербурга и Ленинградской области характерно преобладание в структуре экспорта продукции топливно-энергетического комплекса, для Республики Карелии — продукции отраслей лесопромышленного комплекса. Импортируемыми товарами являются в основном машины, оборудование, транспортные средства, товары химической промышленности и продовольственные товары.

Во внешнеэкономической деятельности рассматриваемых субъектов существует немало проблем, основными из которых являются:

- высокая доля импорта продовольственных товаров, что ставит под угрозу продовольственную безопасность регионов, а Санкт-Петербурга в первую очередь;
- дисбаланс в структуре товарооборота. Это свидетельствует о неэффективном использовании внешнеэкономических ресурсов, не способствует наращиванию внешнеэкономического потенциала;
- неэффективность механизмов развития межрегиональной производственной кооперации;
- отсутствие скоординированной позиции во внешнеэкономической деятельности приграничных регионов СЗФО России;
- отсутствие условий для привлечения качественных иностранных инвестиций, которые могли бы способствовать структурным изменениям не только во внешнеэкономической деятельности регионов, но и их экономике в целом.

Надо полагать, что вышеперечисленные негативные последствия ВЭД приграничных регионов в условиях присоединения России к Всемирной торговой организации, неэффективных региональных интеграционных процессов и отсутствия региональной концепции наращивания внешнеэкономического потенциала приграничных регионов будут прогрессировать.

В последнее время много внимания уделяется международному региональному сотрудничеству, участию регионов в международных проектах, процессах приграничного сотрудничества со странами Европейского союза. Регионы Северо-Западного федерального округа по своему потенциалу не уступают соседним странам, обладают преимуществами по территориальной доступности и отсутствию барьерных

функций государственных границ. Поэтому, на наш взгляд, развитие многостороннего сотрудничества, укрепление научно-производственных связей граничных регионов России является актуальной темой исследования и насущной задачей региональной политики, тем более что ВЭД регионов СЗФО характеризуется рядом положительных изменений. К ним следует отнести:

- относительно быстрое развитие транспортной инфраструктуры;
- ориентацию значительной части бизнеса на обслуживание внешнеэкономических связей;
- активизацию освоения арктических территорий;
- положительный эффект от притока иностранных инвестиций.

Однако эти положительные качества развивались в гипертрофированном виде. Развитие транспортной инфраструктуры не сбалансировано, основные грузопотоки сконцентрированы в Санкт-Петербурге, что создает серьезные проблемы перегруженности города; арктические территории осваиваются под экспорт углеводородного сырья и загрузки газопровода «Северный поток»; иностранные инвестиции представлены категорией «прочие», т. е. торговыми и иными кредитами.

Стоит отметить, что условием успешного ведения внешнеэкономической деятельности и сбалансированного формирования внешнеэкономического потенциала каждого из рассматриваемых регионов выступает самодостаточность территориально-хозяйственных комплексов. Особенно стоит подчеркнуть, что с точки зрения национальной безопасности вопрос межрегионального взаимодополнения, укрепления хозяйственных связей имеет немаловажное, даже первостепенное значение. Необходимо понимание, что залогом успешной внешнеэкономической деятельности приграничных регионов, федеральных округов и России в целом является не только наличие минимального внешнеэкономического потенциала, на данный момент представленного природно-сырьевыми товарами. Принципиальным становится понимание того, что для решения насущных проблем социально-экономического развития, следовательно, и ВЭД регионов необходимо укрепление кооперационных связей между соседними приграничными регионами, формирование скоординированной позиции региональных органов власти по основным направлениям межрегионального сотрудничества, более эффективное использование конкурентных преимуществ.

Документом, определяющим стратегическое направление региональной политики и межрегиональных отношений Северо-Западного федерального округа, должна стать Стратегия социально-экономического развития СЗФО на период до 2020 г. В проекте, представленном на официальном сайте Министерства регионального развития Российской Федерации, в пункте 2.15 межрегиональное сотрудничество рассматривается как один из важнейших факторов развития экономики, решения экологических и социальных проблем.

Основной механизм стимулирования развития региональной экономики — создание благоприятного инвестиционного климата с целью привлечения на конкретную территорию инвестиционных, финансовых

и трудовых ресурсов. Гораздо большего эффекта можно достичь через объединение конкурентных преимуществ соседних регионов посредством развития межрегионального сотрудничества и стимулирования хозяйственной интеграции.

В качестве механизма согласования интересов Федерации, округов и регионов предлагается разработка долгосрочных программных документов — стратегий. В рассматриваемых регионах утверждены или находятся на стадии утверждения концепции и стратегия развития на период до 2020—2025 гг., однако они не предполагают согласованного межрегионального развития кооперационных производственных связей, формирования совместного внешнеэкономического потенциала и максимально эффективного использования конкурентных преимуществ.

В соответствии с Концепцией социально-экономического развития до 2025 г., утвержденной Постановлением Правительства города № 884 от 20.07.2007 г., Санкт-Петербург позиционируется как крупнейший не только в Европе, но и в мире центр международного сотрудничества, соответствующий законам городской агломерации с высокими показателями качества жизни населения. Предполагается развитие сектора услуг и сохранение традиционных направлений производственной специализации города. Достижение городом поставленной цели зависит не только от качества и интенсивности международного сотрудничества, важным условием становится эффективное межрегиональное сотрудничество с соседними северо-западными регионами.

Ленинградская область является единственным регионом, непосредственно граничащим с Санкт-Петербургом, что естественным образом оказывает положительное влияние на социально-экономическое развитие области, востребованность ресурсов, развитие инфраструктуры в соответствии с необходимостью удовлетворения потребностей развития мегаполиса. Среди ключевых направлений взаимодействия предполагается согласованное развитие транспортно-логистического комплекса Санкт-Петербурга и Ленинградской области: строительство кольцевой автомобильной дороги вокруг Санкт-Петербурга, федеральных автомобильных дорог; организация скоростного движения пассажирских поездов между Санкт-Петербургом и Хельсинки, Москвой и другими экономическими центрами СЗФО и Восточной Европы; развитие морских торговых портов в акватории Финского залива.

Постепенное развитие совместной транспортной инфраструктуры будет способствовать маятниковой миграции населения, возникновению новых производственных комплексов, изменению системы расселения, созданию более комфортной загородной среды обитания, что предполагает развитие сферы услуг и жизнеобеспечения более отдаленных от Санкт-Петербурга районов Ленинградской области. Политика образования автомобильно-строительного, фармацевтического, судостроительного кластеров сформировала многочисленные связи двух субъектов Федерации.

По данным Петростата, торговый оборот Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2009 г. составил 87,7 млрд рублей. В 2009 г. в

Ленинградскую область вывезено продукции, произведенной предприятиями города на сумму 6,2 млрд рублей, причем более 70% — продовольственные товары. Из Ленинградской области в Санкт-Петербург ввезено продукции на сумму 81,5 млрд рублей, среди которой потребительских товаров на 54,2 млрд рублей.

В Концепции социально-экономического развития Ленинградской области на период до 2025 г., утвержденной законом Ленинградской области от 22.09.2011 г. № 72-оз, вопрос развития межрегионального сотрудничества Ленинградской области с соседними регионами Северо-Западного федерального округа и Санкт-Петербургом практически не раскрыт. Концепция содержит сводный перечень целей и задач Правительства Ленинградской области по социально-экономическому развитию области на период до 2013 г. и на стратегическую перспективу до 2025 г. В пункте 26 о внешнеэкономических и межрегиональных связях в качестве стратегической цели указано повышение вовлеченности области в процесс международной интеграции, создание условий для достижения регионом лидирующих позиций, а в качестве основных задач — развитие и укрепление экономических и гуманитарных связей Ленинградской области с зарубежными регионами-партнерами. В то же время проблемам кооперации с граничными территориями в концепции места не нашлось. Есть лишь тезис о том, что область должна более целенаправленно использовать потенциал, заложенный в механизме межрегионального сотрудничества.

Программные документы развития Республики Карелия определяют не только основные направления совершенствования хозяйственной деятельности, но и принципы активного международного сотрудничества со странами СНГ и дальнего зарубежья, а также межрегионального — с регионами России. В Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия до 2020 г. проблемы и приоритеты межрегионального сотрудничества сформулированы предметно. Подобные связи предполагается строить с учетом политических, экономико-политических и хозяйственно-экономических аспектов. Причем Санкт-Петербург и Ленинградская область относятся к числу приоритетных как с позиций торгово-экономических отношений, инвестиций, так и развития инфраструктуры туризма, социальной сферы и карельской национальной культуры.

Географическое положение и наличие самой протяженной границы с Евросоюзом выделено как одно из главных конкурентных преимуществ Республики Карелия. Использование приграничного положения и позиционирование региона в качестве активного участника международного и межрегионального сотрудничества обуславливает необходимость совершенствования ее внешнеэкономических, межрегиональных и международных связей как ключевых направлений социально-экономического развития.

Изначально, обладая значительным потенциалом востребованных ресурсов, выгодным геополитическим и геоэкономическим положением, туристическо-рекреационной привлекательностью территории, благоприятной экологической обстановкой, Республика Карелия является взаимовыгодным и перспективным партнером Санкт-Петербурга.

Примером успешного сотрудничества регионов стало участие холдинговой компании «Ленинец» в мероприятиях по оздоровлению финансово-хозяйственной деятельности на АО «Петрозаводский радиозавод». Санкт-петербургское ЗАО «Высококачественные автомобильные дороги» построило и реконструировало в Республике Карелия около 40 км автомобильных дорог на сумму 187 млн рублей. Кроме того, в Республике разработана программа повышения роли возобновляемых источников энергии. Это прежде всего строительство малых гидроэлектростанций и ветроэнергетических установок. В Карелии создано ООО «Гранат-Трак» в качестве регионального представителя петербургского ООО АК «Гранат». Основным направлением инвестиций петербургских компаний в Республике Карелия является разработка месторождений строительных материалов (гранитного щебня). За последнее время открылись десять современных горнодобывающих карьеров с участием предприятий Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Помимо этого предприятия Санкт-Петербурга осуществляли строительство судов для Беломорско-Онежского пароходства, а также торговых и гостиничных комплексов на территории республики. В 2009 г. петербургская компания «Охта Групп» приступила к реализации масштабного проекта развития территории Онежского тракторного завода, находящегося в историческом, культурном и деловом центре Петрозаводска. На территории более 20 га будет построен многофункциональный комплекс площадью свыше 100 тыс. м², в создание которого планируется инвестировать более 5 млрд рублей.

Существенный вклад в развитие республики вносит и научный комплекс Санкт-Петербурга. В частности, специалистами Института урбанистики разработана Генеральная схема размещения объектов инфраструктуры туризма. В результате должен быть укреплен и повышен потенциал и имидж стратегической отрасли.

Санкт-Петербург — крупнейший потребитель продукции карельских производителей. На его долю приходится 60 % всей вывезенной из Карелии в регионы России бумаги, 65 % — пиломатериалов, 16 % — щебня, 25 % — мебели, 80 % — ликероводочных изделий и 90 % рыбных консервов. Чтобы придать новый импульс сотрудничеству и вывести его на новый уровень, правительства Санкт-Петербурга и Карелии подписали крупномасштабный договор, который включает около 50 совместных проектов.

Межрегиональные связи между Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и Республикой Карелия интенсивно расширяются наряду с процессами международного сотрудничества. В ближайшей перспективе эффективность социально-экономического развития соседних приграничных регионов во многом будет зависеть от качества кооперационных связей между ними, понимания общности проблем и интересов в различных сферах экономики и политики, готовности совместными усилиями решать общие проблемы международной внешнеэкономической деятельности.

В результате исследования существующих программ долгосрочного развития Северо-Западного федерального округа и регионов выявлен ряд

проблем. Основной проблемой является отсутствие согласованного долгосрочного видения общего внешнеэкономического потенциала, улучшения инвестиционного климата и эффективного использования конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия. Стратегические цели и задачи свидетельствуют о том, что регионы будут развиваться по типу производственно-торговой зоны прибрежно-приграничной территории, что предполагает их активное участие в международной торгово-экономической деятельности. Мировой опыт управления хозяйством прибрежных территорий — это наличие специальных нормативных актов, специализированного берегового законодательства, действие комплексной системы параметров оценки и развития прибрежных территорий [2]. Таким образом, перед органами исполнительной и законодательной власти регионов стоит задача формирования согласованного подхода к управлению интегрированным хозяйственным комплексом. Существующие системные проблемы социально-экономического развития регионов требуют разработки специальной методики оценки проектов и программ межрегионального приграничного и международного внешнеэкономического сотрудничества, что позволит использовать современные механизмы и принципы территориально-хозяйственного управления и взаимодействия.

Проблема эффективной региональной политики в сфере приграничного сотрудничества регионов России с сопредельными государствами достаточно активно обсуждается. Однако проведение углубленных теоретических исследований и разработка эффективных предложений по модификации внешнеэкономического комплекса сдерживается отсутствием общепризнанных, четко сформулированных определений «внешнеэкономический комплекс» и «внешнеэкономическая стратегия региона» [3]. Внешнеэкономическая деятельность региона требует постоянного мониторинга основных ее компонентов: состава, структуры, базовых свойств и потенциала развития. Современные теоретические разработки по определению состояния межрегионального приграничного сотрудничества предполагают систематизированное исследование ситуации, включая все виды оценки [4].

Учитывая современные теоретические и методологические постулаты в области приграничного межрегионального взаимодействия и внешнеэкономической деятельности, а также результаты анализа состояния международной внешнеэкономической деятельности рассматриваемых регионов и их межрегионального взаимодействия можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо проведение комплексного исследования межрегиональных хозяйственно-кооперационных связей, на данный момент затрудненное открытостью и прозрачностью информации об их состоянии и динамике развития. Однако по имеющимся данным уже можно сделать вывод о наличии взаимовыгодного сотрудничества между Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и Республикой Карелия.

2. Рассматриваемые регионы имеют высокий потенциал внешнеэкономической международной деятельности. В силу прибрежно-пригранич-

ного положения между социально-экономическим развитием и международной внешнеэкономической деятельностью регионов существует и будет усиливаться взаимозависимость. Конкурентные преимущества регионов на международном рынке разделения труда могут быть многократно увеличены за счет формирования единой позиции ВЭД и общего внешнеэкономического потенциала по следующим направлениям:

— создание высокотехнологичного транспортно-логистического комплекса, конкурентоспособного, в первую очередь по отношению к портам и транспортно-транзитным зонам стран Балтийского моря, обеспечивающего хорошее транспортное сообщение между внутрирегиональными территориями, как основы развития промышленно-хозяйственного комплекса;

— максимально эффективное использование научно-технического потенциала Санкт-Петербурга в процессах модернизации промышленности Ленинградской области и Республики Карелия, создание объединенных высокотехнологичных предприятий, работа которых была бы основана на наиболее рациональном расходовании всех видов имеющихся природных ресурсов. Формирование группы экспортных товаров и совместное продвижение их на внешних рынках;

— согласованная позиция в сфере создания качественной среды обитания, соблюдение основных принципов экологической безопасности и рационального природопользования;

— снижение уровня продовольственной зависимости Санкт-Петербургской агломерации от импорта за счет развития и потребления продукции агропромышленного комплекса соседних регионов, не только Ленинградской области и Карелии, но и Псковской, Новгородской областей. Принципиальным моментом является производство высококачественных продуктов питания как одного из важнейших факторов здоровья населения, а также конкурентного преимущества на внешних рынках.

3. Основным принципом ВЭД рассматриваемых регионов должен быть принцип самодостаточности территории и снижение зависимости социально-экономического развития регионов от внешних факторов. Параллельно с внешними рынками должны осваиваться и внутрироссийские региональные рынки. Первостепенным вектором развития ВЭД должно стать направление в рамках Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана. Учитывая общероссийскую значимость регионов Северо-Запада, модель ВЭД рассматриваемых регионов и основные принципы ее формирования могут быть востребованы и другими прибрежно-приграничными регионами России.

4. Программные документы регионального развития должны включать разделы, в которых будут четко прописаны согласованные направления и механизмы межрегионального сотрудничества. Взаимодействие органов исполнительной и законодательной власти регионов также должно быть направлено на выявление и устранение барьеров межрегионального сотрудничества, создание совместных проектов, оказание административной поддержки предприятиям, производящим высокотехнологичную экспортную продукцию.

Список литературы

1. Чуб А. А. К вопросу о формировании трансграничных регионов на территории Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 25. С. 27—34.
2. Дворцова Е. Н. Отечественный и зарубежный опыт управления хозяйством прибрежных территорий // Менеджмент в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 48—55.
3. Пахомов А. Стратегия развития внешнеэкономического комплекса Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 11. С. 18—29.
4. Павлов К. В. Разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 6. С. 2—8.
5. Вардомский Л. Б. Российское порубежье в условиях глобализации. М., 2009.

Об авторах

Баженов Юрий Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: bajenov@politreg.spb.ru

Подшувейт Ольга Викторовна, ассистент кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: ovp_2007@inbox.ru

FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY OF SAINT PETERSBURG, THE LENINGRAD REGION, AND THE REPUBLIC OF KARELIA: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES FOR DEVELOPMENT

Yu. N. Bazhenov, O. V. Podshuvejt

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 21 September 2011

This article analyses the problems of development of interregional connections between border territories. The international foreign economic activity of Saint Petersburg, the Leningrad region, and the Republic of Karelia has been facing similar problems over many years; the resolution of these problems requires major decisions in the field of regional strategic planning. One of the mechanisms of efficient international foreign economic activity can be combining the competitive advantages of border regions. The analysis of long-term regional development documents

shows that the problem of interregional cooperation is poorly studied, both in theoretical and practical terms. Thus, it is necessary to pay attention not only to the strengthening of external economic potential of regions, but also to their cooperation within a wide spectrum of relations. It is a factor the integration of Russian regions into a common economic space largely depends on.

Key words: international foreign economic cooperation, interregional interaction of boundary regions, external economic potential of the region.

References

1. Chub, A. A. 2011, *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 25, pp. 27—34.
2. Dvorcova, E. N. 2011, *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*, no. 2, pp. 48—55.
3. Pahomov, A. 2010, *Problemy teorii i praktiki upravlenija*, no. 11, pp. 18—29.
4. Pavlov, K. V. 2011, *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 6, pp. 2—8.
5. Vardomskij, L. B. 2009, *Rossijskoe porubezh'e v uslovijah globalizacii*, Moscow, Knizhnyj dom «Librokom», 216 p.

About authors

Dr Yury N. Bazhenov, Department of Regional policy and Political Geography, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.
E-mail: bajenov@politreg.pu.ru

Olga V Podshuvejt., Lecturer, Department of Regional policy and Political Geography, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.
E-mail: ovp_2007@inbox.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

УДК 911.3:32

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А. Б. Елацков*

Анализируется содержание понятий территориально-политической и региональной геополитической систем с точки зрения деятельностно-геопространственного подхода.

Региональная геополитическая система включает геополитические отношения как между государствами региона, так и с влиятельными внешними акторами. Сам геополитический регион может характеризоваться процессами интеграции, автономизации или устойчивым геополитическим конфликтом. Территориально-политическая система рассматривается в широком (все политические явления на территории) и узком (геополитические отношения в пределах территории) смыслах. В последнем случае она предстает подсистемой региональной геополитической системы.

Результаты исследования могут быть использованы при изучении геополитических регионов и геополитических систем.

Ключевые слова: территориально-политическая система, региональная геополитическая система, геополитика, политическая география, геополитический регион.

Территориально-политические системы (ТПС) в их взаимодействии друг с другом традиционно рассматриваются в качестве объекта исследования как политической географии [7, с. 243], так и региональной политологии (политической регионалистики) [13]. Не меньший интерес к данной теме проявляет и геополитика, которая может понимать под ТПС локальную геополитическую систему. Таким

* Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7—9.

Поступила в редакцию 12.10.2011 г.

образом, возможна множественная интерпретация понятия ТПС, учитывающая приоритеты того или иного исследовательского направления. Соответственно, для интерпретации ТПС есть несколько путей. Ниже обозначим два наиболее перспективных [3].

Первый — рассмотрение *политической* системы в качестве родового понятия для ТПС. Устанавливается иерархия ТПС в территориально-политической организации общества: первичное политико-географическое место (коммуна, село) — ... — страна — сообщество стран (геополитический регион). В этом случае элементарным «кирпичиком» ТПС является *политико-географическое место*. Каждый из уровней выполняет свои политические функции и имеет свои соотношения ТПС де-юре и де-факто, свои границы [7, с. 290—297]. ТПС высшего уровня представляет собой систему из ТПС низшего уровня (подсистем). Как считает В. А. Колосов, «чем в большей степени совпадают территориально-политические системы *де-факто* и *де-юре*, тем большей управляемостью обладает политическая система в территориальном плане. Однако на практике эти системы совмещаются далеко не полностью, преимущественно на низших системах иерархии» [7, с. 297]. Терминологически такое противопоставление не совсем верно, так как ТПС де-юре в действительности представляет частный случай или один из аспектов ТПС де-факто и оказывает значительное воздействие на функционирование всей системы.

Можно считать данный подход проецированием политических систем на уровни территориальной иерархии местных сообществ, и он в большей степени удовлетворяет запросам собственно политологического анализа. Пространственно-территориальные особенности в таком контексте представляются некими второстепенными и необязательными для анализа характеристиками. ТПС зачастую рассматривается как район-точка. Тем самым значительная часть отношений в ТПС выпадает из поля зрения исследователя. Этот перекокс несколько сглаживается в политической регионалистике, взявшей на вооружение географические методы. ТПС такого рода выступает объектом и для политической географии, но обладает чрезмерно большим количеством политических отношений, параметров и явлений, выходящих за границы предмета географического исследования. Такая «лишняя» информация в большинстве случаев просто игнорируется как несущественная. (Можно привести множество ее примеров — от дизайна политической рекламы до порядка фамилий в избирательном списке.)

Таким образом, есть потребность выделять ТПС в «узком» смысле, акцентируя внимание именно на пространственно-территориальных особенностях политических процессов, а не на всех политических событиях и отношениях в пределах данной территории. Именно такая ТПС представляет особый интерес для политико-географического исследования. Отмечая описанную двойственность интерпретации ТПС, Р. Ф. Туровский делает вполне закономерный вывод, что «определения территориально-политических систем, бытующие в политической географии, для политологии являются недостаточно полными и операцио-

нальными» [13, с. 32]. Можно считать, что ТПС в «узком» смысле рассматривается как разновидность не столько политической, сколько территориальной системы. В последней системообразующими выступают именно географические (территориальные) отношения между элементами любой природы [10, с. 43—44; 1, с. 60], тогда как иные отношения образуют расширенный предмет. В этом смысле, как отмечал У. И. Мересте, точка зрения, что задача географии заключается в исследовании любых природных или общественных явлений только лишь потому, что они локализованы на определенной территории, представляется неправомерной [10, с. 45]. Таким образом, нами предполагается существование ТПС двух типов:

1. Территориально-политическая система в широком смысле (ТПС I типа) как локальная политическая система (совокупность всех взаимосвязанных политических субъектов, отношений и явлений, занимающих какую-либо территорию). В. А. Колосов определяет такую ТПС как «объективно взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы... функционирующие на определенной территории» [7, с. 234]. Однако региональная политология [13, с. 35—36] рассматривает только активное ядро политической системы, географические границы которой производны от распространения активных политических отношений. ТПС в этом смысле состоит из ареалов и векторов, не имеет четких границ и, соответственно, «определенной территории».

2. Территориально-политическая система в узком смысле (ТПС II типа, или географическая подсистема ТПС), охватывающая региональные политические отношения в географическом выражении, их территориальную структуру и динамику. В данном контексте основным направлением исследования становятся территориальные оси и узлы разного функционального значения, точки роста, «силовые» поля влияния и их градиенты, пространственные структуры, пространственные дрейф и диффузия политических явлений в рамках территории. ТПС II типа может содержать парциальные (отраслевые) подсистемы, которые также представляют собой ТПС, только более низкого ранга (например, ТПС какой-либо партии, включая географию ее поддержки). ТПС II типа рассматривается как подсистема интегральной территориальной системы с учетом разнородных отношений со средой, то есть с другими географическими подсистемами любой природы.

Второй путь решения задачи — принять в качестве родового понятия для ТПС *геополитическую* систему. В этом случае элементарным «кирпичиком» и объектом исследования как политической географии, так и геополитики представляется *геополитическое отношение* [5]. С этой точки зрения геополитические системы — это системы геополитических отношений. Как отмечает Н. В. Каледин, в соответствии с деятельностно-геопространственным подходом их можно представить как «совокупность элементов — носителей деятельности, объединенных (связанных в структурном отношении) общностью целевой политической функции, реализуемой... посредством определенного типа геополитических отношений» [5, с. 97]. Максимальным географическим вы-

ражением таких систем является понятие политической карты мира, отражающее процесс и результат геополитической деятельности общества в целом и отдельных политических акторов. Одному из иерархических уровней соответствует *региональная геополитическая система* (РГПС) — один из объектов как региональной политической географии, так и региональной геополитики. Но изучаемые аспекты у них различаются.

В данном контексте большое значение приобретают понятия «регион» и «геополитический регион». Выделение регионов непостоянно и нечетко, они могут появляться, изменяться и исчезать. Так, Австралию постепенно стали относить к региону Юго-Восточной Азии вместо Австралии и Океании. Балтийский же регион в период «холодной войны» был «подавлен» иной геополитической регионализацией и отчетливо «проявился» лишь в последние 20 лет. Определение границ регионов — дискуссионный вопрос, ответ на который зависит от цели исследования. Так, Балтийский регион может выделяться и по бассейновому принципу, и по принципу включения стран (или их частей), имеющих непосредственный выход к Балтийскому морю, или стран, которые пересекаются с водосборным бассейном. Еще В. П. Семенов-Тянь-Шанский [11] выделял три формы «могущественно-территориальных владений». Две из которых могут рассматриваться применительно к геополитическим регионам. Так, кольцеобразная форма образуется вокруг средиземных морей (балтийский, каспийский, средиземноморский и другие геополитические регионы), в то время как чрезматериковая охватывает пространство между морями (кавказский, балтийско-черноморский, ближневосточный и другие геополитические регионы). Можно заметить, что в данном случае главную регионообразующую роль играет географический фактор. Однако он должен выражаться не только в конфигурации суши и моря, но и в особенностях этнического, политического, экономического и иных видов геопространств. Важны и историко-географические аспекты. Например, как о регионах можно говорить о «реликтовых» ТПС — некогда единых странах, разделившихся на независимые соседние части, унаследовавшие общие политические черты (сюда же отнесем «разделенные государства», сохранившие общие имперские традиции [8]).

Можно согласиться, что в первом приближении «предметом региональной геополитики выступают структурно-содержательные элементы региона, *геополитические отношения с другими*, а также относительно динамическое единство внутри региона, достигаемое противостоянием и соотношением различных факторов (политических, экономических, социально-этнических, конфессиональных)» (курсив мой. — А. Е.) [2, с. 241]. Региональная геополитика изучает деятельность локальных акторов в рамках региона. Но в ней учитываются также локальные силы, возникающие в контексте глобальных геополитических процессов (как, например, в случаях противостояния Сербии и Хорватии, КНДР и Республики Кореи, конфликтов на Ближнем Востоке). РГПС выделяется тесными геополитическими отношениями в регионе. Но и *сам регион* — «арена соперничества» для влиятельных внешних сил, каждая из ко-

торых может оказывать давление на локальных акторов или принимать непосредственное участие в региональных политических процессах. Так, в регионе Каспийского моря наиболее активными внешними игроками являются США, ЕС и Китай. Кроме «прикаспийской пятерки» в «великий каспийский регион» можно включить и ряд их соседей первого порядка [6, с. 17]. Отношения со всеми этими странами могут рассматриваться в рамках соответствующей РГПС. Для балтийской РГПС важны геополитические отношения с Великобританией, США, другими государствами-наблюдателями СГБМ и иными заинтересованными влиятельными акторами по поводу политической ситуации в регионе. Также в РГПС включаются отношения с внерегиональными частями крупных стран региона (России, Германии). Другими словами, РГПС не замкнута на территории региона, а лишь привязана к ней одной (геопространственной) стороной геополитических отношений (можно сказать, что и границ-то в этом смысле не имеет). То, что геополитические отношения могут выходить за пределы региона, не меняет их региональной сути. Разумеется, отношения с внешними акторами имеют различную значимость и тесноту, причем неодинаковую для разных субрегионов и изменчивую во времени.

Что касается региональной политической географии, то она акцентирует внимание лишь на тех геополитических отношениях, обе стороны которых (геопространственная и политическая) локализованы внутри территории (региона). Внешние отношения ТПС как в «широком», так и в «узком» смыслах, в отличие от региональной геополитики, могут исследоваться как отношения со средой, как входы/выходы, но не как органичная часть системы. С одной стороны, ТПС замкнутая внутри территории, то есть это более узкое понятие по сравнению с РГПС. Тем более что последняя, отражая интегральную природу геополитики, включает также геополитические отношения с неполитическими явлениями на данной территории (природными и общественными). Но, с другой стороны, ТПС в «широком» смысле включает множество параметров, объектов и процессов, не представляющих интереса ни для политической географии, ни для геополитики. Потому только ТПС в обозначенном выше «узком» смысле возможно рассматривать как подсистему РГПС, ограниченную определенной территорией и формирующуюся из части региональных геополитических отношений. Соответственно, если ТПС должна быть соотнесена с политической системой (территориальной общностью людей), с определенными границами, то для РГПС это не обязательно. Последняя может быть как трансграничной (включать, например, половину города или части смежных стран: Курдистан, евразийский «хартленд»), так и охватывать множество, даже воюющих друг с другом, ТПС крупного региона (например, РГПС ближневосточного конфликта). В последнем случае прослеживается еще одно отличие двух типов систем. По мнению многих исследователей, *территориально-общественная система* (ТОС), видом которой и является ТПС, должна удовлетворять критерию управляемости (быть связанной отношениями управления) [4, с. 23—25] и характеризоваться внутренней хозяйствен-

ной, культурной или иной целостностью [14]. С учетом данных требований максимальным уровнем в иерархии ТПС представляется сообщество стран, образовавших экономический или политический союз (формальный или неформальный) [7, с. 292]. Здесь уместно будет упомянуть, что в англоязычной географии само понятие «территория» имеет преимущественно политико-административную интерпретацию (см., например: [15, р. 746]). Впрочем, отдельные авторы говорят о первичности территориальной самоорганизации общества и, соответственно, субъективной вторичности административного деления, не всегда совпадающего с динамичными границами фактических ТОС [12, с. 20]. Безусловно, ТОС — понятие довольно многоплановое и допускает широкие интерпретации (например, трансграничная агломерация в качестве ТОС), однако при переходе к ее политической подсистеме (ТПС) фактор политической управляемости становится одним из ведущих. Трансграничный регион может либо иметь управляющие органы (функционируя как подчиненная ТПС), либо рассматриваться в рамках социально-экономической интеграции соседних ТПС. Стремление же расширить понятие ТПС до макрорегионального уровня [7, с. 296; 13, с. 44] в общем случае достаточно спорно, так как ТПС опирается на территориальные сообщества, определяемые как «социумы, объединенные общими интересами и отношением к месту жительства» [14, с. 8] (в этом смысле справедливо говорить и о планетарной общности людей).

Здесь важно отметить, что в современных политологических исследованиях, базирующихся на концепциях регионализма и транснационализма, понятие «регион» трактуется довольно односторонне — как образование территориальных интеграционных сообществ, автономизирующихся от соседних пространств [9, с. 11—15]. В значительном числе случаев такой регион совпадает с ТОС, ТПС или интегрированными соседними ТПС. Однако важно отметить, что *геополитический* регион может быть образован и иными регионообразующими отношениями. Из них особо важны отношения, порождаемые устойчивыми геополитическими конфликтами и прочими проблемами, которые не интегрируют, а дезинтегрируют региональное сообщество («регион конфликта»). В отличие от ТПС РГПС вполне может быть конфликтной и неуправляемой системой.

В данном контексте ТПС в «узком» смысле также представляется подсистемой РГПС. Конечно, и региональная политическая география, и политическая регионалистика активно изучают макрорегионы и международные конфликты, но это не означает, что такой исследуемый регион (или мир в целом) является единой ТПС. Речь может идти скорее о совокупности ТПС, геополитическом регионе или РГПС. Одна и та же ТПС или ее часть может одновременно входить в разные геополитические регионы различных типов, что также говорит о проблематичности отнесения геополитического региона к высшему иерархическому уровню ТПС — у них нет строгой иерархической подчиненности.

Существует еще одна проблема соотношения данных систем — пространственная разобщенность. Территория сама по себе является

множеством смежных точек [1, с. 65]. Однако ТПС может состоять из нескольких разобренных территорий, иметь эксклавы. Рассматривать ли такую структуру как единую ТПС или как геополитическую систему — зависит от ряда прочих параметров (прежде всего определяющих политическую целостность и управляемость). Вместе с тем геополитический регион предполагает охват какого-либо географически единого и ограниченного пространства. В результате иногда разные части одной пространственно разобренной ТПС (например, колониальной империи) не могут включаться в один геополитический регион. Но отношения с внерегиональными частями такой ТПС участвуют в образовании соответствующих РГПС.

Во всех случаях ключевыми отношениями выступают системообразующие геополитические отношения. С учетом их противоречивой сущности они могут быть названы «узловыми геополитическими проблемами» [5, с. 98]. Но если в формировании РГПС значительную роль играют геополитические отношения идеального типа (в том числе геополитические интересы и «имиджевые» отношения), то для ТПС системообразующими являются преимущественно материальные геополитические отношения. Благодаря привязке геополитического исследования к системе интересов из сферы его рассмотрения вполне могут выпадать геополитически «нейтральные» или «несущественные» аспекты РГПС, что, однако, не изменяет содержания последней.

Автор выражает признательность коллегам из СПбГУ за комментарии к ранним версиям данной статьи.

Список литературы

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. М., 1983.
2. Багров Н. В. Объект, предмет, базовые категории регионального геополитического анализа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 26. URL: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/kultnar/knp199826/knp26_54.doc (дата обращения: 5.09.2011).
3. Елацков А. Б., Зиновьев А. С. Территориально-политическая система как объект политической географии // Географическое изучение территориальных систем : сб. матер. всерос. конф. / под ред. М. Б. Ивановой. Пермь, 2010. Кн. 2. С. 103—107.
4. Исаченко А. Г. Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб., 2008.
5. Каледин Н. В. Политическая география. СПб., 1996.
6. Карабуценко П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «великого каспийского региона» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 3 (20). С. 17—22.
7. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М., 2001.
8. Котляров И. Д. Разделенные государства и их роль в современной геополитике // Вестник Рязанск. гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2007. № 15. С. 68—81.
9. Межевич Н. М. Определение категории «регион» в современном научном дискурсе // Псковский регионологический журнал. 2006. № 2. С. 3—21.

10. Мересте У. И., Ныммик С. Я. Современная география: вопросы теории. М., 1984.
11. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия ИРГО. 1915. Т. 51, вып. 8. С. 425—458.
12. Трофимов А. М., Чистобаев А. И., Шарыгин М. Д. Теория организации пространства. Сообщение 3: Пространственно-временная организация общества // Известия РГО. 1993. Т. 125, вып. 5. С. 11—21.
13. Туровский Р. Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М., 2006.
14. Шарыгин М. Д. Эволюция учения о территориальных общественных системах // Географический вестник. Пермь, 2006. № 1. С. 4—13.
15. *The Dictionary of Human Geography* / eds. D. Gregory [et al.]. 5th ed. Chichester, 2009.

Об авторе

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: elatskov@mail.ru

TERRITORIAL-POLITICAL AND REGIONAL GEOPOLITICAL SYSTEMS: CORRELATION OF CONCEPTS

A. B. Yelatskov

Saint Petersburg State University

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

Received 12 October 2011

This article considers the notions of “territorial political system”, “regional geopolitical system” and correlation between them from the viewpoint of the activity-geospatial approach.

A geopolitical region can be characterized by geopolitical integration, autonomization or permanent geopolitical conflict. A regional geopolitical system includes geopolitical relations both between states within the region and with influential external actors. A territorial political system is regarded in the broad (all political phenomena on a certain territory) and narrow (geopolitical relations on a certain territory) sense. The latter is considered as a subsystem of regional geopolitical system.

The research results can be applied in the study of geopolitical regions and geopolitical systems. The article develops a methodology for regional geopolitical and politico-geographical studies.

The author wishes to express his gratitude to the colleagues from St. Petersburg State University for their comments on earlier versions of this paper.

Key words: territorial political system, regional geopolitical system, geopolitics, political geography, geopolitical region.

References

1. Alaev, E. B. 1983, *Socialno-ekonomicheskaja geografija: Ponjatijno-terminologicheskij slovar [Social and economic geography: the conceptual vocabulary]*, Moscow, Mysl.
2. Bagrov, N. V. 2001. Objekt, predmet, bazovye kategorii regionalnogo geopoliticheskogo analiza. *Kultura narodov Prichernomorja*, 26, available at: www.nbuuv.gov.ua/Articles/kultnar/knp199826/knp26_54.doc (accessed 5 September 2011).
3. Elatskov, A. B., Zinoviev, A. S. 2010, Territorialno-politicheskaja sistema kak objekt politicheskoy geografii. In: Ivanova, M. B. (ed.), 2010. *Geograficheskoe izuchenie territorialnyh sistem [Geographical study of territorial systems]*, vol. 2, Perm, Perm State University, pp.103—107.
4. Isachenko, A. G. 2008. *Landshaftnaja struktura Zemli, rasselenie, prirodopolzovanie [Landscape structure of the Earth, moving, nature]*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press.
5. Kaledin, N. V. 1996. *Politicheskaja geografija [Political geography]*, St. Petersburg, St. Petersburg University Press.
6. Karabuschenko, P. L. 2009, *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura*, 3 (20), pp. 17—22.
7. Kolossov, V. A., Mironenko, N. S. 2001, *Geopolitika i politicheskaja geografija [Geopolitics and Political Geography]*, Moscow, Aspekt-press.
8. Kotlyarov, I. D. 2007, *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*, no. 15, pp. 68—81.
9. Mezhevich, N. M. 2006, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 3—21.
10. Mereste, U. I., Nymmik, S. Ya. 1984, *Sovremennaja geografija: voprosy teorii [Modern Geography: Theory]*, Moscow, Mysl.
11. Semenov-Tyan-Shansky, V. P. 1915, *Izvestija Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva*, no. 8, pp. 425—458.
12. Trofimov, A. M., Chistobaev, A. I. and Sharygin, M. D. 1993, *Izvestija Russkogo geograficheskogo obschestva*, no. 5, pp. 11—21.
13. Turovsky, R. F. 2006, *Centr i regiony: problemy politicheskikh otnoshenij [Center and regions: problems of political relations]*, Moscow, Higher School of Economics.
14. Sharygin, M. D. 2006, *Geograficheskij vestnik*, no. 1, pp. 4—13.
15. Gregory, D. (et al. eds.), 2009, *The Dictionary of Human Geography*, 5th ed. Chichester, Wiley-Blackwell.

About author

Dr Alexey B. Yelatskov, Associate Professor, Department of Regional Policy and Political Geography, Faculty of Geography and Geoecology, Saint Petersburg State University.

E-mail: elatskov@mail.ru

**ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА
БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА**

И. С. Гуменюк

*Д. А. Мельник**

Обосновывается структура и территориальные границы Балтийского региона, выявлены системообразующие элементы и специфика функционирования транснациональной территориальной транспортной системы. Внесены уточнения в понятийный аппарат, используемый в географии транспорта. Осуществлена территориальная локализация системы, позволяющая в дальнейшем проводить широкий спектр исследований Балтийской трансграничной территориальной транспортной системы. Определены основные принципы формирования и функционирования международных территориальных транспортных систем, описанных на примере Балтийского региона. Результаты работы будут иметь большое практическое значение для исследователей в области географии транспорта, особенно в сфере международной организации перевозок.

Ключевые слова: Балтийский регион, региональная, транснациональная и международная территориальная транспортная система.

Если формирование комплексного транснационального Балтийского региона можно считать общепризнанным (дискуссии ведутся о его составе, границах, перспективах), то о соответствующей территориальной транспортной системе (или регионе) вокруг Балтики напоминает, пожалуй, только реализуемый в 1990 — 2000-е гг. проект «Балтийское транспортное кольцо». Между тем Балтийское море со времен викингов является важным транспортным путем, соединяющим прибрежные территории — транспортные узлы, обеспечивающие водные и сухопутные свя-

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 05.11.2011 г.

зи с внутренними регионами Европы. Уже в XX в. были образованы кольцевые автомобильная и железнодорожная магистрали вокруг Балтийского моря. Единство, связность формирующейся транснациональной Балтийской транспортной системы постепенно усиливались. Этому еще более способствовали политические события, начавшиеся на рубеже 1980-х и 1990-х и продолжившиеся в 2000-е гг. — объединение Германии, распад социалистического лагеря и СССР, вхождение всех стран, имеющих выход на Балтику (кроме Российской Федерации), в Европейский союз, углубление и расширение процессов кооперации между РФ и ЕС.

С момента учреждения в 1992 г. Совета государств Балтийского моря, началом функционирования специализированных комиссий и появлением стратегических документов в области единого пространственного планирования территории Балтийского моря (VASAB¹) все больше зарубежных и российских исследователей стали говорить о формировании специфической международной территориальной системы — Балтийского региона.

В рамках данной статьи попытаемся ответить на вопрос: можно ли утверждать о формировании вокруг Балтийского моря трансграничной территориальной транспортной системы или же речь идет о совокупности национальных (региональных) транспортных систем, территориально функционирующих в границах Балтийского региона. И если выделение такого вида транспортной системы допустимо, то каковы ее пространственные границы, каковы основные системообразующие элементы данной системы и в чем специфика функционирования? Совпадают ли границы Балтийского транснационального транспортного региона и комплексного Балтийского региона?

Перед тем как дать ответ на центральный вопрос, необходимо определиться, что можно считать международной транспортной системой (транснациональной, включающей территории различных стран, и трансграничной, в которую входят административно-территориальные и муниципальные образования двух-трех соседствующих государств)? Какова ее структура и где ее место в иерархии территориальных транспортных систем?

Понятие «территориальная транспортная система» как объект исследования возникло в географической науке и стало отражением географической специфики изучения транспортных систем. Транспортная система — традиционный объект исследования для множества наук (технических, экономических, философских и пр.), однако, для географов в первую очередь, целесообразнее изучать пространственную организацию транспортной системы, ее взаимодействие с природой.

¹ VASAB 2010 («Видение и стратегия вокруг региона Балтийского моря 2010») — стратегический документ, посвященный пространственному планированию в регионе Балтийского моря, принятый министрами пространственного планирования на конференции в Таллине 7—8 декабря 1994 г. [1].

дой, населением, хозяйственным комплексом и другими пространственными компонентами. По выражению С. А. Тархова, И. А. Семиной, «география рассматривает транспорт как элемент территории, тесно связанный с конкретными природными и социально-экономическими условиями» [2].

Под территориальной транспортной системой принято понимать «комплекс видов (или один вид) транспорта в ограниченном социально-экономическом пространстве, образующий целостную систему. В этом пространстве происходит активное взаимодействие разных видов транспорта, взаимно дополняющих друг друга и одновременно конкурирующих друг с другом за географические направления перевозок, зоны тяготения (хинтерланды) или отдельные транспортные линии. Территориальная транспортная система отличается от транспортной системы наличием транспортно-географических отношений» [3].

Зачастую в российской и зарубежной литературе территориальные транспортные системы (ТТС) принято ассоциировать с региональными транспортными система (РТС). На наш взгляд, два этих понятия хотя и близки, но имеют и существенные различия. Разница заключается в том, что ТТС выделяются на основе анализа транспортных узлов и связей между ними, а РТС есть функциональная часть региона, выделяемого на основе совокупности социально-экономических и природных признаков (где транспорт является одной из важных, но не единственно важных компонентов). Так что связность ТТС как территориально-отраслевой системы выше, чем РТС, а границы ТТС и РТС могут как совпадать, так и нет.

Обобщая сказанное и раскрывая компоненты ТТС, под последней будем понимать взаимосвязанную совокупность транспортных узлов, линий, подвижного состава грузо- и пассажиропотоков.

Международные территориальные транспортные системы (МТТС) представляют собой взаимосвязанные транспортные системы соседних государств (транснациональные системы) и/или частей государств (трансграничные системы). Полагаем, что термины «международная территориальная транспортная система» и «международный транспортный регион (район)» отражают одни и те же явления и процессы, выступая синонимами. Отраслевое районирование (выделение МТТС) в сфере международных транспортных перевозок способствует выявлению положительных предпосылок развития трансграничных связей, а также «узких мест» и проблем, затрудняющих коммуникации между соседними странами.

Возвращаясь к Балтийскому региону, констатируем: границы РТС последнего совпадают с границами его самого (который мы понимаем в границах, определенных учеными БФУ им. И. Канта и некоторыми другими исследователями [4—6]). В таком случае он охватывает Данию, Швецию, Финляндию, страны Балтии, земли ФРГ Шлезвиг-Гольш-

штейн и Мекленбург-Переднюю Померанию, Западно-Поморское, Поморское и Варминьско-Мазурское воеводства Польши, Санкт-Петербург, Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую и Калининградскую области РФ). А для того чтобы установить границы транснациональной ТТС Балтийского региона, необходимо выявить и охарактеризовать основные системообразующие элементы системы.

Основу ТТС Балтийского региона играет морской транспорт. Именно он выполняет важнейшую функцию Балтийской транспортной системы — транзит грузов по маршруту восток (Россия, Казахстан, Азиатско-Тихоокеанский регион) — запад (Европейский союз, Северная Америка).

Железнодорожный, автомобильный и внутренний водный виды транспорта в рамках Балтийской транспортной системы выполняют связующие функции, обеспечивая свободное движение грузов и пассажиров от крупных транспортных узлов до мест потребления (производства) и проживания (в том числе вокруг Балтийского моря), а также транзитные перевозки хинтерландов морских портов, расположенных на побережье Балтики. Важнейшими транспортными путями являются европейские транспортные автомобильные и железнодорожные коридоры, проходящие по территории Балтийского региона [7].

Системообразующим видом транспорта Балтийского региона может стать авиационный, что вызвано возрастающей ролью перевозки пассажиров. На территории Балтийского региона формируются несколько крупных авиационных пассажирских узлов (аэропортов), стремящихся занять центральное место не только в европейском, но и мировом авиационном процессе перевозке пассажиров (Копенгаген, Рига, Берлин, Гамбург, Хельсинки, Варшава, Санкт-Петербург).

Проанализировав различные источники, мы подготовили картосхему основных (наиболее грузо- и пассажиронапряженных) морских путей, сухопутных транспортных магистралей и крупнейших транспортных узлов (то есть опорной, системообразующей транспортной сети) (рис.).

Из приведенной ниже картосхемы видно, что границы транснациональной Балтийской ТТС (БТТС) несколько отличаются от очерченных учеными БФУ им. И. Канта и от предложенных в рамках международной программы VASAB. Различия заключаются в следующем. Как и в программе VASAB, по сравнению с трактовкой калининградских и соглашающихся с ними ученых из других регионов в состав БТТС дополнительно включены вся Норвегия, немецкий город-порт Гамбург и федеральная земля Бранденбург, а также центральная часть Польши и Гродненская область Беларуси. Но в отличие от программы VASAB не включена южная часть Польши и основная часть Беларуси.

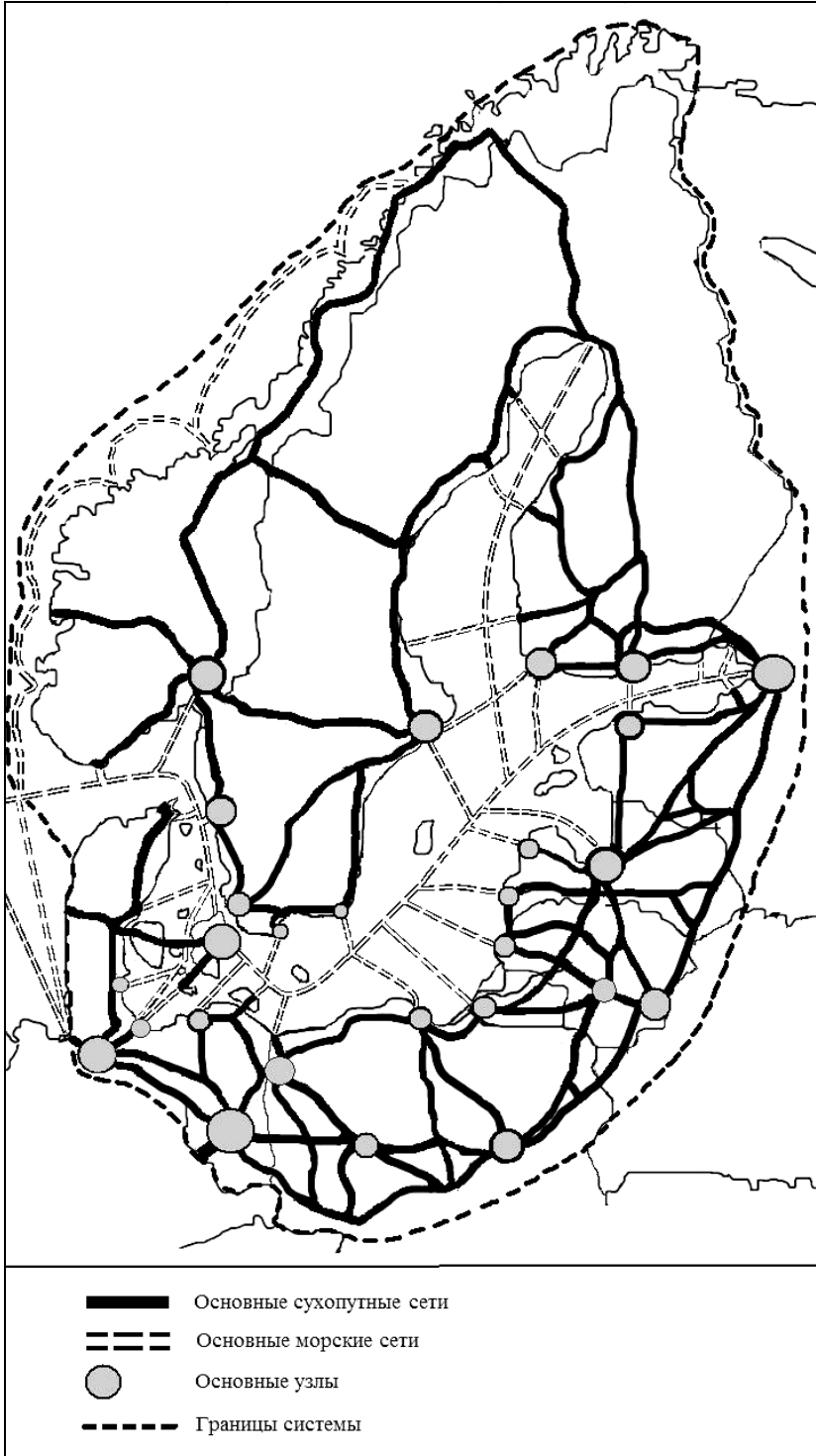

Рис. Морские и сухопутные компоненты транспортной системы Балтийского региона

Европейский союз, следуя предложениям программы VASAB, формирует научно обоснованную транспортную систему, охватывающую полностью или частично территории всех стран ЕС, имеющих выход на Балтику. Скоординированную с ЕС политику в отношении развития транспорта осуществляет также Норвегия. С учетом географического положения балтийских субъектов России и Беларуси и при четком понимании, что эффективное функционирование транспортных систем данных регионов возможно лишь при эффективном взаимодействии с транспортными системами остальных регионов Балтийского моря, их включение в Балтийскую транспортную систему видится логичным. Однако российские и белорусские субъекты, входящие в БТСС, недостаточно координируют свою транспортную политику со стратегией, реализуемой ЕС. Отсутствие общих правил и норм при обеспечении работы транспорта и единой согласованной политики дальнейшего стратегического и пространственного развития, а также не сформированные до конца общие элементы управления и контроля над транспортным процессом не позволяют говорить о полной интеграции региональных транспортных систем регионов России и Беларуси в единую БТСС.

Несмотря на наличие общих для всех регионов препятствий, есть и специфические для каждой региональной транспортной системы барьеры, мешающие им активнее внедряться в единое транспортное пространство Балтийского региона. Выявить основные препятствия и предложить пути для их преодоления — вот наиболее актуальная задача, стоящая перед исследователями географии транспорта в России и Европе в целом, а также в находящейся в окружении стран ЕС Калининградской области РФ в частности.

Список литературы

1. VASAB. URL: <http://www.vasab.org> (дата обращения: 06.10.2011).
2. Тархов С. А., Семина И. А. География транспорта как отраслевая географическая наука // Актуальные проблемы географии и геоэкологии. 2009. Вып. 1 (5). URL: http://geoeko.mrsu.ru/2009—1/pdf/12_Tarhov.pdf. (дата обращения: 06.10.2011).
3. Тархов С. А., Шлихтер С. Б. География транспортных систем: курс лекций. М., 1995.
4. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Российский эксклав на Балтике. Калининград, 1997.
5. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Балтийский регион. Калининград, 1999.
6. Межевич Н. М. Балтийский регион и Россия на Балтике: специфика позиционирования. URL: <http://www.ut.ee/ABVKeskus/publ/2004/VF-B.pdf> (дата обращения: 15.01.2009).
7. European Commission Panorama of Transport Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009.

8. *Towards an integrated Baltic Sea Region: Cities and Regions as drivers for spatial development and integration.* URL: http://www.vasab.org/east-west-window/documents/WG1_report_final_version_part2_appendix.pdf (дата обращения: 06.10.2011).

Об авторах

Гуменюк Иван Сергеевич, кандидат географических наук, ассистент кафедры социально-экономической географии и геополитики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: IvaGum85@mail.ru

Мельник Дмитрий Анатольевич, аспирант кафедры социально-экономической географии и геополитики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: bbb999@rambler.ru

THE TRANSNATIONAL TERRITORIAL TRANSPORT SYSTEM OF THE BALTIC REGION

I. S. Gumenyuk, D. A. Melnik

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received 5 November 2011

The object of research carried out in the article is transnational territorial transport system identified within the limits of the Baltic Region. The objective of this work is to outline the structures and territorial borders, identify the system building elements and specific features of the functioning of this system. The work has considerable theoretical significance, since it specifies the conceptual framework of geography of transport. The practical significance of this research consists in the conducted territorial localisation of the system, which makes it possible to carry out a broad spectrum of studies into the Baltic transborder territorial transport system. The major value of this work relates to the definition of the basic principles of formation and functioning of international territorial transport systems described with the help of a case study of the Baltic Region. This works is of great practical value for researchers in the field of geography of transport and especially those in the sphere of international organisation of transportation process.

Key words: Baltic Region, regional, transnational, and international territorial transport system.

References

1. *VASAB*. available at: <http://www.vasab.org> (accessed 6 Oktober 2011).
2. Tarhov, S. A., Semina, I. A. 2009, *Aktual'nye problemy geografii i geojekologii*, Vol. 1 (5), available at: http://geoeko.mrsu.ru/2009-1/pdf/12_Tarhov.pdf (accessed 6 Oktober 2011).
3. Tarhov, S. A., Shlihter, S.B. 1995, *Geografija transportnyh sistem. Kurs lekciij [The geography of transport systems. A course of lectures]*, Moscow, ROU; IGRAN.
4. Fedorov, G. M., Zverev, Ju. M. and Korneevets, V. S. 1997, *Rossijskij jeksklav na Baltike [The Russian exclave on the Baltic Sea]*, Kaliningrad, Izd-vo Kaliningr. un-ta, 312 p.
5. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 1999, *Baltijskij region [The Baltic Region]*, Kaliningrad, Izd-vo Kaliningr. un-ta, 208 p.
6. Mezhevich, N. M. *Baltijskij region i Rossija na Baltike: specifika pozicionirovanija [The Baltic Region and Russia on the Baltic Sea: the specificity of positioning]* available at: <http://www.ut.ee/ABVKeskus/publ/2004/VF-B.pdf> (accessed 15 January 2009).
7. *European Commission Panorama of Transport*, 2009, Luxembourg, Office for Official Publications of the European Communities, 185 pp.
8. *Towards an integrated Baltic Sea Region: Cities and Regions as drivers for spatial development and integration* available at: http://www.vasab.org/east-west-window/documents/WG1_report_final_version_part2_appendix.pdf (accessed 6 Oktober 2011).

About authors

Dr Ivan S. Gumenyuk, Lecturer, Department of Social and Economic Geography and Geopolitics, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: IvaGum85@mail.ru

Dmitry A. Melnik, PhD student, Department of Social and Economic Geography and Geopolitics, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: bbb999@rambler.ru

ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 330.341 (210.5+470.2)

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ ПРИБРЕЖНЫХ ЗОН И МОРСКИХ ПОРТОВО- ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Г. Г. Гогоберидзе

*М. А. Мамаева**

Одним из основных направлений притяжения структур мировой экономики в настоящее время выступают приморские территории как пространство, где ярко проявляется морской потенциал приморского государства. При этом важно выделять приоритеты развития прибрежных зон с учетом изменений стратегической ситуации для поддержания составляющих морского потенциала Российской Федерации на уровнях, соответствующих ее национальным интересам. Разработана индикаторная система оценки морского потенциала прибрежных зон и морских портово-промышленных комплексов с целью определения характеристик и стратегических возможностей экономического развития таких территорий с применением комплексного подхода. Методология исследования базируется на оценке морского потенциала приморских территорий как показателе эффективности развития ее морехозяйственного комплекса с использованием индикаторных методов как многофакторной и многоуровневой пространственной системы. На основе разработанной системы проведен комплексный анализ приморских территорий российской Балтики, даны оценки социально-экономического фактора морского потенциала приморских территорий и рекомендации по долгосрочному планированию экономического развития российских прибрежных зон Балтийского моря и организации морской деятельности. Предложенная в работе методология может содействовать определению места приморских территорий в экономике и отражать возможности, направления стратегического развития прибрежных зон и морских портово-промышленных комплексов Российской Федерации, а также устойчивость работы экономических субъектов.

*Российский государственный гидрометеорологический университет. 195196, Россия, Санкт-Петербург, Малоохтинский просп., 98.

Поступила в редакцию 17.09.2011 г.

Ключевые слова: стратегия экономического развития, приморский регион, морской портово-промышленный комплекс, морской потенциал.

В современных условиях приморские территории — место, где, с одной стороны, ярко проявляется их территориальная геостратегическая значимость и потенциал, а с другой — возникают наиболее сильные противоречия социально-экономического развития. Исходя из концепции долгосрочного планирования социально-экономического развития приморских территорий и находящихся на них морских портово-промышленных комплексов и учитывая сложность процессов, происходящих на приморских территориях, необходима система оценки их морского потенциала с использованием индикаторных методик для анализа и обоснования стратегии развития региона [5].

Принимая во внимание положения Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной президентом РФ 27.07.2001 г. [7], и то, что для морского потенциала приморских территорий как динамической величины важнейшими сущностными параметрами являются факторы воздействия на него, можно предложить следующую комплексную систему факторов воздействия на морской потенциал приморских территорий, опирающуюся на тематическую факториальную направленность [6]:

- социально-экономический фактор воздействия;
- политико-географический фактор воздействия;
- природно-экологический фактор воздействия;
- военно-стратегический фактор воздействия.

На региональном пространственном уровне под приморской территорией необходимо понимать приморские регионы, которые представляют собой государственное образование, либо приморский субъект государственного образования федерального типа. Границами приморских территориальных образований регионального уровня служат государственные границы либо административные границы приморских субъектов государственных образований федерального типа [6]. Данный подход основывается на том, что административные образования некоторых стран (в основном федерального типа) имеют чрезвычайно протяженную береговую линию, граничат с акваториями различных морей и океанов, играют важную роль в мировой экономике и состоят из административных образований значительной степени автономности, что позволяет рассматривать последние как самостоятельные приморские регионы. На Балтийском море к государствам подобного типа можно отнести Российскую Федерацию с такими приморскими субъектами, как Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области. Кроме того, необходимо выделить еще ряд приморских стран, которые также обладают значительным экономико-политическим весом и продолжительной береговой линией, но отчленять отдельные административные образования в них в качестве приморских регионов не представляется целесообразным, так как под приморским регионом понимается совокупность приморских территориальных административных образований. При этом выделенные регионы таких стран действительно существенно различны по своему географическому расположению и притяжению, морскому потенциалу и его составляющим. К числу регионов Балтийского моря непосредственно относятся [3]:

- Финляндия (Южный и Ботнический регионы);
- Швеция (Ботнический и Южный регионы);
- Дания (Балтийский и Североморский регионы);
- Германия (Балтийский и Североморский регионы).

К итоге всего можно назвать 13 приморских регионов для Балтийского моря, подлежащие анализу: государства Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Балтийский регион Германии, Балтийский регион Дании, Южный регион и Ботнический регион Швеции, Ботнический регион и Южный регион Финляндии, Ленинградскую область, Калининградскую область и Санкт-Петербург Российской Федерации.

Рассмотрим социально-экономический фактор воздействия на потенциал приморского региона. Оценка данного фактора проводилась с использованием индикаторных методик [2].

Совокупность признаков, описывающих социально-экономический фактор морского потенциала приморских регионов, включает 16 индикаторов:

- индикатор ВВП (ВРП) (определяется исходя из удельной относительно численности жителей величины валового продукта приморского региона);
- индикатор внешнеэкономической деятельности (определяется исходя из удельных относительно численности жителей величин импорта и экспорта для приморского региона);
- индикатор роста ВВП (ВРП) (определяется исходя из величины относительного изменения валового продукта приморского региона);
- индикатор роста промышленного производства (определяется исходя из величины изменения индекса промышленного производства приморского региона);
- индикатор объема инвестиций (определяется исходя из удельных относительно численности жителей величин поступающих в регион иностранных инвестиций и объема зарубежных инвестиций от экономических субъектов рассматриваемого региона);
- индикатор природного ресурсного потенциала (определяется исходя из величины и значимости ископаемых природных ресурсов и ресурсного потенциала приморского региона);
- индикатор инфраструктуры (определяется исходя из уровня развитости автомобильной и железнодорожной инфраструктур приморского региона);
- индикатор флота (определяется исходя из общего тоннажа гражданского транспортного флота, приписанного и находящегося во владении экономических субъектов рассматриваемого приморского региона);
- индикатор портовой деятельности (определяется исходя из грузооборота портовых хозяйств приморского региона);
- индикатор добычи биоресурсов (определяется исходя из величины вылова биоресурсов экономическими субъектами приморского региона);
- индикатор рекреационного значимости (определяется исходя из количества туристов и прибылей от туристической составляющей приморского региона);

- индикатор приморской плотности населения (определяется исходя из таких параметров, как численность жителей приморского региона, средневзвешенная удаленность их проживания от береговой линии, количество крупных населенных пунктов приморского региона, протяженность береговой линии и площадь приморского региона [4]);

- индикатор человеческого развития (определяется исходя из параметров грамотности населения, продолжительности жизни и уровня заработной платы по приморскому региону [16]);

- индикатор Джини (определяется исходя из величины индекса Джини);

- индикатор воспроизводства населения (определяется исходя из коэффициентов естественной смертности и рождаемости для приморского региона);

- индикатор безработицы (определяется исходя из величины уровня безработицы приморского региона).

Обратим внимание на допущения, которые могут быть использованы при разработке указанных индикаторных подсистем и методик расчета индикаторов [2; 3].

1. Отказ от использования весовых функций для каждого вида параметра для расчета интегральных показателей, так как это повлечет неоднозначность и спорность при оценке важности каждого индикатора.

2. Значения индикаторов должны принимать значения в пределах от -1 до $+1$. При этом значение индикатора -1 подчеркивает крайнюю отрицательную, а значение $+1$ — максимально положительную степень воздействия данной характеристики.

Территориальное распределение оценок социально-экономического фактора воздействия на морской потенциал, полученных с использованием индикаторных методик, по приморским регионам Балтийского моря показано на рисунке. Расчет проводился на основе информации официальных источников статистической отчетности, статистических сборников по России и приморским странам Балтийского моря, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и ее территориальных органов в приморских субъектах, профильных министерств Российской Федерации, международных статистических организаций, статистических публикаций и баз данных ООН, ЮНЕСКО, Евростата, Мирового банка и других информационных банков данных, включая статистические агентства стран Балтийского моря, на 01.07.2010 г.

Анализируя составляющие социально-экономического фактора, необходимо отметить следующие ключевые моменты.

По уровню удельного ВВП (ВРП для регионов и субъектов стран Балтики) выделяются приморские регионы «старой» Европы, для которых удельные ВРП больше 20 тыс. долларов на человека. Для стран Прибалтики, Польши и субъектов Российской Федерации значения ВВП (ВРП) ниже, минимальный ВРП — менее 10 тыс. долларов на человека — зарегистрирован для Калининградской и Ленинградской областей. Для субъектов российского сектора Балтийского моря только для Санкт-Петербурга значения удельного ВРП составляют немногим более 11 тыс. долларов на человека.

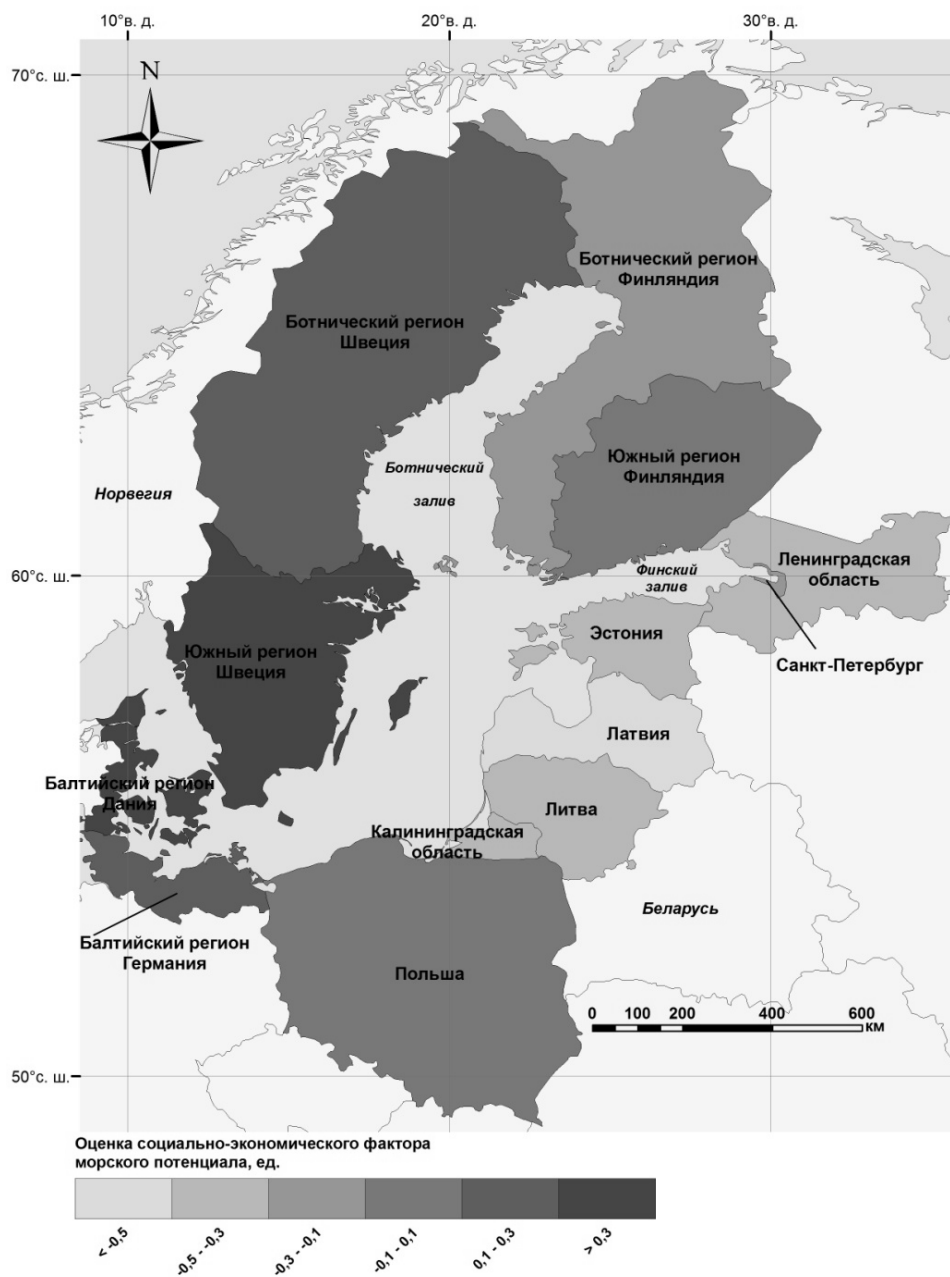

Рис. Значения оценок социально-экономического фактора морского потенциала приморских регионов Балтийского моря

По параметру роста ВВП (ВРП для регионов и субъектов стран Балтики) лидерами являются Польша и Санкт-Петербург, имеющие положительные величины индекса ВВП (ВРП). Экономике остальных стран региона депрессивные, для всех стран Прибалтики значения показателя составляют менее -10% , что объективно для посткризисной ситуации, что сильнее всего заметно именно в этих странах Балтики.

В то же время индекс промышленного производства характеризуется отрицательной величиной для всех регионов Балтийского моря, хотя для Польши значение индекса находится около нуля. Максимально отрицательные значения — менее -20% — зарегистрированы для стран Прибалтики, а также для Санкт-Петербурга, что является интересным фактом вместе с положительным значением для Санкт-Петербурга индекса ВРП. Для Ленинградской области значение индекса промышленного производства занимает второе место по региону (чуть менее -5%), по Калининградской области оно составляет менее -10% .

Феномен разнонаправленных векторов изменчивости индексов ВРП и промышленного производства для Санкт-Петербурга во многом связан с тем, что этот мегаполис, как и Москва, представляет собой экономический, научный и культурный центр страны, а также крупнейший морской портово-промышленный комплекс на Балтике и по общему уровню экономического развития занимает второе место после столицы среди всех субъектов Российской Федерации, формируя двухфокусность российского европейского пространства. Уникальное географическое положение — близость наиболее развитых районов России, с одной стороны, и стран ЕС, с другой, — позволило стать Санкт-Петербургу центром российских и международных перевозок, в том числе и морских, постоянно увеличивая их объем, даже в период мирового кризиса. В то же время ведущими отраслями промышленности Санкт-Петербурга считаются машиностроение, металлообработка и пищевая промышленность — с удельным весом в объеме промышленного производства около 70% , они-то и подверглись наибольшему экономическому спаду.

Близко к закономерностям удельного ВВП (ВРП) распределены и удельные величины внешнеэкономической деятельности. Для регионов Финляндии, Швеции, Германии и Дании значения соответствующего показателя составляют более 20 тыс. долларов на человека (кроме Ботнического региона Финляндии), в то время как для остальных приморских регионов — менее 20 тыс., за исключением Эстонии — там более 22 тыс. долларов на человека. Минимальные значения рассматриваемого параметра зарегистрированы для Калининградской области и Санкт-Петербурга — менее 10 тыс. долларов на человека, это чрезвычайно низкий показатель, учитывая географическое и геополитическое расположение регионов, особенно последнего. Для Ленинградской области удельное значение внешнеэкономической деятельности равняется чуть более 10 тыс. долларов на человека. Дисбаланс между значениями импорта и экспорта ярко выражен только для Калининградской области (объем импорта почти на порядок превышает объем экспортных операций), для остальных приморских регионов значения импортных и экспортных операций более сбалансированы.

Значения ресурсного потенциала фактически незначительны (относительно мирового уровня) для всех приморских регионов Балтики. Некоторые залежи полезных ископаемых существуют на приморских территориях и прилегающих акваториях Ботнического залива, Калининградской области и Польши. В Санкт-Петербурге природные ресурсы и полезные ископаемые почти отсутствуют. Основные природные ресурсы Ленинградской области — бокситы, фосфориты, горючие сланцы, формовочные и стекольные пески, карбонатные породы для металлургии и цементного производства, огнеупорные и цементные глины. Для Калининградской области важнейшими являются нефтяные запасы на шельфе, разработка и эксплуатация которых и ведется в настоящее время.

Транспортная инфраструктура в принципе развита по всем приморским регионам Балтийского моря, однако наиболее развиты автодорожная и железнодорожная сети в Балтийском регионе Дании и Южном регионе Швеции. Наименее развита, как в количественном, так и в качественном отношении, дорожная сеть в Ленинградской и Калининградской областях и Ботническом регионе Финляндии. Санкт-Петербург, в свою очередь, — один из крупнейших транспортных узлов Российской Федерации и стран Балтийского моря, от которого отходят 12 железнодорожных и 11 автомобильных магистралей.

По размеру флотов судов морского и океанического классов резко выделяются флота Балтийских регионов Дании и Германии, с общим тоннажем зарегистрированных судов около 20 млн GRT. Общий тоннаж судов менее 1 млн GRT числится за морскими портово-промышленными комплексами Эстонии, Литвы, Калининградской области и Ботнического региона Финляндии. В морских портово-промышленных комплексах Санкт-Петербурга и Ленинградской области общий тоннаж зарегистрированных судов — около 2 млн GRT.

В то же время по грузообороту морских портово-промышленных лидируют Южный регион Швеции и Ленинградская область — более 100 млн т. Наименее развита по этому параметру на Балтике Калининградская область со значением грузооборота немногим более 10 млн т. Морской порт Санкт-Петербурга, связанный с другими портами мира 18 регулярными линиями, является в настоящее время быстро прогрессирующим, его годовой грузооборот уже превышает грузооборот морских портово-промышленных комплексов Польши. В Ленинградской области активное развитие морских портово-промышленных комплексов обеспечивается действующими Приморским, Высоцким, Усть-Лужским и Выборгским морскими торговыми портами.

В большинстве приморских регионов Балтийского моря годовой коммерческий объем вылова колеблется в пределах 50—70 млн долларов. Только для Ленинградской области и Санкт-Петербурга (для последнего это закономерно) вылов биоресурсов составляет менее 1 млн долларов, причем для Ленинградской области очевидно, что рыбохозяйственный комплекс переживает сильнейший упадок.

Туристическая отрасль экономики среди всех приморских регионов Балтийского моря наиболее развита в Санкт-Петербурге и Польше, в ко-

торых ежегодная прибыль предприятий туристической отрасли составляет более 1 млрд долларов, и относительно развита в Балтийском регионе Германии — около 0,7 млрд. Для Ленинградской и Калининградской областей существующий значительный туристический потенциал практически не используется, и туристическая отрасль дает менее 20 млн долларов.

Маркирующий географо-демографический индикатор в виде параметра плотности населения служит своеобразной оценкой демографического потенциала развития морехозяйственного комплекса изучаемого приморского региона и может отражать степень вероятной вовлеченности его субъектов в деятельность морского портово-промышленного комплекса. Низкие значения приморской плотности населения отмечаются для Ботнических регионов Финляндии и Швеции, для Эстонии и Латвии и свидетельствуют о низком географо-демографическом потенциале и затрудненности развития морской деятельности в этих регионах. Наибольшие значения параметра зафиксированы для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, что объясняется расположением городского конгломерата мегаполиса и большинства крупных населенных пунктов Ленинградской области вблизи берегов Финского залива.

Значения индикаторов уровня жизни, принимаемые для страны в целом, для всех государств Балтийского моря отражают высокую степень социального развития (уровень 0,8). Наиболее низкие значения параметра имеют Прибалтийские страны, Польша и Россия — менее 0,9. Схожая ситуация сложилась и по пространственному распределению индекса Джини: для Российской Федерации значения индекса составляют 42,3, для стран Прибалтики и Польши — около 35, для стран «старой» Европы — менее 30, что свидетельствует о высокой степени расслоения общества в Российской Федерации по уровню годового дохода.

По показателям воспроизводства населения только в Финляндии и Дании уровень рождаемости незначительно превышает уровень смертности. Для остальных приморских регионов Балтийского моря уровень смертности выше, причем для Ленинградской области весьма существенно — естественная убыль населения составляет почти 8 ‰. По абсолютным значениям уровень рождаемости менее 9 ‰ наблюдается для Балтийского региона Германии, а для Литвы и Ленинградской области — менее 10 ‰, а максимальный уровень рождаемости более 11 ‰ зарегистрирован для Калининградской области и Санкт-Петербурга. При этом для этих же регионов Балтики фиксируется и максимальный уровень смертности — более 14 ‰. Наиболее благоприятная ситуация отмечается в Польше и Финляндии — чуть более 10 ‰.

По уровню безработицы выделяются страны Прибалтики и Калининградская область — с уровнем безработицы более 10% трудоспособного населения (в Латвии — более 17%). Напротив, в Дании и Санкт-Петербурге уровень безработицы минимальный — менее 5% трудоспособного населения. В Ленинградской области уровень безработицы средний — немногим более 7%.

В целом наиболее благоприятная социально-экономическая ситуация по приморским регионам и морским портово-промышленным комплексам Балтийского моря наблюдается для Балтийского региона

Дании (оценка социально-экономического фактора морского потенциала — более 0,43) и для Южного региона Швеции (потенциал — немногим меньше 0,4). Отметим интересный факт, что оба этих региона близки к Датским проливам — выходу из Балтийского моря. Наиболее неустойчива социально-экономическая ситуация в странах Прибалтики и Калининградской области (потенциал менее –0,4), минимум в Латвии — менее –0,54. Для Ленинградской области и Санкт-Петербурга ситуация несколько лучше: немногим менее –0,3 и –0,15 соответственно.

По сравнению с оценками социально-экономического фактора воздействия на морской потенциал приморских регионов, сделанными на 01.07.2008 г. [1], качественных изменений практически не произошло. Однако еще больше увеличилось расслоение между более развитыми регионами и портово-промышленными комплексами Балтики (Балтийские регионы Германии и Дании, Южный регион Швеции), для которых величины оценки социально-экономического фактора выросли, и менее развитыми регионами и морскими портово-промышленными комплексами стран Прибалтики и Калининградской области, для которых значения существенно уменьшились (особенно для Калининградской области, Эстонии и Литвы). Это свидетельствует о сильном влиянии мировых кризисных процессов, оказывающих воздействие в первую очередь на развивающуюся экономику и в меньшей степени на развитую «старую» экономику Европы.

Рекомендации по долгосрочному планированию и стратегическим возможностям экономического развития российских приморских регионов и морских портово-промышленных комплексов Балтийского моря и организации их морской деятельности можно сформулировать следующим образом:

- Развитие Санкт-Петербурга, Калининградской и Ленинградской областей в первую очередь связано с ростом ВРП и внешнеэкономической деятельности. Соответственно, экономические перспективы российских приморских регионов и морских портово-промышленных комплексов Балтики определяются в первую очередь реализацией ряда инвестиционных проектов (строительство нового порта в Усть-Луге, создание автомобильного завода в Выборге, строительство Балтийской транспортной системы, включающей трубопроводы, порты, подъездные пути; развитие сети международных автомобильных дорог, строительство новых и модернизация старых транспортных портовых комплексов, строительство газопровода «Грязовец — Выборг» и т. д.).

- Необходимо создать более благоприятный инвестиционный климат, так как уровень инвестиционной привлекательности российских регионов и морских портово-промышленных комплексов самый низкий среди всех регионов Балтики. Требуется критическое и существенное обновление соответствующей законодательной базы, которое вполне возможно на региональном уровне управления.

• Отметим, что уровень транспортной инфраструктуры в Калининградской и Ленинградской областях также наиболее низкий из всех приморских регионов Балтийского моря, что является существенным тормозом для развития их общего экономического потенциала. Особенно это касается Ленинградской области, с учетом того, что ее транспортная инфраструктура относительно развита только вблизи Санкт-Петербурга. Инвестиции в развитие транспортной сети должны стать стратегическим приоритетом как для Ленинградской, так и для Калининградской областей.

• Необходимо дальнейшее развитие морских транспортных мощностей, включая российский флот на Балтике. Это будет способствовать дальнейшему ускоренному росту морского потенциала России на Балтике, а также укреплению наметившихся в последнее время положительных тенденций реализации потенциала российских морских поргово-промышленных комплексов. В Калининградской области с учетом геополитического положения региона и соответствующих сложностей по дальнейшей перевалке и транспортировке грузов требуется особое внимание уделить росту пассажирооборота и переориентации деятельности поргово-промышленных комплексов на пассажирские перевозки и использование положения области для обслуживания малых прибрежных судов.

• В Калининградской области стоит большее внимание уделить реализации туристического потенциала, включая как огромный историко-культурный ресурс, так и эколого-туристический (развитие ОЭЗ «Куршская коса») и рекреационный потенциал края (пляжные рекреационные зоны и курортно-санаторное обслуживание в г. Пионерский, Зеленоградск, Светлогорск). В настоящее время в области уровень развития туристической и рекреационной отрасли является самым низким сравнению со всеми Балтийскими регионами. Практически аналогична ситуация и для Ленинградской области, в которой туризм также находится в зачаточном состоянии.

• В Ленинградской области необходим скорейший выход из кризиса рыбохозяйственной отрасли, которая за короткое время «провалилась» и стала самой отсталой (за исключением Санкт-Петербурга) на Балтике. Возможно, в данном случае необходимы более тесные контакты и совместные действия с Калининградской областью, в которой положение этой отрасли более благоприятное.

• В плане социальной устойчивости требуется поддерживать положительные тенденции на рынке занятости для Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которые совместными усилиями обеспечивают относительно невысокий (по сравнению с другими регионами Балтики) уровень безработицы. Ситуация в Калининградской области более тревожная и требует разрешения.

• Особо пристального внимания заслуживает ситуация с естественным приростом населения, которая отражает социальную обстановку в регионе. Улучшения, несомненно, происходят, но в основном они затрагивают показатели рождаемости. Уменьшение коэффициентов смертности незначительно и связано с необходимостью кардинального улучшения социальной защищенности населения и уровня здравоохранения во всех субъектах Российской Федерации на Балтике.

Список литературы

1. *Гогоберидзе Г.Г.* Балтийское море: приморские регионы и их морехозяйственный потенциал // Экономические стратегии. 2009. № 8. С. 150—155.
2. *Гогоберидзе Г.Г.* Индикаторные методы как инструмент комплексного анализа и оценки приморских территорий // Вестник ИНЖЕКОНА. Сер. Экономика. 2008. № 3. С. 142—151.
3. *Гогоберидзе Г.Г.* Комплексное региональное районирование приморских территорий Мирового океана : монография. СПб., 2007.
4. *Гогоберидзе Г.Г.* Оценка демографического морехозяйственного потенциала приморских регионов (субъектов) Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 1. С. 38—45.
5. *Гогоберидзе Г.Г.* Понятие и сущность морехозяйственного потенциала прибрежных зон и приморских территорий // Проблемы современной экономики. 2008. № 2. С. 266—270.
6. *Гогоберидзе Г.Г.* Структура и свойства морехозяйственного потенциала приморской территории // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 3. С. 75—81.
7. *Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г.* : подписана президентом Российской Федерации 27.07.2001 г. : [официальный сайт Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации]. URL: <http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrina/> (дата обращения: 16.08.2011).

Об авторах

Гогоберидзе Георгий Гививич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры экономики и менеджмента, Российский государственный гидрометеорологический университет.

E-mail: ggg_iczm@rshu.ru

Мамаева Мария Анатольевна, кандидат физико-математических наук, начальник Управления международных связей, Российский государственный гидрометеорологический университет.

E-mail: mamaeva@rshu.ru

STRATEGIC OPPORTUNITIES FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE BALTIC SEA COASTAL ZONES AND SEA INDUSTRIAL AND PORT COMPLEXES

G. G. Gogoberidze, M. A. Mamaeva

*Russian State Hydrometeorological University
98, Malookhtinsky prospect, Saint Petersburg, 195196, Russia*

Received 17 September 2011

Today, one of the principal directions of attraction of structures in world economy is coastal territories as a space where the marine potential of a state is most

pronounced. In this case, it is of importance to place the priorities of development of coastal zones taking into account the changes in strategic situation in order to support the components of marine potential of the Russian Federation at the level corresponding to its national interests. This work aims to develop an indicator system of assessment of potential of coastal zones and sea industrial and port facilities to identify the characteristic and strategic capacities of the economic development of such territories with the help of the complex approach. The research methodology is based on the assessment of marine potential of coastal territories as an indicator of the efficacy of development of its marine economic complex with the use of indicator methods as a multifactor and multilevel spatial system. The system developed underlies a complex analysis of coastal territories of the Russian Baltic, as well as the estimate of the socioeconomic factor of the coastal zone marine potential and recommendations for long-term planning of economic development of Russian coastal zones at the Baltic Sea and the organisation of marine activity. The use of methodology offered in this work would help identify the position of coastal territories in the economy and reflect the opportunities and directions of strategic development of coastal zones and sea industrial and port facilities of the Russian Federation, as well as stable performance of economic entities.

References

1. Gogoberidze, G.G. 2009, *Jekonomicheskie strategii*, no. 8, pp. 150—155.
2. Gogoberidze, G.G. 2008, *Vestnik INZhEKONA*, Ser. Jekonomika, no. 3, pp. 142—151.
3. Gogoberidze, G.G. 2007, *Kompleksnoe regionirovanie primorskih territorij Mirovogo okeana*, Saint Petersburg, Izdatelstvo RGGMU, 396 p.
4. Gogoberidze, G.G. 2009, *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 1, pp. 38—45.
5. Gogoberidze, G.G. 2008, *Problemy sovremennoj jekonomiki*, no. 2, pp. 266—270.
6. Gogoberidze, G.G. 2008, *Vestnik Ros. gos. un-ta im. I. Kanta*, no. 3, pp. 75—81.
7. Morskaja doktrina Rossijskoj Federacii na period do 2020, *Official Website of the Government of the Russian Federation*, available at: <http://www.morskayakollegiya.ru/legislation/doktrina/> (accessed 16 August 2011).

About authors

Prof. George G. Gogoberidze, Leading Research Fellow, Department of Economics and Management, Russian State Hydrometeorological University (RSHU).

E-mail: ggg_iczm@rshu.ru

Dr Maria A. Mamayeva, head of the International Relations Office, Russian State Hydrometeorological University (RSHU).

E-mail: mamaeva@rshu.ru

УДК 332.146(470.2)

**ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ
СИЛ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
В 2000—2010 ГОДАХ**

В. Л. Мартынов

*И. Е. Сазонова**

Региональные особенности в России исследуются представителями различных наук с разных позиций. Собственные подходы характерны для экономической географии, ключевым понятием которой является понятие территориального разделения труда. Даются описание и анализ изменений пространственной структуры экономики Северо-Западного федерального округа на протяжении первого десятилетия XXI в. Предлагаются новые методики определения экономической эффективности регионов, основывающиеся на использовании общедоступных экономических показателей. Выявляется и описываются новые тенденции развития регионов Северо-Запада, сформировавшиеся в последние годы и до настоящего времени не нашедшие надлежащего научного отражения. Основной вывод заключается в том, что после преодоления кризиса 1990-х гг. пространственное развитие экономики Северо-Запада возвращается к естественным пространственным основам, характерным для России начала XX в., и это следует оценивать положительно.

Ключевые слова: Северо-Запад, производительные силы, региональное развитие, основные фонды, инвестиции, доходы, уровень жизни.

Первое десятилетие XXI в. было очень своеобразным временем. После чрезвычайно бурных 90-х гг. XX в. страна постепенно успокаивалась. И если на рубеже XX и XXI вв. главным лозунгом была стабилизация, то сейчас — модернизация. Для большинства отраслей российской экономики первое десятилетие XX в. — время возобновления и роста объемов производства, которое было приостановлено из-за экономического кризиса 2008 г.

Так, добыча нефти по России выросла с 2000 по 2010 г. с 324 до 505 млн т, или в 1,56 раза. Добыча уг-

* Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 26.08.2011 г.

ля за тот же период увеличилась с 258 до 317 млн т, или в 1,22 раза. Наименьший прирост среди отраслей топливно-энергетического комплекса характерен для газодобычи. Добыча природного газа в 2000 г. равнялась 584 млрд м³, в 2010 г. — 591 млрд. Если говорить о других отраслях, то наибольшей динамикой характеризовалась пищевая промышленность. Производство мяса птицы в 2000 г. составило 477 тыс. т, в 2010 г. — 2739 тыс. (рост в 5,7 раза). Отмечен подъем в легкой промышленности. Например, производство обуви увеличилось в три раза — с 32,9 в 2000 г. до 97,1 млн пар в 2010 г. Производство тканей с 2000 по 2010 г. изменилось с 2439 до 3199 млн м². Расширились и объемы машиностроительного производства. Производство легковых автомобилей в 2000 г. составляло 969 тыс. штук, в 2010 г. — 1209 тыс. (рост в 1,25 раза). Соответственно, развивались и грузоперевозки. Грузооборот железнодорожного транспорта в 2000 г. достиг 1373 млрд ткм, в 2010 г. — 2010,6 млрд (рост в 1,46 раза).

Увеличение объемов производства было характерно не для всех отраслей экономики. В отраслях машиностроения, производящих средства производства, на протяжении всего первого десятилетия XXI в. наблюдается падение объемов производства. Например, производство металлорежущих станков с 1990 по 2000 г. снизилось с 74 171 до 8885 шт., или в 8,3 раза, а к 2010 г. — до 2002 шт. Но следует добавить, что отраслей, производство в которых за первое десятилетие XXI в. сократилось, не так и много (данные по: [2; 8]). В целом можно отметить, что обрабатывающие отрасли промышленности и непромышленный сектор экономики развивались быстрее добывающих отраслей.

Очевидно, что различия темпов и направленности развития отраслей экономики проявляются в том числе и в формировании региональных различий. Северо-Запад, понимаемый как Северо-Западный федеральный округ (Северо-Западный и Северный экономические районы, а также Калининградская область), соединяет самые разные по истории освоения, уровню заселенности, отраслевой и территориальной структуре хозяйства регионы. Одна часть (Северо-Западный экономический район) располагается в основном в бассейне Балтийского моря, вторая (Северный экономический район) — относится к бассейну Северного Ледовитого океана. Эти части можно также обозначить как южные (Северо-Западный экономический район и Калининградская область) и северные (Северный экономический район) регионы Северо-Западного федерального округа.

Безо всякого анализа понятно, что различия между ними очень велики. Но вот насколько они велики и какова направленность процессов изменения этих различий на современном этапе развития? К сожалению, многочисленные исследования как Северо-Запада в целом, так и его отдельных регионов не дают внятного ответа на этот вопрос. А ответ очень важен, хотя бы для того чтобы иметь возможность прогнозировать будущие изменения пространственной структуры общества на макрорегиональном и региональном уровнях. В сфере прогнозирования очень часты «вульгарно-экономические» подходы, когда программы регионального развития больше напоминают собой нечто из сферы научной фантастики. Исследования, проведенные представителями различных наук, в частности экономической географии, при этом, как правило, игнорируются.

Экономическую географию можно определить как науку, изучающую территориальную структуру производительных сил. Методов исследования этой структуры, показателей и коэффициентов, ее характеризующих, на протяжении более чем столетней истории экономической географии предложено множество. Самый известный и самый простой показатель, рассчитываемый в ходе экономико-географических исследований, — коэффициент специализации (КС), который как раз и отражает значение того или иного региона для производства определенной продукции. Существует несколько способов расчета КС, самый простой и распространенный — определение его как отношения доли региона в производстве продукции к доле того же региона в населении страны. Наиболее значимый недостаток этого способа — игнорирование абсолютных показателей, но в целом его использование представляется вполне оправданным.

Вместо объема производства продукции для определения значения региона для остальной страны можно использовать объем основных фондов, размещенных в пределах региона.

С некоторой долей условности можно утверждать, что стоимость основных фондов представляет собой стоимостную оценку средств производства, одной из двух составляющих производительных сил, вторая их составляющая — люди, населяющие ту или иную территорию и собственно обеспечивающие возможность использования средств производства.

Коэффициент, рассчитываемый аналогично коэффициенту специализации как отношение доли региона в основных фондах России к его доле в населении страны, можно обозначить как коэффициент размещения основных фондов (КРОФ). Итоги расчетов приведены в таблице 1.

Таблица 1

Коэффициент размещения основных фондов

Субъект РФ	Доля региона в населении России			Доля региона в общей стоимости основных фондов			Коэффициент размещения основных фондов (КРОФ)		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Северо-Западный федеральный округ в целом	9,71	9,57	9,49	10,25	9,96	9,74	1,06	1,04	1,03
Республика Карелия	0,50	0,49	0,48	0,59	0,52	0,42	1,19	1,06	0,87
Республика Коми	0,71	0,69	0,68	1,30	1,39	1,31	1,83	2,00	1,95
Архангельская область	0,94	0,91	0,89	1,27	1,09	1,17	1,36	1,20	1,32
Вологодская область	0,88	0,87	0,86	0,93	0,96	0,92	1,06	1,11	1,07
Калининградская область	0,65	0,66	0,66	0,46	0,43	0,42	0,70	0,65	0,64
Ленинградская область	1,15	1,15	1,15	1,37	1,31	1,27	1,19	1,14	1,10
Мурманская область	0,63	0,61	0,59	0,89	0,83	0,83	1,40	1,36	1,40
Новгородская область	0,49	0,47	0,46	0,41	0,39	0,32	0,84	0,83	0,70
Псковская область	0,53	0,51	0,49	0,46	0,35	0,28	0,87	0,68	0,56
Санкт-Петербург	3,22	3,21	3,23	2,56	2,68	2,80	0,80	0,84	0,87

Примечание. Данные округлены до сотых, рассчитано по работе [8].

То, что КРОФ северных регионов, специализирующихся в основном на продукции добывающей промышленности, выше, чем южных, производящих главным образом продукцию обрабатывающей промышленности, вполне понятно. В начале исследуемого периода КРОФ Санкт-Петербурга был ниже, чем в Ленинградской, Новгородской и Псковской области. Вероятнее всего, это обусловлено более высоким уровнем развития в «северной столице» непромышленной сферы, удельные основные фонды которой невелики. На протяжении 2000—2009 гг. положение меняется. В Санкт-Петербурге значение КРОФ устойчиво растет, что связано с введением в строй новых промышленных мощностей, относящихся главным образом к машиностроению (например, автомобильные заводы южнокорейских и японских производителей). Ленинградская, Новгородская и Псковская области сдают свои позиции, особенно быстро последняя. Можно предположить, что в этих регионах ввод в действие новых мощностей не компенсирует убыли основных фондов вследствие закрытия ранее существовавших производств. КРОФ Калининградской области меняется слабо, но все же в сторону уменьшения. Там активно создаются новые предприятия, но они используют либо уже существующие мощности, либо отличаются очень невысокой фондоемкостью. При этом некоторые из ранее существовавших производств исчезают.

В северных регионах Северо-Запада ситуация противоречивая. В Карелии и Архангельской области, в значительной мере исчерпавших свой природно-ресурсный потенциал, КФОР сокращается. В Республике Коми, где в последние годы вовлекаются в эксплуатацию новые источники ресурсов (например, месторождения бокситов в районе Тиманского кряжа), этот коэффициент растет. В Мурманской области, экономическое благосостояние которой в значительной мере обеспечивается за счет транспортного комплекса, КРОФ практически не меняется.

Однако для исследований уровня и тенденций экономического развития региона важен не только объем основных фондов как таковых, но и эффективность их использования, в качестве показателя последней предлагается использовать коэффициент эффективности основных фондов (КЭОФ), рассчитываемый как отношение доли региона в производстве валового внутреннего продукта страны и его же доли в основных фондах. Итоги расчетов приведены в таблице 2.

Для большей части субъектов Федерации характерно волнообразное изменение эффективности использования основных фондов — снижение с 2000 по 2005 г. и последующий рост. Это связано с тем, что до первых лет XXI в. новые основные фонды формировались крайне медленно. Создание новых предприятий, развернувшееся активными темпами после 2000 г., способствовало обновлению основных фондов, которое, в свою очередь, привело к росту валового регионального продукта. Однако эти предприятия открывались в различных регионах Северо-Запада с разной интенсивностью. Хорошо заметно, что эффективность использования основных фондов в южных регионах СЗФО в целом выше, чем в северных, и растет быстрее. В этом проявляется опережающий рост обрабатывающих отраслей в сравнении с добывающими, характерный для экономики России последнего десятилетия.

Таблица 2

Коэффициент эффективности основных фондов

Субъект РФ	Доля региона в производстве валового регионального продукта (ВРП)			Доля региона в стоимости основных фондов			Коэффициент эффективности основных фондов (КЭОФ)		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Северо-Западный федеральный округ в целом	9,78	8,33	8,78	10,25	9,96	9,74	0,96	0,84	0,90
Республика Карелия	0,45	0,36	0,27	0,59	0,52	0,42	0,77	0,69	0,65
Республика Коми	1,15	0,79	0,78	1,30	1,39	1,31	0,88	0,57	0,59
Архангельская область	0,93	0,77	0,83	1,27	1,09	1,17	0,73	0,71	0,71
Вологодская область	1,09	0,90	0,55	0,93	0,96	0,92	1,17	0,93	0,60
Калининградская область	0,42	0,38	0,44	0,46	0,43	0,42	0,91	0,88	1,04
Ленинградская область	0,95	0,95	1,10	1,37	1,31	1,27	0,69	0,72	0,86
Мурманская область	0,93	0,61	0,52	0,89	0,83	0,83	1,05	0,74	0,63
Новгородская область	0,33	0,30	0,30	0,41	0,39	0,32	0,82	0,75	0,95
Псковская область	0,27	0,19	0,19	0,46	0,35	0,28	0,59	0,54	0,69
Санкт-Петербург	3,27	3,08	3,80	2,56	2,68	2,80	1,28	1,15	1,35

Примечание. Данные округлены до сотых, рассчитано по работам [3; 4; 7].

Наибольшей эффективностью на протяжении всего рассматриваемого периода характеризуется экономика Санкт-Петербурга. Можно утверждать, что это обусловлено высоким уровнем концентрации основных фондов на небольшой территории (примерно 1400 км², из которых около 800 — собственно город). Наличие в пределах Петербурга обширных слабо используемых территорий, застройка которых уже начата (формирование новых промышленных зон к северу и югу от собственно города), приведет к тому, что экономическая эффективность города будет возрастать и в пределах прогнозируемого будущего.

На 2000 г. КЭОФ выше 1 имели еще два субъекта Федерации кроме Санкт-Петербурга — Мурманская и Вологодская области. Но к 2009 г. значения КЭОФ у этих субъектов Федерации резко снизились, особенно заметно у Вологодской области. Но это снижение, ярко проявившееся в 2009 г., связано с последствиями кризиса 2008 г., сказавшемся на состоянии главного предприятия области — «Северстали». В Мурманской области, как и вообще в северных регионах СЗФО, снижение коэффициента экономической эффективности основных фондов приобрело вполне устойчивый характер.

Экономическая эффективность южных регионов, напротив, растет. Единственный субъект Федерации в СЗФР, где в 2000 г. КЭОФ был ниже 1, а в 2009 г. стал выше — Калининградская область. Это сопряжено с созданием предприятий, позволивших этому региону выйти на лидирующие позиции в производстве продукции новых отраслей машиностроения (радиотехническая промышленность). Но КЭОФ растет и там, где основные фонды создавались намного медленнее, чем в Ка-

лининградской области: в качестве примера можно привести Новгородскую и Псковскую области.

Большой интерес представляет также сопоставление коэффициентов размещения основных фондов (КРОФ) и эффективности основных фондов (КЭОФ) (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление коэффициентов размещения и эффективности основных фондов

Субъект РФ	Коэффициент размещения основных фондов (КРОФ)			Коэффициент эффективности основных фондов (КЭОФ)		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Северо-Западный федеральный округ в целом	1,06	1,04	1,03	0,96	0,84	0,90
Республика Карелия	1,19	1,06	0,87	0,77	0,69	0,65
Республика Коми	1,83	2,00	1,95	0,88	0,57	0,59
Архангельская область	1,36	1,20	1,32	0,73	0,71	0,71
Вологодская область	1,06	1,11	1,07	1,17	0,93	0,60
Калининградская область	0,70	0,65	0,64	0,91	0,88	1,04
Ленинградская область	1,19	1,14	1,10	0,69	0,72	0,86
Мурманская область	1,40	1,36	1,40	1,05	0,74	0,63
Новгородская область	0,84	0,83	0,70	0,82	0,75	0,95
Псковская область	0,87	0,68	0,56	0,59	0,54	0,69
Санкт-Петербург	0,80	0,84	0,87	1,28	1,15	1,35

Самые высокие коэффициенты размещения основных фондов (КРОФ) характерны для северных регионов (Республика Коми, Мурманская область, Архангельская область). Но коэффициенты эффективности основных фондов (КЭОФ) для этих же регионов в целом невысоки и обнаруживают тенденцию к снижению. Очень хорошо это заметно на примере Республики Коми, КРОФ на 2009 г. которой является самым высоким в пределах Северо-Западного федерального округа и на протяжении всего исследуемого периода устойчиво растет, а КЭОФ — самым низким. В южных регионах ситуация обратная. У всех регионов, расположенных на юге СЗФО, коэффициент размещения основных фондов ниже коэффициента их эффективности. Самое благоприятное сочетание КРОФ и КЭОФ по состоянию на 2009 г. у Калининградской области — КЭОФ выше КРОФ в 1,62 раза, у Санкт-Петербурга — в 1,55, в Новгородской области — в 1,35, в Псковской области — в 1,23.

Другими словами, для получения одного и того же экономического эффекта на севере требуется вложить гораздо больше средств, чем на юге. «Штурм Арктики», начавшийся в нашей стране еще в 20-е гг. XX в., конечно, много дал государству, но забрал еще больше. Именно поэтому после прекращения искусственной поддержки северных регионов в начале 90-х гг. оттуда начался массовый отток населения в южные, более благоприятные для жизни регионы. Можно предположить,

что если средства, направляемые на поддержку и развитие северных регионов, переориентировать на южные, то экономический и социальный эффект от этого будет более заметным.

Но региональное развитие не ограничивается только использованием основных фондов. Предложенные коэффициенты расчета коэффициентов размещения и эффективности позволяют отобразить состояние и использование средств производства. Однако не менее, а возможно, и более значимая составляющая регионального развития — уровень жизни населения, поскольку именно оно является как производителем, так и потребителем материальных благ, а также второй наряду со средствами производства составляющей производительных сил. Очень важным здесь представляется сравнительная оценка доходов и расходов населения. Для оценки уровня доходов можно использовать показатель средней начисленной заработной платы одного работника, расходов — стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Этот набор един для всей России. В состав набора включены 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг [7]. Для определения уровня жизни предлагается использовать коэффициент эффективности заработной платы (КЭЗП), рассчитываемый по формуле

$$\text{КЭЗП} = (\text{ЗПС} / \text{ЗПР}) / (\text{ФНС} / \text{ФНР}),$$

где КЭЗП — коэффициент эффективности заработной платы; ЗПС — среднемесячная начисленная заработная плата в субъекте Федерации; ЗПР — среднемесячная начисленная заработная плата в России; ФНС — стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в субъекте Федерации; ФНР — стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в России.

Итоги расчетов приведены в таблице 4.

Таблица 4

Коэффициент эффективности заработной платы

Субъект РФ	Отношение средней начисленной заработной платы в регионе к средней по России			Отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе к среднему по России			Коэффициент эффективности заработной платы		
	2001	2005	2010	2001	2005	2010	2001	2005	2010
Северо-Западный федеральный округ	1,13	1,11	1,12	1,03	1,04	1,06	1,10	1,06	1,06
Республика Карелия	1,05	1,02	0,94	0,96	0,95	1,03	1,02	0,98	0,91
Республика Коми	1,6	1,4	1,2	1,07	1,16	1,18	1,55	1,30	1,03
Архангельская область	1,14	1,15	1,05	0,98	1,05	1,13	1,11	1,11	0,93
В том числе Ненецкий автономный округ	2,85	2,69	2,23	1,50	1,65	1,59	2,77	2,58	1,41

Субъект РФ	Отношение средней начисленной заработной платы в регионе к средней по России			Отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе к среднему по России			Коэффициент эффективности заработной платы		
	2001	2005	2010	2001	2005	2010	2001	2005	2010
Вологодская область	1,08	1,03	0,88	0,92	0,96	1,01	1,05	0,99	0,86
Калининградская область	0,80	0,79	0,88	1,02	1,07	1,04	0,77	0,76	0,85
Ленинградская область	1,01	1,00	1,00	0,97	1,00	1,03	0,98	0,96	0,97
Мурманская область	1,66	1,46	1,36	1,31	1,33	1,27	1,61	1,40	1,07
Новгородская область	0,76	0,81	0,78	0,93	0,90	0,92	0,74	0,78	0,85
Псковская область	0,64	0,67	0,67	0,85	0,86	0,91	0,62	0,64	0,73

Примечание. Данные округлены до сотых, рассчитано по работам [1; 5; 6].

Коэффициент эффективности заработной платы (КЭЗП) в северных регионах СЗФО на протяжении первого десятилетия XX в. сокращался, а в южных — рос. Эту тенденцию следует однозначно оценить как положительную. Безусловно, абсолютные значения этого коэффициента на севере выше, чем на юге. Но если в 2001 г. разрыв между максимальным (Ненецкий автономный округ) и минимальным (Псковская область) показателем составлял 4,47 раза, то в 2010 г. — 1,9. Это свидетельствует о том, что при сохраняющемся разрыве уровня жизни населения северных и южных регионов в пользу северных на юге этот уровень растет быстрее. Если пытаться описать происходящее понятными словами, то жизнь и работа на Севере все больше и больше теряет экономический смысл. В советское время уровень заработной платы в северных регионах страны был существенно выше, чем в южных, благодаря районным коэффициентам и северным надбавкам. Цены же отличались не слишком значительно. Районные коэффициенты и северные надбавки сохранились, но в нынешних условиях цены «подтянулись» к зарплатам.

Южные регионы СЗФО, расположенные в бассейне Балтийского моря, в первом десятилетии XXI в. развивались опережающими темпами по сравнению с северными регионами в бассейне Северного Ледовитого океана. В целом такое развитие событий означает возврат к естественным пространственным основам существования российского государства, характерным для дореволюционного времени. Тогда в бассейне Балтийского моря находятся два из пяти наиболее мощных промышленных районов страны — Петербургский и Прибалтийский (Рижский — за пределами современной России). В советское время значение южных регионов устойчиво снижалось, а северных, ресурсных — столь же устойчиво росло, поскольку основной целью развития советской экономики было ее самообеспечение всеми видами природных ресурсов.

Модернизация, провозглашаемая основной целью развития страны на ближайшие годы и десятилетия, со всей очевидностью приведет к тому, что опережающее развитие южных регионов СЗФО будет про-

должаться. Модернизировать что-либо в северных регионах нечего, да и незачем. Добывающие отрасли, на которых они специализируются, фактически достигли своего технологического потолка. Увеличивать объем добычи полезных ископаемых и других видов природных ресурсов на Севере можно лишь за счет экстенсивного роста, т. е. освоения новых источников этих ресурсов. Но это освоение будет обходиться все дороже, а эффективность использования основных фондов и рабочей силы будет снижаться — что и происходит сейчас. Напротив, в южных регионах, не располагающих значительными запасами природных ресурсов, но имеющих выгодное экономико-географическое положение, благоприятные природные условия, ресурсы рабочей силы и высокий исходный уровень развития инфраструктуры, эффективность экономической деятельности можно увеличивать без особых усилий, что и подтверждается анализом тенденций развития, сформировавшихся в 2000—2010 гг.

Список литературы

1. *Где в России лучше жить. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2010 г.* // Российская газета, федеральный выпуск. 2011. 16 марта.
2. *Информация о социально-экономическом положении России, январь — декабрь 2010 г.* / Федеральная служба государственной статистики. М., 2011.
3. *Национальные счета России в 1994—2001 годах : стат. сб.* / Госкомстат России. М., 2002.
4. *Национальные счета России в 2003—2010 годах : стат. сб.* / Росстат. М., 2011.
5. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 : стат. сб.* / Госкомстат России. М., 2003.
6. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 : стат. сб.* / Росстат. М., 2007.
7. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 : стат. сб.* / Росстат. М., 2010.
8. *Российский статистический ежегодник 2010 / Федеральная служба государственной статистики.* М., 2011.

Об авторах

Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: lwowich@land.ru

Сазонова Ирина Евгеньевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

E-mail: lwowich@land.ru

THE TERRITORIAL STRUCTURE OF PRODUCTIVE FORCES OF RUSSIAN NORTH-WEST IN THE 2000-2010S

V. L. Martynov, I. Ye. Sazonova

*Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moyka embankment, Saint-Petersburg, 191186, Russia*

Received 26 August 2011

Regional disparities in Russia are examined by different sciences from different positions. Individual approaches are characteristic of economic geography, whose key concept is territorial division of labour. This article aims to describe and analyse the changes in spatial structure of economy of the Northwestern federal district over the first decade of the 21st century. The scientific significance of the study lies in that it offers a new methodology for assessing the economic efficiency of regions based on the use of easily available economic indicators. Its practical significance stems from the fact that the article identifies and described new trends in the development of Northwestern regions prevailing over the last years, which have not been comprehensively reflected in scientific literature to date. The main conclusions are as follows: after overcoming the crisis of the 1990s, the spatial development of economy of the North-West returns to the natural spatial principles typical of Russia of the early 20th century, which should be estimated as a positive development.

Key words: North-West, productive forces, regional development, key assets, investment, income, living standards.

References

1. Gde v Rossii luchshe zhit'. Osnovnye pokazateli social'no-jekonomicheskogo polozhenija subektov Rossijskoj Federacii v 2010 g. [Where better to live in Russia. The main indicators of socio-economic status of the Russian Federation in 2010], *Rossijskaja gazeta*, 2011, no. 5430, 16.03.2011.
2. Informacija o social'no-jekonomicheskom polozhenii Rossii, janvar' — dekabr' 2010 g., 2011, Moscow, Federal State Statistics.
3. Nacional'nye scheta Rossii v 1994—2001 godah [National Accounts of Russia, 1994—2001], 2002, Moscow, Federal State Statistics.
4. Nacional'nye scheta Rossii v 2003—2010 godah [National Accounts of Russia, 2003—2010], 2011, Moscow, Federal State Statistics.
5. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2003 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2003], 2003, Moscow, Federal State Statistics.
6. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2007 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2007], 2007, Moscow, Federal State Statistics.
7. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2010 [Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2010], 2010, Moscow, Federal State Statistics.
8. Rossijskij statističeskij ezhegodnik 2010 [Russian Statistical Yearbook 2010], 2011, Moscow, Federal State Statistics.

About authors

Prof. Vasily L. Martynov, Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: lwowich@land.ru

Dr Irina Ye. Sazonova, Associate Professor, Department of Economic Geography, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: lwowich@land.ru

**ОЦЕНКА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА
В УСЛОВИЯХ
ИННОВАЦИОННОЙ
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

К. Ю. Волошенко

А. М. Колосовский

А. А. Тихонова *

Рассматриваются научно-технический потенциал и инновационная деятельность как необходимые условия реализации инновационной модели экономики в таком особом регионе России, каким является Калининградская область. Выявлены проблемы роста научно-технического потенциала края, низкой эффективности и недостаточного уровня развития инновационной деятельности в целом и в сравнении со странами Балтийского региона. Рассмотрены предпосылки расширения научно-технологического сотрудничества Калининградской области с регионами Балтийского моря, ее включения в процесс формирования и развития инновационных форм предпринимательства. Особое внимание уделяется возможностям создания на территории стран Балтийского региона инновационных кластеров.

Ключевые слова: научно-технический потенциал, инновационная модель, региональная экономика, инновационная инфраструктура, человеческий капитал, инновационный кластер.

Современный этап мирохозяйственного развития характеризуется стремлением большинства стран к наращиванию научно-технического потенциала и повышению инновационной активности, что выступает первоочередным фактором обеспечения конкурентоспособности национальной экономики и фактически является новой моделью экономического роста. Это предполагает формирование качественно нового образа региона как территории инноваций.

Переход регионов на инновационный путь развития станет возможным при условии решения существующих проблем роста инновацион-

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 23.09.2011 г.

ной и деловой активности. Это предполагает повышение спроса на инновации со стороны хозяйствующих субъектов в разрезе основных видов экономической деятельности, рост эффективности и результативности фундаментальных и прикладных исследований, требует создания и развития соответствующей региональной инновационной инфраструктуры. В свою очередь, построение новой модели региональной экономики на инновационной основе невозможно без наличия мощного и динамично развивающегося научно-технологического и инновационного потенциала. В связи с этим необходимым является его изучение и комплексная оценка, что выступает в качестве базиса для дальнейшего роста инновационной активности и развития научно-технологического сотрудничества как регионов РФ, так стран Балтийского моря. Данные вопросы приобретают наибольшую актуальность для Калининградской области как особого региона РФ, с учетом его анклавного положения по отношению к странам ЕС, имеющихся ресурсных, институциональных и пространственных ограничений.

На протяжении ряда лет проводилась общая оценка научно-технического потенциала (далее — НТ-потенциал) и инновационной деятельности в Калининградской области [3; 5; 12]. М. А. Никитин и другие авторы [5, с. 8; 8] достаточно основательно и аргументированно на основе проводимых аналитических исследований сделали выводы относительно состояния и уровня научно-технологического развития региона, которые могут быть сведены к следующим положениям:

1. Калининградская область располагает достаточно высоким уровнем кадрового обеспечения по таким направлениям исследований и разработок, как морехозяйственная деятельность, промышленное и научное приборостроение, пищевые технологии и информационные технологии.

2. Инновационная эффективность использования НТ-потенциала в области значительно ниже, чем наблюдаемая в передовых в технологическом отношении странах, хотя соответствует среднему российскому уровню.

3. Основные причины низкой эффективности научно-технической и инновационной деятельности в регионе таковы: крайне низкий (депрессивный) уровень финансирования научных исследований вследствие государственной демпинговой политики в этой важнейшей сфере, отсутствие спроса на новые разработки со стороны рыночных субъектов, а также развитой инновационной инфраструктуры по поддержке малых высокотехнологичных предприятий (технопарки, инновационные центры и т. п.)

В связи с необходимостью внесения корректив в реализацию региональной инновационной политики с целью повышения ее эффективности представляется актуальным исследовать состояние научно-технической и инновационной деятельности в Калининградской области, а также дать ей оценку в сравнении со странами Балтийского региона.

За последние два десятилетия в отечественной и зарубежной науке появилось значительное число методик оценки и сравнительного анализа инновационного потенциала территории (региона, страны в целом). Среди наиболее значимых исследований по проблемам оценки инновационного и научно-технического потенциала могут быть назва-

ны подходы Всемирного банка, Национального научного фонда США, Всемирного экономического форума (ВЭФ), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Маастрихтского института экономических исследований в области инноваций и технологий (MERIT — Нидерланды) и Комиссии европейских сообществ (КЕС), Института экономики РАН, Независимого института социальной политики Российской Федерации, Центра стратегических разработок «Северо-Запад», рейтингового агентства «Эксперт РА» и авторские методики С. В. Кортова, Т. А. Штерцера, Э. П. Амosenок и В. А. Бажановой, А. Е. Варшавского, А. Б. Гусева, В. К. Заусаева, С. П. Быстрицкого и Н. Ю. Криворучко, В. Г. Матвейкина и С. И. Дворецкого, О. С. Москвиной, Е. В. Акинфеевой [2].

На основе методических подходов к анализу научно-технического и инновационного потенциала нами была проведена комплексная оценка по Калининградской области показателей, характеризующих состояние организаций, выполняющих НИР и НИОКР; кадровый потенциал, финансирование науки и инноватики; уровень инновационной активности, передовые производственные технологии, что в совокупности дает представление о научно-технологическом развитии региона.

Так, за период 2002—2010 гг. в Калининградской области число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, сократилось практически в 2 раза [7, с. 6]. Как правило, снижение происходило за счет ликвидации проектных и проектно-изыскательских, конструкторских (с 5 в 2002 г. до 2 в 2010 г.) и научно-исследовательских (с 6 в 2002 г. до 5 в 2010 г.) организаций, а также научно-технических подразделений на промышленных предприятиях [6, с. 7]. В качестве негативной тенденции может быть отмечено увеличение износа основных фондов в связи с сокращением объема инвестиций в базовый капитал. На конец 2010 г. по видам деятельности износ основных фондов составил: научные исследования и разработки — 65,9%; деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий, — 44,7%; разработка программного обеспечения и консультации в этой области — 62,2%; деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов — 44,2% [7, с. 5—6].

Научно-исследовательские кадры региона на 70—80% состоят из представителей технических, естественных наук и наук о Земле, 7—8% — сельскохозяйственных наук, а остальные (2—3%) — химических, биологических, общественных и гуманитарных [6; 7]. В целом же такая структура исследовательского корпуса региона полностью соответствует сложившемуся отраслевому устройству регионального хозяйства, основой которого являются промышленность и транспорт. Недостаточное развитие АПК региона, не соответствующее его потенциалу (около 47% земель сельскохозяйственного назначения выведены из оборота), зеркально отражает экономическую ситуацию в регионе. Обращает на себя внимание тенденция резкого сокращения численности представителей науки о Земле (с 232 в 2008 г. до 27 в 2010 г.), что можно объяс-

нить уходом квалифицированных кадров в другие, смежные области знаний под влиянием сложившейся конъюнктуры рынка научно-исследовательских услуг.

Состав персонала в Калининградской области, занятого в научных исследованиях и разработках, по категориям не является типичным как среди регионов РФ, так и стран Балтийского моря. Более половины работников — это прочий и вспомогательный персонал. Численность исследователей и техников, непосредственно осуществляющих создание новых продуктов, методов и систем, напротив, ежегодно сокращается. Недостаточный удельный вес исследователей в общей структуре персонала свидетельствует о ее несбалансированности, сдерживает развитие научно-технической сферы в регионе, что, принимая во внимание возрастную контингент исследователей (в 2010 г. 68,6% исследователей были старше 40 лет, средний возраст ученого в области — 47 лет, кандидата наук — 53 года, а доктора наук — 57 лет [7, с. 9]), создает угрозы потери в перспективе конкурентных преимуществ в части инновационной составляющей региональной экономики и выступает существенным институциональным барьером на пути реализации новой модели экономики, имеющей инновационную основу.

Изучение главного тренда внутренних затрат на исследования и разработки в исследовательских и проектно-конструкторских организациях региона (увеличение с 199,9 млн в 2000 г. до 1125 млн руб. в 2010 г. [7]) показало их постоянный рост, что свидетельствует о положительной динамике, поскольку демонстрирует увеличение добавленной стоимости в этой сфере услуг. С другой стороны, в 2010 г. около 75,9% совокупных внутренних затрат на научные исследования и разработки покрывались из средств бюджетов всех уровней (950 811,3 руб.). На втором месте по объему участия в финансировании внутренних затрат на научные исследования и разработки заняли средства организаций предпринимательского сектора (102 313 руб.), при этом значительно отставая от бюджетного финансирования, не превысив 10,76% от общего их объема [7]. Анализ ситуации говорит о том, что государственная поддержка научных исследований остается основой функционирования научно-исследовательского сектора региональной экономики. При этом предпринимательский сектор ориентирован прежде всего на высокорентабельные капиталовложения в краткосрочном периоде, так как бизнес готов поддержать только те разработки, которые по степени своего доведения максимально готовы к коммерческому использованию и внедрению. Это подтверждается фактическими данными о распределении внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам работ: по объемам финансирования наибольший удельный вес имеют разработки (1-е место), а также прикладные (2-е место) и фундаментальные исследования (3-е место). Проследить развитие этой тенденции можно начиная с 2000 г., когда у рыночных агентов (государство, бизнес, собственные источники исследовательских организаций и пр.) стали появляться средства на финансирование НИР. Максимальный относительный объем финансирования

разработок был достигнут в 2007-м — самом удачном в макроэкономическом плане докризисном году. В 2010 г. при росте абсолютных показателей объемов финансирования как прикладных исследований, так и разработок наблюдается абсолютное снижение данного показателя по фундаментальным исследованиям (на 21,9%). Такую, вообще говоря, ненормальную ситуацию для цивилизованных рынков НИР (но относительно нормальную для регионов России) можно объяснить снижением интереса заказчиков (как правило, коммерческих организаций) к фундаментальным исследованиям, из-за того что они не видят конкретного и скорого выхода на коммерческое использование их результатов.

Негативным фактором в реализации инновационной модели развития региональной экономики является уменьшение количества организаций, занимающихся инновационной деятельностью (в основном за счет осуществляющих технологические инновации), что в целом свидетельствует о падении инновационной активности в регионе: за пять лет (2006—2010 гг.) в 3 раза — с 36 до 11 [9—11]. Также снизилась их доля в общем объеме организаций области: с 14,1 в 2006 г. до 3% в 2010 г. Данная тенденция — следствие достаточно низкого интереса к научно-техническим разработкам и инновациям, создаваемым организациями Калининградской области, что подтверждается резким сокращением общего объема инновационных товаров, работ, услуг — в 2010 г. их было произведено в 82 раза меньше, чем в 2006 г. [6, с. 25]. Причем с 2008 г. из общего объема технологических инноваций исчезли продукция, работы, услуги, подвергавшиеся усовершенствованию, другими словами, все товары были вновь внедренными или подвергшимися значительным технологическим изменениям в течение последних трех лет.

Следует отметить, что с падением объемов производства технологических инноваций, резко снизились и затраты на них. Если в 2006 г. на технологические инновации было потрачено 2417,6 млн руб., то в 2010 г. — в 15 раз меньше (164 млн). Прежде всего сокращение общей величины затрат произошло за счет сворачивания исследований и разработок новых продуктов, услуг и методов их производства. В 33 раза уменьшились затраты на приобретение программных средств. В течение последних пяти лет наблюдалась сильная волатильность затрат на производственное проектирование, дизайн и другие разработки новых продуктов, услуг. Относительно стабильной в течение 2006—2010 гг. была лишь величина затрат на приобретение машин и оборудования, которая, однако, в 2010 г. достигла своего минимального значения (до 160,6 млн руб.). Основной объем затрат на технологические инновации в 2010 г. был связан с такими видами деятельности, как промышленное производство пищевых продуктов (включая напитки), целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них, а также готовых металлических изделий. В 2010 г. 99% затрат на технологические инновации — это затраты на продуктовые инновации. Для предприятий, разрабатывающих технологические инновации, в 2010 г. было характерно два основных источника финансирования: собственные (для ор-

ганизаций области) и заемные (для организаций Калининграда) средства. С точки зрения циклов производства большая доля (74 %) организаций в 2010 г. занималась технологическими инновациями со средней продолжительностью жизненного цикла (от 2 до 10 лет). Еще 13 % организаций осуществляли инновации, рассчитанные на годовой цикл производства. Таким образом, почти 90 % всех региональных хозяйствующих субъектов, задействованных в производстве инновационных товаров, работ, услуг, рассчитывают на извлечение прибыли в краткосрочном периоде. Кроме того, следует отметить, что в 2010 г. 50 % всех организаций, имевших завершенные технологические инновации в течение последних трех лет, пользовались инновациями в основном других организаций, и еще 25 % — внедряли их совместно [6; 7].

Устойчивое сокращение доли исследовательских организаций демонстрирует невостребованность на рынке инноваций, создаваемых специализированными организациями, равно как и инноваций вообще. Об этом говорит количество созданных передовых технологий (от 5 в 2006 г. до 1 в 2010 г.) и не идущее ни в какое с ним сравнение число использованных технологий — менее 0,1 %. Такая ситуация свидетельствует только об одном: экономика Калининградской области, являясь зеркалом общероссийской, практически не генерирует своих инноваций, получая доступ к ним через механизм диффузии инноваций [3, с. 136].

В отличие от большинства регионов РФ, где в последние годы наблюдается рост в сфере передовых технологий, на калининградском рынке сложилась обратная ситуация: спрос на научно-технические достижения специализированных организаций области падает. В течение 2006—2010 гг. в регионе происходило снижение числа разрабатываемых передовых производственных технологий. Наивысший пик по их количеству пришелся на предкризисный 2007 г. Если говорить о структуре, то за пять лет больше всего было создано в сферах «производство, обработка и сборка» (36 %) и «проектирование и инжиниринг» (36 %). Наименьшим спросом пользовались технологии в сферах: «производственная информационная система» (4,5 %) и «связь и управление» (4,5 %) [6, с. 26].

Состав используемых в регионе передовых производственных технологий в течение 2006—2010 гг. оставался практически неизменным. Основную долю (более 40 %) занимали технологии по проектированию и инжинирингу. Значительный удельный вес также у технологий по производству, обработке и сборке и в сфере связи и управления. Наименьшей популярностью среди предприятий области пользовались технологии, касающиеся интегрированного управления и контроля. Кроме того, в 2010 г. в Калининградской области наблюдались несбалансированные экспортно-импортные отношения в сфере обмена технологиями. Количество соглашений по экспорту почти в 2 раза превышало число договоров по импорту, а стоимость первых почти в 5 раз была больше, чем у вторых. При этом следует отметить, что основой

экспортной инновационной продукции региона являлись промышленные образцы (89% от общей стоимости экспортных соглашений). В то время как основой импорта выступили инжиниринговые услуги (95,6%). Данная структура говорит о недостаточном развитии сектора инжиниринговых услуг в регионе, а отсутствие баланса между экспортом и импортом не позволяет в достаточной мере обеспечивать приток инноваций на региональный рынок [6, с. 28]. Если рассматривать обмен технологиями с точки зрения сферы назначения объекта соглашения, то на экспорт, как правило, направлялись технологии в сфере обрабатывающих производств, а импортировались — связанные с производством медицинских изделий, средств измерений, контроля, управления и испытаний, оптических приборов, фото- и кинооборудования, часов.

Уровень развития информационных и коммуникационных технологий в регионе играет немаловажную роль для перехода к инновационной модели экономики. Оснащенность информационными и коммуникационными технологиями предоставляет большие возможности для решения задач, стоящих перед бизнесом, позволяя хозяйствующим субъектам использовать информационное пространство эффективнее. Так, более 92% обследованных предприятий и организаций различных форм собственности в Калининградской области применяли в своей деятельности в 2010 г. информационные и коммуникационные технологии. При этом 91,8% — оснащены персональными компьютерами, 82% — подключены к сети Интернет, 80,8% — работают с электронной почтой, 62,8% — с локальными вычислительными сетями, 36,4% — выделенными каналами связи. Это, в свою очередь, определяет высокий уровень доступа работников к информационным и коммуникационным технологиям в регионе. В 2010 г. 97,7% всех работников имели возможность выхода в Интернет, 41,3% — в другие глобальные сети, 97,4% — пользовались электронной почтой, 70,6% — выделенными каналами связи [6; 7].

Проведенный анализ статистических показателей состояния и развития сферы инноватики, а также научных исследований и инноваций выявил, что в Калининградской области продолжает функционировать научно-технологическая инфраструктура, созданная во многом на предыдущем, еще советском этапе развития, с включением элементов современной инновационной инфраструктуры, которая, однако, не представляет собой целостной системы инновационного поведения и развития региональной экономики. Это определяет более низкий уровень научно-технологического развития Калининградской области в сравнении с регионами стран Балтийского моря. Так, авторами в ходе экспериментальной проверки разработанной методики [2] была проведена сравнительная оценка инновационного потенциала регионов Северо-Запада России и стран Балтийского моря (на примере Дании и Швеции). В результате было обнаружено, что для Калининградской области в отличие от регионов Балтийского моря характерно преобладание в научно-техническом потенциале кадровой и материально-

технической составляющих, в то время как научно-исследовательская компонента и преобразующие способности потенциала представлены не столь широко¹.

Учитывая недостаточно высокий уровень научно-технического и инновационного развития Калининградской области, однако сильные позиции в части кадрового и материально-технического обеспечения инновационной деятельности, а также значительный социально-экономический потенциал, в качестве одного из перспективных направлений развития региона в будущем выступает расширение научно-технологического сотрудничества с сопредельными странами, в частности регионами Балтийского моря. Взаимовыгодное сотрудничество сторон обусловливается возможностями аккумулирования новых знаний, создания инновационной продукции при совместном использовании имеющихся потенциалов и последующего ее продвижения на европейский и общероссийский рынки. Обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций возможно благодаря развитию таких инновационных форм предпринимательства в Балтийском регионе, как территориально-производственные и инновационные кластеры. При этом перспективным, учитывая различия в уровне развития составляющих научно-технического потенциала регионов, является создание единых инновационных кластеров на территории Балтийского региона, объединяющих различные компоненты инновационного потенциала всех участников, что обеспечивает достижение синергетического эффекта и реализацию стратегической модели экономического роста на основе интеллектуальных ресурсов, использования передовых технологий и последующей интеграции в научно-производственной сфере в рамках формирующейся глобальной инновационной экономики.

Список литературы

1. Амосенко Э. П., Бажанов В. А. Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России // Регион: экономика и социология. 2006. № 2. С. 134—145.

¹ Согласно разработанной методике сравнительной оценки научно-технического потенциала на региональном уровне *кадровая компонента* характеризует численность исследователей и занятых лиц в сфере производства высокотехнологичной продукции, *материально-техническая* — уровень материально-технического оснащения инновационной деятельности, *научно-исследовательская* — активность процессов создания и использования научных разработок и инноваций, *преобразующие способности научно-технического потенциала* характеризуют прирост возможностей систем (технические, технологические, информационные, квалификационные, интеллектуальные, организационно-управленческие и пр.).

2. Волошенко К. Ю. Методические особенности сравнительной оценки инновационного потенциала регионов Северо-Запада России и стран Балтийского моря // Исследования Балтийского региона : вестник Социально-гуманитарного парка БФУ им. И. Канта. Калининград, 2011. № 1 (7). С. 16—33.

3. Ивченко В. В., Саванович С. В., Саванович А. В. Развитие инновационной инфраструктуры приморского региона России. Моделирование управления развитием : монография / под ред. В. В. Ивченко. Калининград, 2010.

4. Колосовский А. М. Экономика особого субъекта России : монография. Калининград, 2006.

5. Концепция развития инновационной инфраструктуры Калининградской области / под ред. М. А. Никитина. Калининград, 2008.

6. Наука и инновации в Калининградской области : стат. сб. Калининград, 2011.

7. Научные исследования и инновации Калининградской области в 2010 году : аналитическая записка / Калининградстат. Калининград, 2011.

8. Никитин М. А., Ивченко В. В., Беспалов В. А., Поляков С. Г. Научно-технический и инновационный потенциал Калининградской области. Калининград, 2005.

9. Сведения об инновационной деятельности организации в 2008 году : стат. бюллетень / Калининградстат. Калининград, 2011.

10. Сведения об инновационной деятельности организации в 2009 году : стат. бюллетень / Калининградстат. Калининград, 2011.

11. Сведения об инновационной деятельности организации в 2010 году : стат. бюллетень / Калининградстат. Калининград, 2011.

12. Штерцер Т. А. Эмпирический анализ факторов инновационной активности в субъектах РФ // Вестник НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2005. Т. 5, вып. 2.

Об авторах

Волошенко Ксения Юрьевна, кандидат экономических наук, директор НОЦ «Региональные исследования», Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Колосовский Андрей Михайлович, кандидат технических наук, доцент, начальник отдела управления стратегическим развитием региона НОЦ «Региональные исследования», Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: AKolosovskii@kantiana.ru

Тихонова Анна Алексеевна, аспирант, аналитик отдела управления стратегическим развитием региона НОЦ «Региональные исследования», Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: AnnaTikhonova@kantiana.ru

THE ASSESSMENT OF RESEARCH AND TECHNICAL POTENTIAL
IN THE FRAMEWORK OF INNOVATIVE MODEL OF DEVELOPMENT
OF REGIONAL ECONOMY

K. Yu. Voloshenko, A. M. Kolosovsky, A. A. Tikhonova

*Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received 23 September 2011

This article considers the research and technical potential and innovative activity in a special region of Russia – the Kaliningrad region. The authors assess the research and technical potential and the achieved level of innovative activity in the Kaliningrad region as necessary prerequisites for the implementation of innovative model of economy. This work identifies the problems of improving the research and technical potential of the region, the low efficiency and insufficient level of development of innovative activity in general and in comparison to the Baltic Sea region states. The authors also focus on the prerequisites for the development of research and technical cooperation of the Kaliningrad region with the regions of the Baltic Sea and its involvement in the process of development of innovative entrepreneurship. Special attention is paid to the opportunities for the creation of innovative clusters in the Baltic region states.

Key words: research and technical potential, innovation activity, regional economy, innovative infrastructure, human capital.

References

1. Amosenok, Je. P., Bazhanov, V. A. 2006, *Region: jekonomika i sociologija*, no. 2, pp. 134—145.
2. Voloshenko, K. Ju. 2011, *Issledovanija Baltijskogo regiona — Vestnik Social'no-gumanitarnogo parka BFU im. I. Kanta*, no. 1 (7), pp. 16—33.
3. Ivchenko, V. V., Savanovich, S. V. and Savanovich, A. V. 2010, *Razvitie innovacionnoj infrastruktury primorskogo regiona Rossii. Modelirovanie upravlenija razvitiem* [The development of innovation infrastructure of the seaside region of Russia. Modeling of Development Management], Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 158 p.
4. Kolosovskiy, A. M. 2006, *Jekonomika osobogo subekta Rossii* [Special subject of Russia's economy], Kaliningrad, Izd-vo FGOU VPO «KGTU», 303 p.
5. *Koncepcija razvitiya innovacionnoj infrastruktury Kaliningradskoj oblasti* [The concept of innovation infrastructure development of the Kaliningrad region], 2008, Kaliningrad, 146 p.
6. *Nauka i innovacii v Kaliningradskoj oblasti. Statisticheskij sbornik* [Science and Innovation in the Kaliningrad region. Statistical Compendium], 2011 Kaliningrad, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kaliningradskoj oblasti, 40 p.
7. *Nauchnye issledovanija i innovacii Kaliningradskoj oblasti v 2010 godu. Analiticheskaja zapiska* [Research and innovation in the Kaliningrad region in 2010. Policy Brief], 2011, Kaliningrad, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kaliningradskoj oblasti, 31 p.

8. Nikitin, M. A., Ivchenko, V. V., Bespalov, V. A. and Poljakov, S. G. 2005, Nauchno-tehnicheskij i innovacionnyj potencial Kaliningradskoj oblasti, [Scientific, technological and innovative potential of the Kaliningrad region], Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 125 p.

9. Svedenija ob innovacionnoj dejatel'nosti organizacii v 2008 godu Statisticheskij bjulleten' [Information about the organization of innovative activity in 2008 Statistical bulletin], 2011, Kaliningrad, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kaliningradskoj oblasti, 24 p.

10. Svedenija ob innovacionnoj dejatel'nosti organizacii v 2009 godu Statisticheskij bjulleten' [Information about the organization of innovative activity in 2009 Statistical bulletin], 2011, Kaliningrad, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kaliningradskoj oblasti, 45 p.

11. Svedenija ob innovacionnoj dejatel'nosti organizacii v 2010 godu Statisticheskij bjulleten' [Information about the organization of innovative activity in 2010 Statistical bulletin], 2011, Kaliningrad, Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kaliningradskoj oblasti, 60 p.

12. Shtercer, T. A. 2005, *Vestnik NGU*, Ser. Social'no-jekonomicheskie nauki, vol. 5, no. 2.

About authors

Dr Ksenya Yu. Voloshenko, director of the "Regional studies" research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Dr Andrei M. Kolosovsky, Associate Professor, head of the Management of Regional Strategic Development Unit of the "Regional studies" research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: AKolosovskii@kantiana.ru

Anna A. Tikhonova, PhD-student, analyst of Management of Regional Strategic Development Unit of the "Regional studies" research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: AnnaTikhonova@kantiana.ru

**СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ
ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ:
СОВРЕМЕННЫЕ
ВЫЗОВЫ**

*Г. Клютер**

*А. В. Левченков***

После объединения Германии сельское хозяйство востока страны развивалось очень динамично. В то же время в середине 1990-х гг. были заложены основы тех негативных явлений, которые отмечаются в настоящее время. Цель нашего исследования — определение проблем и имеющихся вызовов в сельской местности Восточной Германии, без решения которых дальнейшее устойчивое развитие региона довольно проблематично. На основе анализа статистических данных по сельскому хозяйству подробно характеризуются структура сельхозпредприятий, землепользования, а также основные показатели сельского хозяйства. Рассмотрены плюсы и минусы проводимой политики пространственного планирования в сельской местности. Критически осмыслена ситуация в сельской местности, как варианты возможного ее развития предложены конкретные мероприятия по изменению наблюдаемых негативных тенденций. Показана необходимость диверсификации структуры занятых, смены подхода к территориальному планированию сельской местности, несмотря на все те изменения, считающиеся положительными, которые произошли после объединения ГДР и ФРГ.

Ключевые слова: Восточная Германия, сельская местность, сельское хозяйство, пространственное планирование, центральные места.

Закономерный интерес к изучению современных вызовов в развитии сельской местности новых земель Германии (бывшей ГДР) вызывает не только сам процесс перехода от плановой экономики к рыночной системе хозяйствования, но и схожесть генезиса, истории развития сельской местности и хозяйства Восточной Германии с Калининградской областью.

*Университет Грайсфальд.
17489, Германия, Грайфсвальд, Домштрассе, 11.

**Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта.
236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 17.07.2011 г.

Например, как и в СССР, в сельской местности ГДР с начала 1970-х гг. проводились мероприятия по оптимизации сельского расселения [12; 13]. В качестве исходной предпосылки можно утверждать, что актуальные процессы в новых землях Германии имеют много общего с ситуацией, складывающейся в России в целом и в Калининградской области в частности. Исторические, культурные, социально-экономические условия формирования системы сельского расселения до 1945 г., применение в ГДР советского опыта при планировании и застройке сельских поселений обусловили схожесть трансформационных процессов начиная с 1990-х гг. [8]¹ в сельской местности Восточной Германии и Калининградской области. Необходимо, однако, отметить, что сельская местность занимала до недавнего времени значительное место в территориальном и пространственном планировании СССР и ГДР, а в ФРГ и сейчас активно ведутся дискуссии о путях ее развития [3—5; 11].

В ходе трансформации с начала 1990-х гг. структурные проблемы сельских территорий на востоке Германии, как показали исследования, обострились еще больше [1; 2; 14]. В середине 1990-х гг. у многих экспертов сложилось впечатление, что падение производственных показателей после объединения Германии прекратилось, и в дальнейшем будет только рост. Однако сокращение муниципальных бюджетов, снижение объемов государственных трансфертов сельским муниципалитетам, закрытие некоторых государственных программ по поддержке рынка занятости привели к некоторой переоценке происходящих событий. Тем не менее по общепринятой оценке (которую разделяют не все исследователи) сельское хозяйство Восточной Германии благодаря крупным размерам сельскохозяйственных предприятий является перспективной отраслью, которая не только конкурентоспособна по отношению к сельскому хозяйству Западной Германии, но и «обогнала его» в некоторых секторах.

Актуальные тренды развития сельского хозяйства

Если рассматривать место первичного сектора экономики в производстве ВВП Германии, то выясняется, что доля сельского, лесного хозяйств и рыболовства на востоке в общем производстве с 1991 по 2009 г. уменьшилась в два раза — с 2,2 до 1,1%, на западе — с 1,3 до 0,8% [15]. На фоне падения промышленного производства на востоке значение сельского хозяйства в целом продолжает оставаться значимым сектором экономики, хотя существуют и региональные различия: так, в аграрном регионе Мекленбург-Передняя Померания доля сельского хозяйства традиционно выше общегерманского и даже «восточного» уровня: 1,1 млрд евро, или 3,9% ВРП (2009) [16]. В то же время по та-

¹ Материал подготовили с советской стороны Госкомитет по строительству и архитектуре при Госстрое СССР, ЦНИИ по планировке и застройке сельских населенных мест и гражданскому строительству на селе «ЦНИИЭПГраждансельстрой»; с немецкой стороны Строительная академия ГДР, Институт сельскохозяйственного строительства (Institut für Landwirtschaftliche Bauten).

кому важному показателю интенсивности ведения хозяйства, как валовая добавленная стоимость, рассчитываемой на гектар, земли бывшей ГДР сильно отстают от земель ФРГ. При среднем для страны значении в 1 100 евро/га все пять восточных регионов с гектара обрабатываемой земли получают от 590 (Мекленбург-Передняя Померания) до 800 евро/га (Саксония) [6].

В структуре организационных форм сельхозпредприятий преобладают частные предприниматели (фермеры) — 91% всех хозяйств по основной и дополнительной деятельности, крупных юридических организаций — всего 2% (рис. 1, а). Однако крупным юридическим предприятиям принадлежит 18% всех используемых сельскохозяйственных площадей в Германии. Фермеры, для которых сельский труд является основным видом деятельности, владеют только половиной всей земли — 49% (рис. 1, б).

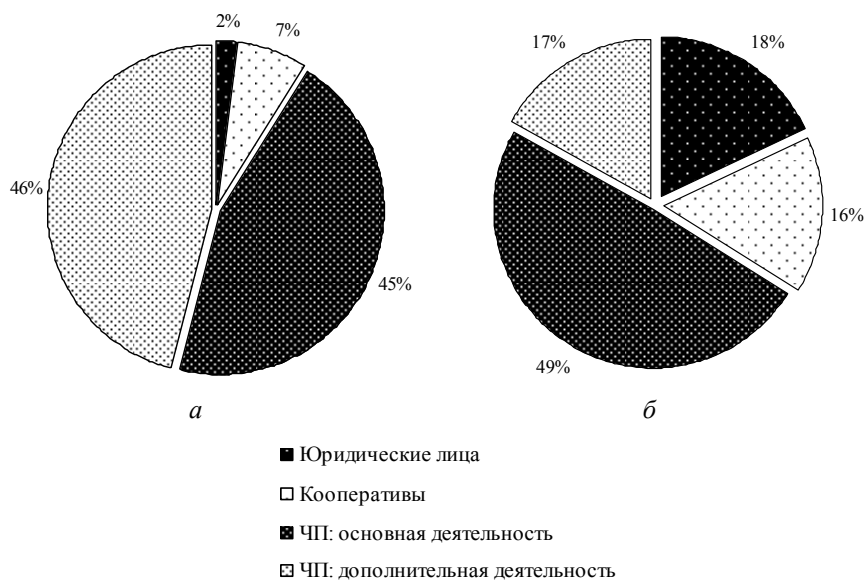

Рис. 1. Структура сельскохозяйственных предприятий в Германии в 2010 г.: а — хозяйства, всего 300 600 ед.; б — сельхозплощадь, всего 16,8 млн га [15]

После объединения Германии неудавшаяся попытка реприватизации продолжает сдерживать широкую капитализацию сельского хозяйства. Например, в типичном аграрном регионе Мекленбург-Передняя Померания в 2007 г. насчитывалось 5 432 сельхозпредприятий, а в индустриальном Северном Рейне-Вестфалии — 47 511. И это при практически одинаковой величине сельскохозяйственных земель: в Мекленбурге-Передней Померании — 1 355 800 га, в Северном Рейне-Вестфалии — 1 503 200 [15], при этом в последнем к тому же еще в пять раз больше занятых в сельском хозяйстве. То есть восточные земли по-прежнему остаются вотчиной крупных сельскохозяйственных предприятий. В Саксонии-Ангальт 43% всех предприятий имеют более 100 га,

в Мекленбурге-Передней Померании — 42 %, в Бранденбурге — 31 %, в Тюрингии — 24 % и Саксонии — 18 %. Для сравнения на западе страны наибольшая доля таких хозяйств в Шлезвиг-Гольштейне — 17,5 % [6]. В восточных землях крупным хозяйствам принадлежит до 90 % всей площади (рис. 2).

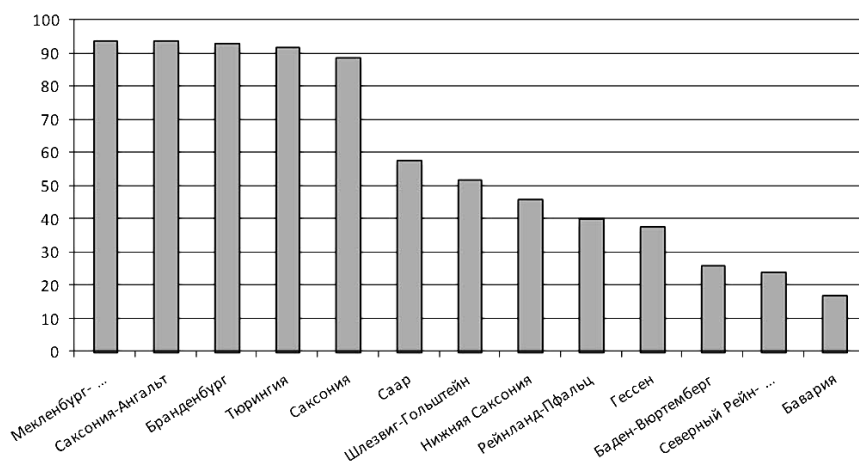

Рис. 2. Доля хозяйств размером в 100 и более га в общей площади сельскохозяйственных земель в 2007 г. [15]

Сегмент малых и средних хозяйств в Восточной Германии очень слаб и незначителен. Структура землевладения на востоке страны напоминает перевернутую пирамиду позднефеодального периода. Продолжает снижаться количество частных предпринимателей (фермеров) по своей основной и дополнительной деятельности в сельском хозяйстве: так в 2007 и 2010 гг. их стало меньше на 11 и 5 % соответственно. Число кооперативов, наоборот, увеличилось на 15%. При общих современных условиях фермерам все труднее удастся найти себе преемников (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение количеств владельцев фермерских хозяйств в Восточной и Западной Германии [6]

Германия	Общее количество фермерских хозяйств	Хозяйства с владельцами в возрасте 45 лет и старше		Хозяйства без преемников (или вопрос не определен)	
		Чел.	%	Чел.	%
Западная	271 100	174 100	69,5	121 000	44,63
Восточная	24 500	12 600	70,63	8 900	36,33

Во многом благодаря размерам своих земель, а также субвенциям из Брюсселя прибыль восточногерманских предприятий выше средней по стране. Так, в 2007—2008 гг. три федеральные земли на востоке страны намного превысили средний на одно хозяйство показатель прибыльности в 50 тыс. евро: Мекленбург-Передняя Померания (94 тыс.),

Саксония-Ангальт (92 тыс.) и Тюрингия (64 тыс.). Четыре западные земли, в первую очередь из-за преобладания мелкоземельного землевладения, находились ниже среднего значения (Северный Рейн-Вестфалия, Гессен, Бавария и Баден-Вюртемберг).

Интересен также и такой показатель, как интенсивность использования рабочей силы на гектар обрабатываемых земель. В среднем по Германии на 1 тыс. га сельхозугодий трудится 51 человек [9]. Практически все западные земли лежат выше среднего значения, то есть сельское хозяйство востока обходится гораздо меньшими силами (рис. 3).

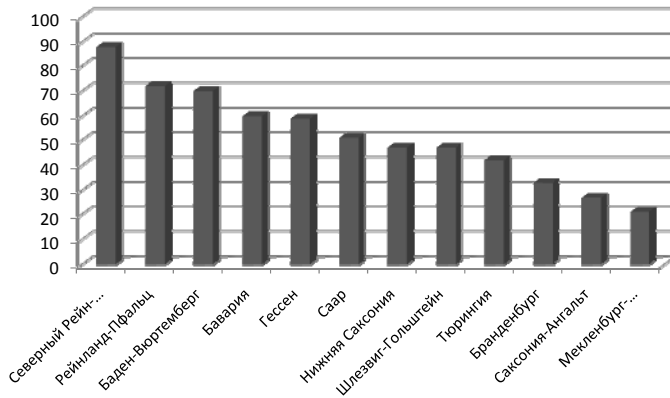

Рис. 3. Интенсивность использования рабочей силы на сельскохозяйственных землях в 2009 г. (чел./1000 га) [15]

Налицо тенденция снижения абсолютного числа лиц, постоянно занятых в сельском хозяйстве на территории бывшей ГДР. В качестве примера сравним динамику численности занятых в сельском хозяйстве практически равных по площади обрабатываемых земель Северного Рейна-Вестфалии и Мекленбурга-Передней Померании (рис. 4).

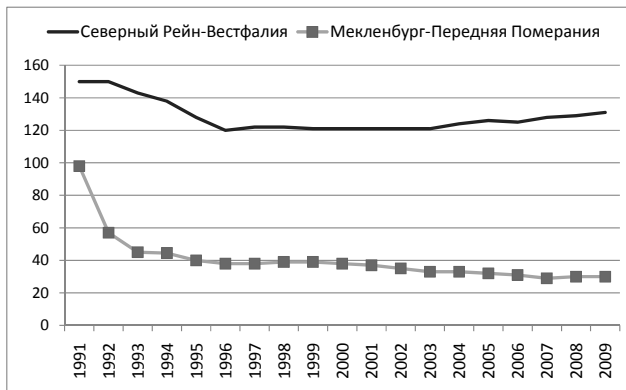

Рис. 4. Динамика занятых в сельском, лесном хозяйствах и рыболовстве в землях Северного Рейна-Вестфалии и Мекленбурга-Передней Померании в 1991—2009 гг. [6]

Как видно из рисунка 4, число занятых в первичном секторе в Мекленбурге за первые пять лет после объединения сократилось более чем в два раза. В то время как с 2003 г. число занятых в Северном Рейне-Вестфалии несколько увеличилось, на востоке ситуация остается без перемен. Поэтому неудивительно, что население, в особенности молодежь, покидает село, так как оно не связано с землей, не владеет ею и, самое главное, не видит перспективы и не находит возможности работать на земле.

Одной из отличительных черт сельскохозяйственной политики в ЕС является политика прямых выплат и субвенций предприятиям, занимающихся по основному роду своей деятельности сельским хозяйством. Так как размер этих выплат с недавнего времени зависит от размера обрабатываемых земель, то вполне понятно, что этот вид расходов Европейского союза в Германии касался прежде всего востока страны. Так, только в Мекленбурге-Передней Померании на одно хозяйство в 2007—2008 гг. приходились максимальные 98 тыс. евро, в Бранденбурге — 67,5 тыс., а в западном Гессене — 28,6 тыс. (среднегерманский уровень) [15].

По отдельным хозяйствам размеры субвенций и платежей на востоке страны могут достигать астрономических величин (табл. 2).

Таблица 2

Получатели субвенций в земле Бранденбург за 2009 г. [17]

Предприятие	Размер субвенций, евро	Количество занятых чел.	Угодья, га	Количество занятых чел./га	Субвенции на 1 занятого
1. Stadtgut Berlin SÜD Vierling KG	2 274 330	78	5 700	1,4	29 158
2. Landwirtschaft Golzow GmbH	2 059 119	100	6 800	1,5	20 591
3. Agrarprodukte Dede-low GmbH	1 615 546	118	3 811	3,1	13 691
4. Agrargenossenschaft Neuzelle eG	1 581 188	120	5 700	2,1	13 176
5. Agrargenossenschaft Mülberg eG	1 559 230	120	6 000	2,0	12 993
...					
75. AGRO Tierzucht und Pflanzenproduktion GmbH	620 758	72	5 000	1,4	8 621

В Мекленбурге-Передней Померании крупные сельхозпредприятия с наделом земли свыше 300 га в 2007/08 финансовом году получили субвенций в среднем на 688 212 евро (таких насчиталось 1 324). Таким образом, доля европейских денег в общей выручке крупных восточногерманских сельхозпредприятий может составлять 18—24%! На западе страны

этот показатель не превышает 7—9%. То есть увеличение обрабатываемых площадей необходимо хозяйствам не для роста производимой продукции, а ради сопутствующих эффектов — субвенций и выплат.

Сразу после объединения страны в сельском хозяйстве Восточной Германии отмечался рост инвестиционных вложений, однако после 1994 г. вливание средств пошло на убыль. Некоторый рост наблюдается с 2003 г., однако не такой, как на западе страны. В среднем по стране на каждый гектар сельскохозяйственных земель выделяется ежегодно около 480 евро. Лидируют земли Рейнланд-Пфальц (695 евро), Бавария (590 евро) и Северный-Рейн-Вестфалия (580 евро) (во многом благодаря специализации на виноделии). Тогда как восточные земли с преобладанием больших по размеру обрабатываемых площадей сильно отстают: Саксония-Ангальт — 360, Тюрингия — 310, Мекленбург-Передняя Померания — 285 и Бранденбург — 270 евро инвестиций на гектар. Несмотря на все программы поддержки, относительные показатели инвестиционных вложений в Восточной Германии продолжают оставаться довольно низкими.

Восточная Германия, обладая свыше $\frac{1}{3}$ площади обрабатываемых земель, «производит» только $\frac{1}{4}$ всей добавленной сельскохозяйственной стоимости. Значительно ниже среднего уровня представлен экологический способ возделывания культур. Незначительны также общее количество восточногерманских сельхозпредприятий и доля трудоемких отраслей растениеводства (картофелеводство) (рис. 5).

* Данные за 2010 г.

Рис. 5. Показатели состояния сельского хозяйства в Германии (2009) [15]

Еще одним трендом для сельской местности востока является процесс утраты сельским хозяйством своих позиций за счет туризма. В Саксонии в 1999 г. и в Мекленбурге-Передней Померании в 2005 г. туризм по величине добавленной стоимости обогнал сельское хозяйство. В Тю-

рингии они равны, и только в Саксонии-Ангальт сельское хозяйство имеет преимущество. А если кроме туристического сектора учитывать торговлю и транспорт, то значение сельского хозяйства уменьшится еще больше.

Суммируя вышесказанное, можно сделать неутешительный вывод о том, что сельское хозяйство в восточной части Германии теряет свои позиции как ведущая экономическая сила в сельской местности.

Общая парадигма пространственного планирования сельской местности

В условиях развитого федерализма пространственное планирование в Германии четко разделено на уровни. Решение актуальных задач территориального и пространственного планирования в целом, в том числе в сельской местности, делегировано федеральным землям. Каждая земля разрабатывает собственные планы развития на определенные периоды. Занимаются этим соответствующие подразделения в различных земельных министерствах. В Саксонии, например, мероприятия по пространственному планированию относятся к компетенции Министерства внутренних дел. В Баварии, напротив, планы составляются сроком на пять лет в Министерстве экономики, инфраструктуры, транспорта и технологии и публикуются в виде докладов (последний доклад о проделанной в 2003—2007 гг. работе был опубликован в июле 2009 г.).

Основными целями при пространственном планировании на земельном уровне, к примеру, управления «Территориальное развитие» Министерства энергетики, инфраструктуры и территориального развития земли Мекленбург-Передняя Померания являются:

- усиление малых и крупных поселений как центров развития, включая сельские районы;
- расширение транспортной сети, улучшение доступности всех частей региона;
- защита и одновременно максимально эффективное использование природного потенциала [7].

Разработкой общих генеральных концепций занимается подразделение Федерального агентства по строительству и пространственному планированию — Институт строительства, городского и территориального развития (*Bundesinstitut für Bau-, Stadt- und Raumforschung*). Раз в пять лет институтом подготавливаются доклады о пространственном планировании (*Raumordnungsbericht*), в которых дается обзор общих направлений. После обсуждения в парламенте и в среде профессионалов принятые решения по пространственному планированию публикуются институтом в виде так называемых *моделей (Leitbilder)* [10].

Согласно концепции развития в отношении сельской местности основным инструментом в обеспечении доступности услуг является система центральных мест, где главными объектами выступают элементы инфраструктуры и снабжения (как материального, так и культурного), а субъектом — население с его показателями (естественные и механиче-

ские прирост/убыль, уровень занятости/безработицы, доходы). Согласно Программе пространственного развития земли Мекленбург-Передняя Померания задачи центральных мест заключаются в выполнении связующих функций и экономическом развитии территории, а также обеспечении культурной, образовательной, социальной и оздоровительной инфраструктурой [7]. Важным моментом в данной политике является то, что ликвидация некоторых элементов инфраструктуры в случае необходимости происходит в первую очередь вне центральных мест. Если такая ликвидация необходима в центральном месте, то она осуществляется только после предоставления соответствующих услуг населению соседним центром. При невозможности выполнения определенными высшими и средними центрами некоторых своих функций в полном объеме допускается кооперация соседних равнозначных центров или высшего уровня.

В сельской местности именно центры низшего уровня (или основные центры) образуют каркас экономической и общественной жизни, при этом доля влияния для каждого базисного центра выделяется эмпирически.

Сохранение структуры расселения путем децентрализованной концентрации на фоне процессов депопуляции является главной задачей земельного развития. Перспективный расселенческий потенциал должен использоваться прежде всего для укрепления центральных мест. Основные центры и места концентрации поселений в малозаселенных сельских районах можно сберечь путем обязательного предоставления жизнеобеспечивающих услуг и соответствующей инфраструктуры. Вне центров ведется в основном только жилищное частное строительство. Коммерческая застройка осуществляется, как правило, в центральных районах, где есть необходимый потенциал в области инфраструктуры, трудовых, жилищных, культурных и спортивных услуг. Там же рекомендуется размещать и новые производственные площадки.

На развитие сельской местности оказывает влияние и муниципальное устройство. На востоке страны сельские муниципалитеты часто слишком малы и/или финансово не в состоянии разработать контрстратегии против падения значения сельского хозяйства и миграции трудовых ресурсов. Что, в свою очередь, приводит к дальнейшей ликвидации элементов инфраструктуры. При таком сценарии развития с насиженных мест будет вынуждено уехать и то население, которые хотели бы остаться на месте.

Прежние принципы, основанные на связи расселения с характером землепользования, в настоящее время в полной мере уже не работают: можно жить в любом месте и управлять землепользованием на расстоянии. Особенно это касается крупных сельскохозяйственных предприятий или частных инвесторов, которые управляют своей землей через наемный персонал.

Сохранившаяся со времен ГДР структура крупноземельных хозяйств в современных условиях не в состоянии обеспечить достаточное

развитие сельской местности. Большая часть сельского хозяйства Восточной Германии на региональном уровне непродуктивна.

Несмотря на региональные различия, в сельской местности Восточной Германии можно выделить тенденции, во многом схожие с положением дел в российском селе:

- снижение доли сельского хозяйства в ВВП и, как следствие, потеря позиций ведущего сектора экономики в сельской местности;
- изменение структуры занятого на селе населения²;
- интенсификация труда при малом количестве занятых;
- преобладание крупных сельскохозяйственных предприятий с низкой добавленной стоимостью, зависимых от субвенций извне;
- недостаток инвестиций в сельское хозяйство;
- массовая депопуляция, потеря населения, в первую очередь малонаселенными поселениями;
- фиксация основных элементов инфраструктуры в центральных местах и деградация их вне центров;
- малая эффективность муниципальных и прочих управленческих структур.

Развитие производственных секторов должно иметь первостепенное значение перед сельским хозяйством, в особенности на побережье, в пригородной зоне и коридорах развития надрегionalного масштаба. Имеющиеся зарезервированные под сельское хозяйство или пустующие земли должны и могут быть использованы в целях туризма. На побережье и в экологически чувствительных районах сельское хозяйство должно быть подчинено потребностям туризма. Именно для этих районов должен действовать общий строгий запрет на применение генетически модифицированных растений, строительство крупных животноводческих ферм или других предприятий с высоким уровнем выбросов.

В качестве мер предлагается следующее:

- пересмотр политики равного субсидирования сельскохозяйственной отрасли Европейским союзом;
- усиление местного самоуправления, коммунальная реформа (не все муниципалитеты в состоянии выполнять коммунальные обязанности в полном объеме, недостаток в квалифицированном персонале);
- интеграция сельского хозяйства в соответствующие региональные экономики, в том числе и за счет туризма.

Крупные малые и средние крестьянские хозяйства-собственники земли, которые смогли закрепиться и остаться на земле при общей тенденции миграции сельского населения, расширением спектра предоставляемых секторов смогли бы оказать поддержку сельской местности данной территории. На востоке должны получить большее значение растущие сегменты аграрного рынка, как это показывает опыт земель Северного Рейна-Вестфалии или Рейнланда-Пфальца, например специализация на экологической продукции.

² Например, в Мекленбурге-Передней Померании важнейшим «работодателем» в сельской местности является туризм: в 2007 г. в этой сфере на селе было занято 23 600 чел., тогда как в сельском хозяйстве — только 21 348 [9].

Эти аспекты должны учитываться при продаже или аренде земли агентством, которое распоряжается большей частью земли в бывшей ГДР, — Обществом по оценке и управлению землей (*Bodenverwertungs- und -verwaltungs GmbH — BVVG*). Преимущество, которое получали крупные хозяйства, приведет к дальнейшему росту экстенсивности сельского хозяйства в ущерб интенсивности, последующему упадку.

При замене субвенций кооперативными связями менеджмент юридических и других лиц, управляющих издали крупными хозяйствами, должен обеспечить региональное развитие.

Список литературы

1. *Knappe Э., Пумерский Д.* Современные проблемы развития сельского хозяйства и сельской местности в Германии // Вестник МГУ. 2004. № 2. С. 32—36.
2. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье : географические очерки. М., 2003.
3. *Raumplanung und Raumforschung in der DDR* / Hrsg. K. Eckart [et al.]. Berlin, 1998.
4. *Raumordnung und Landesplanung in Deutschland* / Hrsg. K. Eckart [et al.]. Dresden, 1993.
5. *Henkel G.* Der ländlichen Raum. Gegenwart und Wandlungsprozesse in Deutschland seit dem 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1993.
6. *Klüter H.* Das Spannungsfeld zwischen Landwirtschaft, Agrarindustrie und Tourismus // Klassenkampf gegen die Bauern. Die Zwangskollektivierung der ostdeutschen Landwirtschaft und ihre Folgen bis heute, 2010. S. 133—157.
7. *Landesraumentwicklungsprogramm Mecklenburg-Vorpommern.* Schwerin, 2005.
8. *Ländliche Siedlungen. Planung und Gestaltung in der UdSSR und in der DDR* // Reihe Landwirtschaftsbau. 1972. H. 21.
9. *Leben, arbeiten und erholen im ländlichen Raum.* Landesweite Tagung am 14.05.2009. Schwerin, 2009.
10. *Neue Leitbilder der Raumentwicklung in Deutschland.* 2006. H. 11/12. S. 605—735.
11. *Mueller B., Wirth P., Danielzyk R., Prieb A.* Sanierung und Entwicklung in Ostdeutschland — regionale Strategien auf dem Prüfstand. Dresden, 2000. 32. 192 S.
12. *Optimierung von Siedlungssystem.* Reihe Städtebau und Architektur. Berlin, 1971. H. 34.
13. *Optimierung des Konzentrationsprozesses im Siedlungsnetz.* Reihe Städtebau und Architektur. Berlin, 1976. H. 39.
14. *Reichert-Schick A.* Sterbende Dörfer? Determinanten und Prozesse der Siedlungsregression in Vorpommern // Regionalentwicklung in Vorpommern. 2008. S. 12—15.
15. *Statistisches Jahrbuch 2010* : Statistisches Bundesamt. Wiesbaden, 2010.
16. *Statistisches Jahrbuch.* Mecklenburg-Vorpommern, 2010.
17. *Umbrüche auf märkischem Sand.* Brandenburgs Landwirtschaft im Wandel der Zeit — Entwicklungen, Risiken, Perspektiven. Fraktion Bündnis 90/die Grünen im Brandenburger, 2011.

Об авторах

Гельмут Клуэтер, профессор региональной географии, Институт географии и геологии, университет Грайсфальд.

E-mail: klueter@uni-greifswald.de

Левченко Андрей Викторович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и геополитики, старший научный сотрудник центра Германских исследований НОЦ «Институт Балтийского региона», Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: alevchenkov@kantiana.ru

RURAL AREAS OF EASTERN GERMANY:
MODERN CHALLENGES

H. Klüter*, A.V. Levchenkov**

* *University of Greifswald, Greifswald
11, Domstrasse, Greifswald, 17489, Germany*

** *Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
14, Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russia*

Received 17 July 2011

After the reunification of Germany, agriculture of the eastern part of the country has rapidly developed. At the same time, the mid-1990s saw the development of prerequisites for those negative phenomena that became pronounced today. This work aims to identify these problems and existing challenges faced by the rural area of eastern Germany, without the resolution of which further sustainable development seems problematic. An analysis of statistical data on agriculture helps characterise the structure of agricultural enterprises, land use, and basic agricultural indicators. The authors consider pros and cons of the applied paradigm and the existing policy of spatial planning in rural areas. The situation in rural areas is scrutinised; certain measures aimed at changing the negative trends are offered as variants of possible development. As a result, the authors prove it necessary to diversify the structure of the employed and the approach to territorial planning of rural area, despite the allegedly positive changes that took place after the reunification of the GDR and the FRG.

Key words: East Germany, rural area, agriculture, spatial planning, centres.

References

1. Knappe, E., Piperskij, D. 2004, *Vestnik MGU*, no. 2 pp. 32—36.
2. Nefedova, T.G. 2003, *Sel'skaja Rossija na pereput'e. Geograficheskie ocherki [Rural Russia at a crossroads. Geographical essays]*, Moscow, 408 p.

3. Eckart, K., Kehrer G., Scherf K. 1998, *Raumplanung und Raumforschung in der DDR*, 271 p.
4. Eckart, K., Roch, I. 1993, *Raumordnung und Landesplanung in Deutschland*, 184 p.
5. Henkel, G. 1993, *Der ländlichen Raum. Gegenwart und Wandlungsprozesse in Deutschland seit dem 19. Jahrhundert*, Stuttgart, 349 p.
6. Klüter, H. 2010, Das Spannungsfeld zwischen Landwirtschaft, Agrarindustrie und Tourismus. In: *Klassenkampf gegen die Bauern. Die Zwangskollektivierung der ostdeutschen Landwirtschaft und ihre Folgen bis heute*, pp. 133—157.
7. *Landesraumentwicklungsprogramm Mecklenburg-Vorpommern*, Schwerin, 2005, 79 p.
8. *Ländliche Siedlungen. Planung und Gestaltung in der UdSSR und in der DDR, 1972*, Reihe Landwirtschaftsbau, vol. 21, 42 p.
9. *Leben, arbeiten und erholen im ländlichen Raum. Landesweite Tagung am 14.05.2009*, 2009, Schwerin, 51 p.
10. *Neue Leitbilder der Raumentwicklung in Deutschland*, 2006, vol. 11/12, pp. 605—735.
11. Mueller, B., Wirth, P., Danielzyk, R. and Priebes, A. 2000, *Sanierung und Entwicklung in Ostdeutschland — regionale Strategien auf dem Prüfstand*. Dresden, IOER, 192 p.
12. *Optimierung von Siedlungssystem. Reihe Städtebau und Architektur*, vol. 34.
13. *Optimierung des Konzentrationsprozesses im Siedlungsnetz. Reihe Städtebau und Architektur*, vol. 39, 55 p.
14. Reichert-Schick, A. 2008, *Regionalentwicklung in Vorpommern*, pp. 12—15.
15. *Statistisches Jahrbuch 2010*, 2010, Wiesbaden, Statistisches Bundesamt, 745 p.
16. *Statistisches Jahrbuch Mecklenburg-Vorpommern 2010*. 2010, 478 p.
17. Umbrüche auf märkischem Sand. Brandenburgs Landwirtschaft im Wandel der Zeit — Entwicklungen, Risiken, Perspektiven. Fraktion BÜNDNIS 90, *DIE GRÜNEN im Brandenburger Landtag* (Hrsg.), 2011, 206 p.

About authors

Dr Prof. *Helmut Klüter*, Chair of Regional Geography, Institute for Geography and Geology, University of Greifswald, Germany.
E-mail: klueter@uni-greifswald.de

Dr *Andrei V. Levchenkov*, Associate Professor, Department of Social and Economic Geography and Geopolitics, Senior Research Fellow of the Centre for German Studies of the Baltic Region Institute research and education centre, Immanuel Kant Baltic Federal University.
E-mail: alevchenkov@kantiana.ru

УДК 930 (474.5)

ЛИТВА XI—XIV ВЕКОВ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ 50—70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

*М.Е. Мегем**

*М. Вакар***

Рассматривается творчество И.Д. Беляева, К.Н. Бестужева-Рюмина, Н.И. Костомарова и М.О. Кояловича, посвященное истории средневековой Литвы (XI—XIV вв.). Объектом исследования стало восприятие Литвы отечественными учеными 50—70-х гг. XIX в.

С помощью сравнительно-исторического метода и контент-анализа выделены ключевые характеристики, которые составляют основу представлений о Литве в научном дискурсе 50—70-х гг. XIX в. Особое внимание обращается на анализ установок, сквозь призму которых авторы репрезентуют прошлое Литвы.

Авторы 50—70-х гг. XIX в. изучали прошлое Литвы в контексте западноевропейской истории, а не как отдельный предмет. Большое внимание уделяется процессу образования Великого княжества Литовского. Литовское государство XIV в. в историографии второй половины XIX в. воспринимается как «наше». Основной тезис русских ученых, обусловленный их славянофильскими позициями, заключается в том, что русская культура более развита, чем литовская, и более перспективна для балтов, чем польская.

Ключевые слова: историография, история Литвы, Великое княжество Литовское, И.Д. Беляев, К.Н. Бестужев-Рюмин, Н.И. Костомаров, М.О. Коялович.

*Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта. 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

**Центр научных исследований им. Войцеха Кентшиньского. 10-402, Польша, Олыштын, ул. Партизанов, 87.

Поступила в редакцию 21.09.2011 г.

Отечественные исследователи, занимавшиеся вопросами средневековой Руси, часто обращались к истории Литвы. Это обусловлено с тем, что прошлое Литвы во многом связано с русской историей: так, в XI и XII вв. русские князья брали дань с литов-

ских племен, в конце XII и XIII вв. уже литовцы совершали походы на близлежащие русские земли, а в XIV в. литовские властители начали присоединять территории русских княжеств, в результате чего образовалось Великое княжество Литовское (далее ВКЛ). Все эти события отражены в трудах русских историков, но их интерпретации различны.

Отличия в трактовках обусловлены временем и местом написания исторического произведения. Каждая эпоха привносит что-то свое в ход осмысления литовской истории.

До XIX в. русские историки практически ничего не писали о Юго-Восточной Балтике в эпоху Средневековья. Только в первой половине XIX в. исследователи приступили к анализу истории ВКЛ, но лишь в контексте изучения русско-литовских взаимоотношений¹. При этом в их трудах фактически отсутствует информация о том, что происходило на территории литовских земель. Вследствие такого подхода Литва и литовцы воспринимаются авторами исключительно сквозь призму русско-литовских взаимоотношений, а тема борьбы русских княжеств с Литвой для историков первой половины XIX в. становится ключевой. Исходя из этого формируется образ Литвы: на первый план выдвигаются такие характеристики Литвы, как «опасный соперник» и «завоеватель»².

В первой половине XIX в. большинство трудов, посвященных собственно истории Великого княжества Литовского, было написано польскими историками на польском языке [11, с. 15]. В отечественной историографии единственным исключением была работа Н. Г. Устрялова «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» (1839 г.) [12]. Автор обозначил особый характер государственности ВКЛ: в результате удачных действия Гедимина и его потомков русское и литовское племя «сливались в один народ, в котором Русский язык, Русская вера, Русские уставы должны были господствовать» [13, с. 138]. Такие пассажи, повествующие о прошлом литовского народа, были довольны редки. Но в середине XIX в. ситуация меняется: начинают публиковаться исторические источники, в которых затрагиваются вопросы истории ВКЛ. Так, в Санкт-Петербурге приступает к работе комиссия, издающая документы по истории Западной России. Вскоре аналогичные комиссии создаются в Вильно и Киеве [10, с. 422].

Внимание ученых к истории западных и юго-западных русских земель не случайно. Сама логика развития исторического знания диктовала постановку такой новой исследовательской проблематики, как история Литвы и ВКЛ в контексте западнорусской истории. К тому же в

¹ Здесь прежде всего стоит выделить таких авторов, как Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Д.Н. Бантыш-Каменский, А.А. Скальковский, М. П. Погодин, Н.А. Полевой.

² Более подробно об этом см.: Мегем М. Е. Образ средневековой Литвы в историографии первой половины XIX века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Калининград, 2011. Вып. 12. С. 50—54.

XIX в. умы многих видных деятелей тревожил «польский вопрос». В 1863 г. в Польше началось вооруженное восстание. Часть литовцев и белорусов поддержали национально-освободительное движение. Для того чтобы понять природу и корни этой борьбы за независимость, профессора Москвы и Санкт-Петербурга обратилась к изучению истории западного края Российской империи. Произведения М. О. Кояловича, Н. И. Костомарова, И. Д. Беляева и К. Н. Бестужев-Рюмина отчасти ликвидировали пробел в исторических знаниях об этом регионе.

Согласимся с А. Ю. Дворниченко, что в их работах было много навивного, зачастую в них просто излагались события [5, с. 6]. К тому же отсутствие действительно научного критического подхода в процессе анализа фактов в последующем привело к нареканиям и критике со стороны научного сообщества. Однако их работы (после Н. Г. Устрялова) легли в основу отечественной историографии Литвы и ВКЛ.

В 1859 г. уже состоявшийся и известный ученый Н. И. Костомаров прочитал лекцию в Петербургском университете по древней истории и быту литовцев, после чего опубликовал ее в виде статьи в журнале «Русское слово» [7, с. 33]. Восприятие Литвы историком основывалось на ряде взаимосвязанных между собой постулатов:

Во-первых, литовцев он характеризовал как «первобытную» [7, с. 5], уединенную от всех «деревенскую цивилизацию» [7, с. 49], которая в своей «маленькой болотистой отчизне» [7, с. 7] прочно держится за «начатки глубокой старины» [7, с. 6] и в отличие от христианской цивилизации идет по колею «рабства и духовного неведения» [7, с. 6—8].

Во-вторых, Литва для Н. И. Костомарова — орудие исторического движения и соединения русского народа. Балты, по мысли автора, в IX в. дали славянам название «Русь» и единый княжеский род, тем самым связав разрозненные, но близкие по духу народы. Вследствие этого литовцы в первый раз дали толчок «русским» в процессе исторического развития. В XIV в. «литовский элемент» вновь послужил источником объединения «нашего отечества», принеся с собой новое название — «Литва». Но в этом случае дело ограничилось только половиною Руси [7, с. 7].

Н. И. Костомаров заключает, что, несмотря на исключительно важную роль литовцев в русской истории, они не только никак не повлияли на русские земли, но и сами ничего не взяли во время контактов с более культурной русской цивилизацией для своего собственного поступательного движения [7, с. 8—9]. Такая позиция автора вполне понятна: он оценивает Литву как замкнутый в себе народ, находящийся на «детской ступени развития» [7, с. 46]. Неудивительно, что в итоге литовская «первобытная, языческая цивилизация» подчиняется «более высшей славянской и уже христианской» [7, с. 10].

В-третьих, ученый делает акцент на том, что литовцы — это «непридирчивый и невоинственный народ», который в IX в. из «деревенского сна» сначала выводят норманны, а потом в XIII и XIV вв. — уже русская и немецкая стихии. Вследствие чего природа этого неагрессивного племени становится «воинственной», балты с большим шумом по-

являются на исторической арене «и с последствиями не для себя, а для других» [7, с. 9]. На этом утверждении и основывается самая главная мысль Н.И. Костомарова о Литве: у этого племени есть своя особая миссия, заключающаяся в том, чтобы, время от времени пробуждаясь, соединять удельно-вечевую Русь и придавать ей движения по дороге исторического развития, после чего вновь возвращаться к родной «недвижимой старине» [7, с. 9]. Автор приходит к выводу, что историческое предназначение Литвы после Кревской унии оказывается выполнено [7, с. 77].

Труд доктора богословских наук, профессора Петербургской духовной академии М.О. Кояловича «Чтения по истории западной России», вышедший в 1864 г., являлся одной из первых книг, которая ознаменовала собой глубокий интерес общественности к истории другой России — западной, долгое время входившей в состав ВКЛ. Главная цель, которую он перед собой поставил, — изучить «западнорусскую историческую жизнь тесно связанную с восточнорусской жизнью» [8, с. 11]. В своей работе он пристально рассматривает историю Литвы, полагая, что литовцы сыграли важную системообразующую роль в истории западной России. Такой вывод можно сделать по периодизации «важнейших моментов исторической жизни западной России» М.О. Кояловича. По мысли автора, на втором этапе³ истории западной России именно Литва стала тем связующим звеном, которое под своим началом создало литовско-русское государство.

Как полагает ученый, литовцы — это «сторожевой полк русских, защитивший русский народ немалое время от прусских и ливонских рыцарей» [8, с. 40]. Отношения между литвинами и русскими М.О. Коялович оценивает через образование совместного государства: с литовским племенем надо «ведаться, пока устроилось мирное сожитительство» [8, с. 58].

М.О. Коялович выделяет два важных события, которые в XIII в. кардинально повлияли на историческое развитие западной России. Историк заключает, что «татарское нашествие» и появление рыцарских орденов в Юго-Восточной Балтике предопределили образование русско-литовского государства. Литва и юго-западные русские княжества под давлением врагов объединяются в одно государственное образование, чтобы сохранить свою независимость и культуру, дать отпор врагу [8, с. 39, 75, 78—79].

³ Всего М.О. Коялович выделяет пять периодов:

I. Разделение русского народа на две половины и попытки западной России образовать свой государственный центр.

II. Соединение западной России с Литвой.

III. Соединение Литовского западнорусского княжества с Польшей посредством чисто внешнего союза.

IV. Соединение западной России с Польшей и распад Русско-Польского государства.

V. Неправильное позднейшее развитие русско-польского вопроса [8, с. 54].

Автор, будучи церковным историком, большое внимание уделяет языческой природе Литвы. Он считает, что язычество — это важный элемент литовской самобытности, но само течение жизни показывает, что языческая составляющая для строительства государства бесперспективна: «Литовский языческий быт должен был погибнуть и пересоздаться в христианский». Историк называет два пути, по которым в этих условиях могла пойти Литва: заимствовать христианство католического толка от рыцарей или православие со стороны русских. Первый путь вел к краху литовской культуры и государственности, поэтому балты так упорно сопротивлялись крестоносцам. Второй путь в глазах автора более выгоден для Литвы, поскольку принятие литовцами православия не означало гибель государственности, а язычество бы незаметно замещалось православием [8, с. 83]. Ученый делает вывод, что до Кревской унии языческая система Литвы в объединенном государстве медленно разрушалась, уступая свое место именно русским началам. При этом автор фиксирует взаимовыгодное влияние русских и литовцев. Русские привнесли культуру, юридические законы, военное искусство и силу, литовцы — государственность и централизаторские тенденции [8, с. 88—89], вследствие чего это симбиозное литовско-русское княжество с успехом противостояло агрессии со стороны своих соседей. Такое историческое развитие привело к тому, что данное государственное образование «втягивалась более и более в жизнь и дела восточной России, готовилась и политически слиться с ней» [8, с. 91]. Но заключение династического союза между ВКЛ и Польшей в замке Крево, по мнению ученого, перевернуло ход истории в Юго-Восточной Балтике и Юго-Западной Руси, так как «русское историческое развитие Литовского княжества принесено было... в жертву союзу с латинской Польшей» ради локальных выгод короля Ягайло. Историк негативно оценивает данный процесс: для литовско-русской государственности такой вектор впоследствии станет губительным [8, с. 131].

Профессор кафедры русского законодательства Московского университета И. Д. Беляев при написании работы «Рассказы из русской истории», объясняющей образование Московского княжества, изучал историю земель, вошедших в состав Русского государства. Так, в 60-е гг. XIX в. из-под пера исследователя вышли книги, посвященные истории Полоцка, Новгорода и Пскова. В томе «История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии» автор подробно изложил свои представления о Литве и о ВКЛ. Первоначально литовцы для него — это обитатели «пущ, лесов и болот», находящиеся в «полудиком состоянии» [1, с. 72], живущие отдельно друг от друга в больших или малых семьях и подчиняющиеся только власти старейшины или Криве-Кривейто [1, с. 81]. Но вследствие влияния Полоцкого княжества на Литву, имевшего в балтских землях множество колоний [1, с. 25], этот народ представлен «на поприще истории более или менее русскими людьми» [1, с. 83]. И. Д. Беляев характеризует литовцев как самых близких и дружественных соседей [1, с. 63], более «восприимчивых» к полоцкой природе, более «подвижных, энергич-

ных», чем другие племена [1, с. 114]. Взаимоотношения между ними всегда протекали мирные и «братские» [1, с. 25], так как обычаи и нравы их схожи [1, с. 67, 69]. Отсюда автор делает вывод, что «литовцы и русские являются как бы одним народом или как бы родными» [1, с. 65, 69, 83], интересы которых в процессе взаимодействия становятся общими [1, с. 22]. Полоцк, по мнению историка, привнес в литовскую землю «русскую цивилизацию» [1, с. 69, 83—84], т. е. «формы общественной жизни» [1, с. 81, 137], народную культуру [1, с. 69], земледелие [1, с. 71]. Исследователь считает, что под влиянием полочан Литва стала воинственной [1, с. 83].

При этом И. Д. Беляев акцентирует внимание на том, что у Литвы сохранялись и возникали свои специфические черты, являющиеся своеобразным «природным типом» литовского племени [1, с. 84]: язык, языческая вера, некоторые традиции [1, с. 81—84], самобытная княжеская власть [1, с. 77—79] — все это никак не вступало в противоречие с «русской цивилизацией» [1, с. 64, 83—84, 178—180].

Ученый заключает, что «русская цивилизация» прочно и мирно укоренилась в Литве, поэтому неудивительно, что Вильно мог спокойно занять место Полоцка после его упадка, действуя «в чисто русском направлении, нисколько не изменяя русской цивилизации и не отрывая Литву от Русской земли» [1, с. 112]. В противовес Полоцку, давшему балтам цивилизацию, автор ставит Польшу, которая насаждает здесь свое «иго» [1, с. 121—122] и «латинство», представляющее собой «страшное разъедающее начало» [1, с. 69]. Он утверждает, что Литва двигалась в сторону «полного торжества православия» и полоцкой цивилизации, но «козни» со стороны Польши и ее войско «сбили» балтов с правильного пути развития [1, с. 250]. С заключением Кревской унии И. Д. Беляев отождествляет начало периода «темного времени» [1, с. 291—292].

Известный русский историк, источниковед и историограф К. Н. Бестужев-Рюмин продолжает традиции исследователей петербургской школы в сфере изучения истории ВКЛ. Вслед за Н. И. Костомаровым, будучи на посту заведующего кафедрой русской истории Петербургского университета, он в своем двухтомнике «Русской истории» освещает вопросы, связанные с историей Литвы. Во второй том вошла большая глава о Литве, не опубликованная в первой книге из-за значительного объема [6, с. 105]. Историк считал, что история Западной России поможет понять историю Киевской Руси, «великорусское племя и его последующую историю» [3, с. 494]. Вместе с тем, как подчеркивает А. Ю. Дворниченко, Бестужев-Рюмин «даже строил периодизацию отечественной истории, исходя из наличия двух центров объединения русских земель: московского и литовского» [4, с. 16].

Литва в представлении историка долгое время была «уединенным народом», сохранявшим «много первоначальных черт», характерных для арийских племен [2, т. 1, вып. 1, с. 83]. Появление крестоносцев в Юго-Восточной Балтике подтолкнуло литовское племя к «исторической дея-

тельности» [2, т. 1, вып. 1, с. 299]. Для увеличения военного потенциала и отпора врагу литовские князья «бросаются на ослабевшую от удельного дробления и татарского нашествия Русь» [2, т. 2, вып. 1, с. 1—2, 54], в результате чего в XIV в. образуется ВКЛ, которое, как полагал К. Н. Бестужев-Рюмин, было «скорее русское, чем литовское» [2, т. 1, вып. 1, с. 83; т. 2, вып. 1, с. 53]. Свою позицию он объяснял тем, что «русская цивилизация» превосходит «литовский элемент». «Русские начала» привносят в ВКЛ свой язык, «роды удельных князей, вечевое устройство городов, единство города и земли», т. е. литовцы фактически перенимают «русские порядки» и, соблюдая эти порядки, «мирно» управляют присоединенными землями [2, т. 1, вып. 1, с. 53].

Однако ученый обнаруживает в этом государстве новую специфическую черту, которая не была присуща «русскому порядку»: оборонительный «воинственный характер» княжества, оказывающий влияние на его строй. По словам автора, литовские князья, завоевывая русские территории, оставляют местным князьям власть, требуя от них взамен военную службу и дань [2, т. 2, вып. 1, с. 53—55].

Результатом Кревской унии, как указывает исследователь, стала борьба между русскими и польскими началами [2, т. 2, вып. 1, с. 52—53], что в итоге не лучшим образом сказалось на литовской государственности [2, т. 2, вып. 1, с. 37—38].

В заключение отметим, что отечественные историки в 50—70-е гг. XIX в. начинают анализировать события, связанные с прошлым Литвы в контексте истории Западной Руси. До этого момента история Литвы появлялась в научном дискурсе только касательно проблематики взаимоотношений восточных русских княжеств с балтскими племенами.

В отличие от историков первой половины XIX в. авторы 50—70-х гг. XIX в. перестают характеризовать литовцев как «завоевателей» и «опасных соперников». Однако они систематически подчеркивают такую специфическую черту Литвы, как «воинственность». Один из основных моментов в работах ученых посвящен взаимосвязи внешнего фактора, прежде всего появления в Юго-Восточной Балтике крестоносцев, с активизацией деятельности литовцев на «историческом поприще». Исследователей в первую очередь интересует тема образования ВКЛ. Литовское государство XIV в. они воспринимают как «наше», при этом отмечается особая созидательная роль литовцев, заключающаяся, по мнению ученых, в том, что они привнесли централизаторские начала. Значительное место в произведениях авторов отводится вопросам культурного взаимодействия русского и литовского элементов. Историки формируют представление о Литве как о носителе менее развитой и менее перспективной культуры по сравнению с «русской цивилизацией», что, в свою очередь, приводит к тому, что литовская народность постепенно идет по пути заимствования более развитой русской культуры, а вместе с ней быта, языка, православия, юридических законов и т. п.

В глазах ученых ВКЛ (или Литовско-Русское государство) является в большей степени русским, чем литовским. В 50—70-х гг. XIX в. продолжает развиваться концепция Н. Г. Устрялова «Другая Русь», в соответствии с которой ВКЛ рассматривается как один из центров объединения раздробленных русских земель, наряду с Московским княжеством. В связи с таким подходом последствия Кревской унии, заключенной между ВКЛ и Польшей в 1385 г., оцениваются как отрицательные как для русских территорий ВКЛ, так и для литовских земель. Исследовательский ракурс историков, за исключением сочинений Н. И. Костомарова, направлен на конструирование негативных характеристик относительно Польши и ее политики, проводимой в ВКЛ. Авторы делают упор на то, что «русская цивилизация» более перспективна для литовского народа, чем польская. В данном случае можно проследить параллель между отрицательным образом Польши в произведениях ученых 60—70-х гг. XIX в. и волнениями, происходившими в западных и юго-западных землях Российской империи в 1863—1864 гг., к которым значительная часть русской интеллигенции отнеслась с большой долей критики.

Список литературы

1. *Беляев И. Д.* История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии // Рассказы из русской истории. СПб., 1872. Кн. 4.
2. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1, вып. 1; 1885. Т. 2, вып. 1.
3. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Рецензия на книгу П. Д. Брянцева «История литовского государства с древнейших времен» // Журнал министерства народного просвещения. 1989. Май. С. 492—505.
4. *Дворниченко А. Ю.* Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М. К. Любавского // Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства. М., 2004. С. 14—30.
5. *Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
6. *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
7. *Костомаров Н. И.* Русские инородцы. Литовское племя и отношение его к русской истории // Русское слово. 1860. № 5. С. 1—100.
8. *Коялович М. О.* Чтения по истории западной России. Минск, 2006.
9. *Литвак Б. Г.* Николай Иванович Костомаров // Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 5—107
10. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961.
11. *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
12. *Устрялов Н. Г.* Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб., 1839.
13. *Устрялов Н. Г.* Русская история. СПб., 1855. Ч. 1.

Об авторах

Мегем Максим Евгеньевич, заместитель начальника отдела исследований стран Балтии НОЦ «Институт Балтийского региона» Социально-гуманитарного парка, Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: megem@yandex.ru

Вакар Марчин, доктор гуманитарных наук, адъюнкт, Центр научных исследований им. Войцеха Кентшиньского (Wojciecha Kętrzyńskiego), г. Ольштын.

E-mail: marcin.wakar@gmail.com

LITHUANIA OF THE 11th-14th CENTURIES IN THE WORKS
OF RUSSIAN HISTORIANS OF THE 1850-1870s

M.Ye. Megem^{*}, M. Vakar^{**}

**Immanuel Kant Baltic Federal University
14, Nevskogo str., Kaliningrad, 236041, Russia*

*** Wojciech Kętrzyński Research Centre
87, ul. Partyzantów, Olsztyn, 10-402, Poland*

Received 21 September 2011

This article considers the works of I.D. Belyaev, K.N. Bestuzhev-Ryumin, N.I. Kostomarov, and M.O. Koyalovicha on the history of medieval Lithuania (11th–14th centuries). The object of research conducted in the article is a complex perception of Lithuania, typical for Russian scientists of the 1850–70s.

With the help of the comparative historical method and content analysis, the authors identify the key characteristics underlying the perception of Lithuania in the scientific discourse of the 1850–70s. Particular attention is paid to the analysis of attitudes affecting the representation of Lithuania's past by the authors.

The authors of the 1850–70s study Lithuania's past in the context of the history of western Russia rather than an independent object. Special attention is paid to the process of formation of the Grand Duchy of Lithuania. The Lithuanian State of the 14th century is perceived as "ours" in the historiography of the second half of the 19th century. The main thesis of Russian scientists — in line with their Slavophile positions — is that Russian culture is more developed than Lithuanian and more promising for the Balts than the Polish one.

Key words: historiography, history of Lithuania, Grand Duchy of Lithuania, I.D. Belyaev, K.N. Bestuzhev-Ryumin, N.I. Kostomarov, M.O. Koyalovich.

References

1. Beljaev, I. D. 1872, *Istorija Polocka, ili Severo-Zapadnoj Rusi, ot drevnejshih vremjon do Ljublinskoj unii*. In: *Rasskazy iz russkoj istorii [Stories of Russian history]*, part. 4, Saint Petersburg, Sinodal'naja tipografija.
2. Bestuzhev-Rjumin, K. N. 1872, *Russkaja istorija [Russian history]*, part. 1, Saint Petersburg, Tipografija A. Transhelja.
3. Bestuzhev-Rjumin, K. N. 1885, *Russkaja istorija [Russian history]*, part. 2, Saint Petersburg, Tipografija A. Transhelja.
4. Bestuzhev-Rjumin, K. N. 1989, *Zhurnal ministerstva narodnogo prosvewenija*, May, pp. 492—505.
5. Dvornichenko, A. Ju. 2004, *Istoriografija Velikogo knjazhestva Litovskogo i «Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva «M. K. Ljubavskogo*. In: Ljubavskij, M. K. 2004, *Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva [Essay on the History of the Lithuanian-Russian state]*, Saint Petersburg, Nauka, pp. 14—30.
6. Dvornichenko, A. Ju. 1993, *Russkie zemli Velikogo knjazhestva Litovskogo (do nachala XVI v.)*. In: *Ocherki istorii obwiny, soslovij, gosudarstvennosti [Essays on the history of the community, social classes, the state]*, Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
7. Kireeva, R. A. 1990, *K. N. Bestuzhev-Rjumin i istoricheskaja nauka vtoroj poloviny XIX v. [K. N. Bestuzhev-Rumin and history of the second half of XIX century.]*, Moscow, Nauka.
8. Kostomarov, N. I. 1860, *Russkoe slovo*, no. 5, pp. 1—100.
9. Kojalovich, M. O. 2006, *Chtenija po istorii zapadnoj Rossii [Readings on the history of western Russia]*, Minsk, Belaruskaja Jencyklapedyja.
10. Litvak, B. G. 1992. Nikolaj Ivanovich Kostomarov. In: Kostomarov, N. I. 1992, *Ocherk domashnej zhizni i npravov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletijah [Sketch of home life and manners of the people of the Great in the XVI and XVII centuries]*, Moscow, Respublika, pp. 5—107.
11. Picheta, V. I. 1961, *Belorussija i Litva XV-XVI vv. [Belarus and Lithuania XV-XVI centuries]*, Moscow, Akademija Nauk SSSR.
12. Ulawik, N. N. 1985, *Vvedenie v izuchenie belorussko-litovskogo letopisanija [Introduction to the study of the Belarusian-Lithuanian chronicles]*, Moscow, Nauka.
13. Ustrjalov, N. G. 1839, *Issledovanie voprosa, kakoe mesto v russkoj istorii dolzhno zanimat' Velikoe knjazhestvo Litovskoe [An investigation of the place in Russian history should occupy the Grand Duchy of Lithuania]*, Saint Petersburg, Tipografija Jekspedicii zagotovlenija gosudarstvennyh bumag.
14. Ustrjalov, N. G. 1855, *Russkaja istorija [Russian history]*, part. 1, Saint Petersburg, Tipografija Apollona Fridrihsona.

About authors

Maxim Ye. Megem, Deputy Head of the Baltic Studies Unit, Baltic Region Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: megem@yandex.ru

Dr *Marcin Wakar*, adjunct, Wojciech Kętrzyński Research Centre, Olsztyn.

E-mail: marcin.wakar@gmail.com

ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — 0,5 уч.-изд. л. (20 тыс. знаков с пробелами), для научного сообщения — 0,15 уч.-изд. л. (6 тыс. знаков с пробелами). Статья направляется в редакцию журнала заместителю главного редактора по периодическим изданиям Кузнецовой Татьяне Юрьевне по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. При подаче статьи на рассмотрение автор вместе с материалами рукописи должен представить внешнюю рецензию на работу (с обязательным указанием контактных данных рецензента: Ф.И.О., место работы, должность, e-mail, контактный телефон). При подаче работы по электронной почте рецензию можно представить в формате PDF.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках (*150—200 слов*), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;

- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);

- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т.д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);

5) список литературы (*не более 25 источников*);

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210×297мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2012
1 (11)

Редактор *М. В. Королева*
Корректор *М. В. Бурлетова*
Оригинал-макет подготовлен *О. М. Хрустальной*

Подписано в печать 07.02.2012 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 70×108 ¹/₁₆
Гарнитура «Times». Ризограф. Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л 11,3.
Тираж 1000 экз. Заказ 55.

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14